

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БРЯНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА И. Г. ПЕТРОВСКОГО»

На правах рукописи

ГРУДИНА АЛЕКСЕЙ ДМИТРИЕВИЧ

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОМОЩЬ СЕМЬЯМ НИЖНИХ ЧИНОВ РОС-
СИЙСКОЙ АРМИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
доцент
В.Ф. Блохин

Брянск 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОМОЩИ СЕМЬЯМ РЯДОВОГО СОСТАВА РОССИЙСКОЙ АРМИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	23
1.1. Воинский Устав 1874 г. и законы 25 июня 1877 и 1912 гг. о казенных пособиях для семей нижних чинов, «выступивших в поход»	24
1.2. Регулирование закона об оказании помощи семьям рядового состава русской армии в условиях Первой мировой войны	41
1.3. Изменения в законе 25 июня 1912 г. о материальной поддержке семей военнослужащих, оказавшихся в плену и дезертировавших в годы Первой мировой войны	67
ГЛАВА II. ОРГАНИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ПОМОЩИ СЕМЬЯМ РЯДОВОГО СОСТАВА РУССКОЙ АРМИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	88
2.1. Создание и деятельность сельских волостных попечительств в деле призрения семейств нижних чинов, призванных на войну	88
2.2. Деятельность городских попечительств в организации помощи семьям воевавших нижних чинов.....	107
2.3. Благотворительные организации в оказании помощи семьям рядового состава русской армии	129
ГЛАВА III. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКОНА 25 ИЮНЯ 1912 г. «О ПРИЗРЕНИИ НИЖНИХ ВОИНСКИХ ЧИНОВ И ИХ СЕМЕЙСТВ»	150
3.1. Отражение особенностей реализации закона 25 июня 1912 г. в проектах, жалобах и прошениях	150
3.2. Проблема государственной помощи семьям рядовых, находившихся на фронте, на страницах периодической печати (1914–1917 гг.)	176
3.3. Проблема материальной поддержки семей рядового состава Первой мировой войны в Петрограде и Москве	198
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	212
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	219

ВВЕДЕНИЕ

Первая мировая война стала не только самой масштабной для своего времени, столкнув на борьбу друг с другом миллионные армии, она явила совершенно новые подходы практически ко всем сторонам жизни не только фронта, но и тыла, кардинально изменив привычную повседневность столичных и провинциальных городов, сёл и деревень.

Важной чертой, характерной для вооруженных сил Российской империи, был их возрастной состав, поскольку значительная часть мобилизованных состояла из лиц более зрелого возраста, чем кадровая армия, очень часто семейных, мысленно тесно связанных с только что покинутыми на родине женами и детьми. Следствием этого являлось особое отношение воевавших к экономическим потрясениям, возникавшим в тылу, а также государства к оказанию помощи семьям солдат, находившихся на фронте. В работе рассматривается самый массовый вид помощи – государственный паек, который в годы войны получало до 40 млн человек.

Актуальность работы связана с изучением государственной помощи семьям нижних чинов¹ русской армии в условиях начавшейся войны, превратившейся в одно из важнейших направлений социальной политики, во многом определяя отношение к верховной власти страны как в тылу, так и на фронтах Первой мировой войны. Однако и до сегодняшнего дня оценки Великой войны чаще всего осуществляются на основе исключительно военных, политических и экономических показателей, практически, исключая ее «микрокосм», роль человека, его морально-психологического состояния в этих глобальных процессах.

¹ Нижними чинами (в современном языке «чин» соответствует понятию «звание») в русской армии называли военнослужащих, занимавших нижнюю ступень в армейской службе. В общем виде они подразделялись на рядовых и унтер-офицеров. Устав о воинской повинности 1874 г. предусматривал три вида призрения нижних чинов: в отношении утративших трудоспособность в результате прохождения службы, в оказании помощи семьям нижних чинов, погибших на войне, а также призванных на действительную военную службу.

Тема диссертационного исследования является актуальной также потому, что в нем определяются новые факторы, дополняющие общую картину социального кризиса, вызванного политикой правительства в условиях войны, во многом предопределившего события 1917 года в России.

Необходимость восполнения пробелов в изучении законодательной базы действовавших российских законов, направленных на поддержку семей военнослужащих в условиях войны, в свою очередь предопределяет актуальность работы. Несовершенство закона 25 июня 1912 г. в части выдаче казенного денежного пособия в виде пайка, неминуемо отражалось на финансовом положении страны, поскольку его исполнение требовало значительных расходов из казны. Военная действительность заставляла вносить коррективы в сложившееся законодательство, а достоинства и недостатки выработанных правил оказывали серьезное воздействие на настроения, господствовавшие в тылу и на фронте, определяли отношение к способности государства отвечать на запросы этого сложного времени.

Весьма актуальной и востребованной в современных исторических исследованиях выступает проблема благотворительности периода войны, поскольку она стала своеобразной вершиной, заключительным этапом многолетнего формирования российских филантропических начинаний, вобрав в себя опыт предшествующих войн и создав новые условия проявления общественной инициативы. Жизнеспособность практик того времени проявилась в элементах социальной политики будущего нового политического строя, их черты присутствуют и в реалиях сегодняшнего дня.

Объектом исследования является государственная и общественная помощь семьям нижних чинов, призванных на Первую мировую войну.

Предметом исследования является место государственного денежного пособия в виде пайка в системе призрения семей нижних чинов, находившихся в действующей армии в годы Первой мировой войны.

Хронологические рамки исследования охватывают события с начала Первой мировой войны до Февральской революции 1917 г. Однако, говоря о государственной поддержке семей нижних чинов, воевавших на фронтах, необходимо сказать об особенностях подходов к этой проблеме с момента создания воинского Устава 1874 г., положившего основу социальной политики государства в этом сложном вопросе, о законах, принятых 25 июня 1877 и 1912 гг. Опыт предшествующих войн сохранял свою актуальность во многих сферах, но чаще служил лишь своеобразным отправным моментом для решения проблем, которые влекли за собой кардинальные изменения в законодательстве и в общественно-политической практике.

Географические рамки исследования ограничены территориями Российской империи, в которых осуществлялся призыв нижних чинов на Первую мировую войну.

Степень изученности научной проблемы предусматривает оценку определенных периодов в развитии исторического знания по рассматриваемому вопросу. При исследовании государственной помощи семьям нижних чинов в годы Первой мировой войны речь может идти только о двух основных этапах: о дореволюционном и современном (постсоветском). На всем протяжении советского времени проблемы обязательной государственной поддержки в дореволюционной России, общественного попечения, социального призрения и благотворительности практически не вызывали исследовательского интереса¹. Поскольку государство занимая патерналистскую позицию, не предусматривало развитие каких-либо частных инициатив, то и на официальном обществоведческом уровне единственным способом борьбы с бедностью, решения социальных проблем признавалось переустройство общества на социалистических началах.

¹ Исключением могут служить только работы А. Д. Степанского: История общественных организаций в дореволюционной России. Уч. пособие. М., 1979; его же. Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX – XX вв. Учебное пособие по спецкурсу. М., 1980; его же. Общественные организации в России на рубеже XIX – XX вв. Пособие по спецкурсу. М., 1982.

Между тем, в трудах В. И. Ленина, при оценке Первой мировой войны исключительно с политизированной точки зрения, т. е. как империалистической и захватнической, уже содержались важные принципиальные оценки новых социальных процессов, характерных как для европейских стран, так и для России. Вождь большевистской партии, говоря о современном характере войны, оказавшем особое влияние на положение международной социал-демократии, подчеркивал, что она представляла собой небывалый конфликт, фактически требовавший тотальной мобилизации всех сил страны, а значит – и особой социальной политики¹.

К числу позитивных перемен, произошедших в связи с началом перестроечных процессов в стране, можно отнести попытки новых подходов к анализу социальной истории, в том числе и периода Первой мировой войны. На смену установившейся в советское время тенденции к анализу исключительно революционизированных настроений русской армии, их классовой природы, стали приходить первые попытки анализа иных сторон солдатских настроений, проблем социальной жизни армии. Новой темой в постсоветской историографии становится исследование настроения солдатской массы с точки зрения «военно-исторической антропологии» широко представленной в работах Е. С. Сеньявской², А. Б. Астахова³, которые иллюстрируют новое направление российской историографии в изучении Первой мировой войны, ставя в центр исследования психологию человека, а значит и тех составляющих, предопределявших социальные настроения в русской армии.

¹ Ленин В. И. Война и российская социал-демократия // Полное собрание сочинений. М., 1969. Т. 26. С. 13-23.

² Сеньявская Е. С. Человек на войне: Историко-психологический очерк. М., 1997; Сеньявская Е. С., Сеньявский А. С., Жукова Л. В. Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века: очерки по военной антропологии. М.: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 7-25.

³ Астахов А. Б. Русские солдаты и Первая мировая война. Психоисторическое исследование военного опыта // Социальная история. Ежегодник, 2001/2002. М., 2004. С. 399-425; его же. Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М.: «Новый хронограф», 2014; его же. Моральный дух и настроения русской армии в Первой мировой войне // От противостояния идеологий к служению идеалам: российское общество в 1914–1945 гг.: сборник статей. М.: «Новый хронограф», 2016. С. 33-46.

В серии исторических и социально-экономических исследований, выходящих начиная с 2001 года в виде объемных сборников трудов в рамках программы Международного благотворительного фонда имени Д. С. Лихачева «Благотворительность в России как социальный институт: история, становление, развитие» получили исчерпывающую характеристику работы дореволюционных авторов¹. Мы не будем подробнее на них останавливаться, поскольку тема благотворительности лишь косвенным образом затрагивается в нашем исследовании, уделяющем основное внимание государственным мерам поддержки семей нижних чинов, призванных на войну.

В данном случае речь в большей степени идет об обязательных и законодательно регламентируемых формах социальной помощи, а также об организациях, в основе деятельности которых находились немалые бюджетные средства². Такую поддержку миллионам людей на основе пожертвований осуществить не представлялось возможным, но государство могло ее реализовать с помощью общественных организаций, органов местного управления. «Значительная часть деятельности по устройству благотворительных заведений в военное время осуществлялась личным бесплатным трудом общественности – в этом смыс-

¹ Благотворительность в России. 2001: Социальные и исторические исследования. Под ред. О. Л. Лейкинда. Сост.: А. Клецина, О. Лейкинд, А. Орлова, Г. Ульянова. СПб.: Лики России, 2001; Благотворительность в России. 2002: Исторические и социально-экономические исследования. Под общ. ред. О. Л. Лейкинда. Сост. и науч. ред.: О. Л. Лейкинд, А. В. Орлова, Г. Н. Ульянова. СПб.: Лики России, 2003; Благотворительность в России. 2003/2004: Исторические и социально-экономические исследования. Под общ. ред. О. Л. Лейкинда. Сост. и науч. ред: Л. В. Бадя, О. Л. Лейкинд, А. В. Орлова, Г. Н. Ульянова. СПб.: Изд-во им. Н. И. Новикова, 2004; Благотворительность в России. 2004/2005: Исторические и социально-экономические исследования. Под общ. ред. О. Л. Лейкинда. Сост. и науч. ред: О. Л. Лейкинд, А. В. Орлова, Г. Н. Ульянова. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2005; Благотворительность в России. 2006/2007: Исторические и социально-экономические исследования. Под общ. ред. О. Л. Лейкинда. Сост. и науч. ред: О. Л. Лейкинд, А. В. Орлова, Г. Н. Ульянова. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2007; Многоликая благотворительность глазами участников и очевидцев. Сост.: О. Лейкинд, А. Орлова, С. Рубашкина, О. Сестринский. М.: Общественная палата Российской Федерации, 2007; Благотворительность в Санкт-Петербурге 1703–1918. Историческая энциклопедия. Научная редакция и составление: А. П. Керзум, О. Л. Лейкинд, Д. Я. Северюхин. СПб.: «Лики России», 2016.

² Известный дореволюционный специалист в области уголовного права посвятил свою работу этому вопросу еще в довоенный период. См.: Гогель С. К. Объединение и взаимодействие частной и общественной благотворительности. СПб., 1908.

ле мы относим к сфере благотворительности и те заведения, которые частично финансировались из земского и муниципального бюджетов с известной долей средств, поступивших в местные бюджеты из казны»¹.

Анализ правовой базы, обеспечивавшей функционирование такой системы, содержится в работе А. Н. Грицаева², аспектам финансовой деятельности российских благотворительных организаций уделил внимание в своей работе С. В. Куликов³. Роли патроната правящей династии над большинством филантропических акций и над отдельными учреждениями посвящены работы Л. Б. Максимова, И. П. Павловой, Н. Л. Матвеевой, М. А. Сениной и Г. Н. Ульяновой⁴.

Начиная с 1990-х гг. наметилось развитие международных связей российских и западных ученых, стали публиковаться рецензии на зарубежные исследования по различным направлениям истории России, в том числе и военной⁵. Среди таких работ можно назвать фундаментальные исследования,

¹ Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. Ред. Ю. А. Петров. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С.447. (982 с.)

² *Грицаев А. Н.* Благотворительность в России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.): опыт помощи пострадавшим от военных действий: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2008.

³ *Куликов С. В.* Финансовые аспекты деятельности Российских благотворительных организаций военного времени (июль 1914 – февраль 1917 г.) // Благотворительность в истории России. Новые документы и исследования / Поп ред. Л. А. Булгаковой. СПб., 2008. С. 369-396.

⁴ *Максимов Л. Б.* Вклад великой княгини Елизаветы Федоровны в благотворительное движение (конец XIX – начало XX в.) М., 1998; *Павлова И. П.* Социальное попечение в России в конце XIX – начале XX века. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2004; *Павлова И. П.* Монархия и общество: место именных благотворительных комитетов и ведомств в социальной жизни России начала XX в. // История российской монархии: мнения и оценки. СПб., 2000. С. 114-120; *Матвеева Н. Л.* Благотворительность и императорская семья в годы Первой мировой войны. М., 2004; *Ульянова Г. Н.* Императрица Мария Федоровна в российской благотворительности: материнское попечение о страждущих // Императрица Мария Федоровна. Жизнь и судьба. СПб., 2006. С. 103-119; *Сенина М. А.* Благотворительность власти и общества: деятельность великих князей Романовых в Петрограде и на фронте: июль 1914 – февраль 1917 г.: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2010.

⁵ См. например: *Латин В. В.* Армия дореволюционной России в современной западной историографии // Государственные институты и общественные отношения в России XVIII–XX вв. в зарубежной историографии / отв. ред. В. А. Шишкин. СПб., 1994; *Лукьян-*

посвященные взаимоотношениям армии и общества в России накануне революции 1917 г.¹ В ряде работ общая оценка проведенных преобразований в армии, ее места в обществе основывается на справедливом, на наш взгляд, определении, которое сводится к тому, что российские условия предопределяли необходимость обязательного приспособления к социальным условиям существования населения страны. Руководство российской армии инициировало развитие социально-экономических процессов, связанных со службой, но при этом не имело механизма воздействия на гражданские власти, налагавшие ограничения и диктовавшие необходимость корректировки намеченных преобразований. Итогом явилось то, что российская армия и ее командование оказались «одновременно внутри и за пределами общества»².

В современных исследованиях изучение процесса разработки и осуществления мер социальной помощи, предпринятых в годы Первой мировой войны в Российской империи, не было обойдено вниманием российских историков. Так, в содержательной статье Н. Л. Пушкарёвой и П. П. Щербинина, основанной на глубоком исследовании провинциальных архивов и региональной прессы, рассматривается повседневная жизнь женщин-солдаток, т. е. тех, на кого была направлена государственная помощь, показывается влияние «военного фактора» на формирование их социальной психологии³. Имеются работы, в которых рассматривается деятельность городских и волостных попечительств в 1914–1917 гг.,

чикова М. В. История российской армии в освещении германского исследователя Д. Байрау // Общество: философия, история, культура. 2012. № 4. С. 42–47.

¹ *Beyrau D. Militär und Gesellschaft im vorrevolutionären Rußland (Beiträge zur Geschichte Osteuropas, Bd.15). Köln, 1984; Gatrell P. Russia's First World War: a social and economic history. Edinburgh, 2005; Beyrau Dietrich. Krieg und Revolution: Russische Erfahrungen. München: Brill Deutschland GmbH, Paderborn, 2017; Bushnell Y. Peasants in uniform: The Tsarist army as a peasant society// Journal of social history. Summer 1980. V. 13. № 4. P. 565–576; Wildman A. The end of the Russian Imperial Army: The old army and the Soldiers revolt. March to April 1917. N. Y., Princeton, Princeton University Press, 1979.*

² Лукьянчикова М. В. Указ. соч. С. 46.

³ Пушкарева Н. Л., Щербинин П. П. Организация призрения семей нижних чинов в годы Первой мировой войны // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 2. С. 147–162.

оказавших непосредственное влияние на формирование новых, характерных для условий войны отношений в городе и деревне¹.

Анализируя деятельность Калужского земства, О. Н. Суханова пришла к выводу о том, что «благодаря финансовой помощи правительства семьям фронтовиков удалось избежать резкого сокращения окладных сборов»².

Автор самого информативного, на наш взгляд, исследования, посвященного государственной поддержке семей нижних чинов времен Первой мировой войны, Л. А. Булгакова, оценивая российское законодательство, действовавшее на протяжении всего военного периода, утверждает, что события февраля 1917 г. во многом были предопределены недостатками проводимой социальной политики³. Автор отмечает в своей работе, что

¹ Павлова И. П. Социальное попечение в России в годы Первой мировой войны. Красноярск: Красноярский гос. аграрный ун-т, 2003; Щербинин П. П. Повседневная жизнь семей запасных чинов и их призрение в годы русско-японской войны // Семья в ракурсе социального знания. Барнаул, 2001. С.109-126; *его же*. Как жилось российской солдатке в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Женщина в российском обществе. 2004. № 1-2. С. 57-71; *его же*. Социальная поддержка семей военнослужащих (опыт формирования базы данных) // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». № 32. Материалы IX конференции. Апрель 2004 г. Москва; Томск, 2004. С. 115-117; *его же*. Как жилось российской солдатке в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Женщина в российском обществе. 2004. № 1/2. С. 57-71; Букалова С. В. Орловская губерния в годы Первой мировой войны: социально-экономические, организационно-управленческие и общественно-политические аспекты (дореволюционный период: июль 1914 – февраль 1917 года): автореф. ... канд. ист. наук. Орел, 2005; Гавриков Ф. А. Города Российской провинции в условиях Первой мировой войны (на примере Курской губернии): дисс. ... канд. ист. наук. Курск, 2006; Белова Е. Е. Культурно-исторический смысл общественного призрения русских военнослужащих последней четверти XIX – начала XX вв. (по материалам губерний Центральной промышленной области): автореф. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2014; Дюлидович О. М. Попечительства о семьях призванных солдат в 1914–1917 гг. (на материалах Барнаульского уезда Томской губернии) // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 45. С. 16-21; Артамонова Л. М. Материалы попечительства о семьях нижних чинов, призванных из запаса и ополчения, в фондах Центрального государственного архива Самарской области как источник по истории Самары в 1914–1917 гг. // Память о прошлом – 2017. Материалы и доклады VI историко-архивного форума, посвященного 100-летию революции 1917 г. в России. Составители О. Н. Солдатов, Г. С. Пашковская. Самара, 2017. С. 86-92; Чубаров А. И. Социальная опека солдатских семей и пострадавших военнослужащих России в войнах конца XIX – начала XX веков на типичном примере Курской губернии: автореф. ... кандидата исторических наук. Белгород, 2017.

² Суханова О. Н. Калужское земство в годы Первой мировой войны: автореф. ... канд. ист. наук. Владимир, 2012. С. 16.

³ Булгакова Л. А. Привилегированные бедняки: помощь солдатским семьям в годы Первой мировой войны // На пути к революционным потрясениям. Из истории России

постоянной критике подвергалась громоздкость организации призрения и отсутствие связи между разнообразными учреждениями социальной помощи, которые быстро множились в стране, двоякий подход к призрению семей нижних чинов вносил путаницу при разрешении вопроса о пайках¹. У государства и общественности не хватало сил, чтобы повсеместно наладить правильную организацию призрения, а у казны не было средств, чтобы в равной мере удовлетворить всех нуждающихся. В итоге, Л. А. Булгакова приходит к выводу о том, что простого решения этой проблемы в сложившейся обстановке было не найти².

В ряде работ, затрагивавших проблемы государственной помощи семьям рядового состава армии в годы войны, авторы склоняются к мнению, что правительственная поддержка принесла «некоторое смягчение социальной ситуации» и сделала «определенный позитивный шаг на пути к формированию полноценной системы социального обеспечения населения»³. Однако закон 25 июня 1912 г. не мог учесть масштабов предстоящей войны и расходов, которые предстояло понести российской казне. Из ответов, направляемых на прошения членов семей, можно узнать о числе назначенных пособий, но в масштабах страны «достаточно точно определить размер помощи полученной отдельной семьей невозможно»⁴.

Думается, что дальнейшая исследовательская работа с использованием регионального источникового материала, отражающего степень эффективности/неэффективности реализации усилий государства в этой сфере, анализ динамики общественных настроений на фронте и в тылу, предопределивших

второй половины XIX – начала XX века: материалы конференции памяти В. С. Дякина. СПб. ; Кишинев: Nestor-Historia, 2001. С. 431.

¹ Булгакова Л. А. Указ. соч. С. 446.

² Там же. С. 450.

³ Семионкина Н. Г. Некоторые особенности организации государственного призрения нижних чинов в Российской империи начала XX века // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика: материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского. Рязань: Концепция, 2015. С. 109.

⁴ Кузнецов О. Ю. Социальное обеспечение семей военнослужащих в годы I Мировой войны // Социальные аспекты I Мировой войны 1914–1918 гг. М., 1997. С. 11.

политические трансформации 1917 г., последующие обобщения полученных результатов исследования, помогут приблизиться к объективным оценкам государственной политики в деле оказания поддержки семей нижних чинов, находившихся на фронте.

На наш взгляд, на сегодняшний день оценки социальной политики российского государства в годы Первой мировой войны в исследованиях разных лет отличаются неоднозначностью и строятся на фоне довольно противоречивых выводов. Так, историк И. В. Поткина, говоря о деятельности правительства в годы Первой мировой войны, отмечает, что его социальная политика была «комплексной, многомерной и внутренне взаимосвязанной»¹. Общий вывод автора сводится к тому, что даже при неоднозначных последствиях принятых мер, взятые вместе направления социальной политики вписывались в рамки «прогрессивной модели социальной работы»². В последней части вывода автор ссылается на работу Н. Л. Пушкаревой и П. П. Щербинина, которые поместили эту оценку в тексте своей статьи об организации государственной поддержки семей рядовых в годы Первой мировой войны. Однако у них вопрос о «прогрессивной модели социальной работы» касался только одного аспекта деятельности, оказавшего влияние на быстрый рост «правосознания, самосознания, обучение навыкам правового и социального действия женщин из семей призванных»³.

По справедливому утверждению авторов, «сама система выдачи регулярных пособий, ее легитимация обеспечили рост женского социального самосознания, привели к организованным коллективным действиям (писание прошений и умение действовать в правовом поле)»⁴.

Большинство исследователей, говоря в целом о государственной социальной политике в годы войны, анализируя ее правовые нормы, приходит к

¹ Поткина И. В. Регулирование социальной сферы в России в годы Первой мировой войны // Экономическая история. 2017. № 1 (36). С. 47. С. 36-49.

² Там же. С. 49.

³ Пушкарева Н. Л., Щербинин П. П. Организация призрения семей нижних чинов в годы Первой мировой войны. С. 160.

⁴ Там же.

выводу, что она принесла «некоторое смягчение социальной ситуации» и сделала «определенный позитивный шаг на пути к формированию полноценной системы социального обеспечения населения», но сохранила «сословный характер организации государственного призрения»¹. Задача социального обеспечения семей лиц, призванных на войну, в полном объеме не могла быть решена силами государства и благотворительных организаций из-за отсутствия единой системы социальной помощи, усугублявшейся по мере затягивания войны ростом цен и инфляцией².

Оценивая Положение от 25 июня 1912 года «О призрении нижних воинских чинов и их семейств», действовавшее на протяжении всей Первой мировой войны, Л. А. Булгакова пришла к более кардинальному выводу. Она отмечает, что этим законом была заложена «мина замедленного действия», разорвавшаяся в 1917 году³. В нашем исследовании мы постараемся дополнить представленные точки зрения новыми фактами, почерпнутыми из исторических источников, высказать свое мнение по выдвинутым проблемам.

На основе изучения литературы, отражающей предмет исследования, была сформулирована цель и вытекающие из нее задачи.

Целью исследования является изучение особенностей и последствий реализации закона 25 июня 1912 г. в контексте Первой мировой войны и формирования предпосылок Февральской революции в России.

Реализация поставленной цели предполагает решение следующих

задач:

- охарактеризовать особенности правовой базы функционирования системы помощи семьям военнослужащих в условиях войны;
- показать изменения, внесенные в российские законы, касавшиеся денежной помощи семьям военнослужащих, на протяжении всей войны;

¹ Семионкина Н. Г. Некоторые особенности организации государственного призрения нижних чинов в Российской империи начала XX века. С. 109.

² Баева Е. П. Организация социальной помощи в годы Первой мировой войны // Научно-технический вестник Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики. 2005. № 1 (17). С. 122.

³ Булгакова Л. А. Указ. соч. С. 431.

- систематизировать опыт деятельности государственно-общественных структур в деле назначения и выдачи пайков, а также призрения семей воевавших нижних чинов: городских и волостных попечительств, благотворительных организаций;

- определить главные тенденции реализации закона 25 июня 1912 г. в условиях войны, показать воздействие социально-экономических проблем на настроения в тылу русской армии и на фронте;

- определить степень социальной эффективности мер, осуществляемых государством в деле организации помощи семьям нижних чинов;

- проанализировать особенности отражения проблем с назначением и выдачей государственного пособия семьям призванных на войну на страницах периодической печати;

- определить главные тенденции оказания материальной помощи семьям нижних чинов в столичных городах, дополнить общую картину социального кризиса, вызванного политикой правительства в условиях войны.

Источниковая база диссертационного исследования включила обширный комплекс письменных исторических источников. По видам они подразделяются на законодательные акты, в том числе и подготовительные материалы к ним, выработанные в процессе активного обсуждения; делопроизводственную документацию: приказы, циркуляры, инструкции и т. п. Документы личного происхождения: солдатские письма, прошения солдат и членов их семей, воспоминания. Особую роль при подготовке исследования играла журнальная и газетная публицистика.

Законодательные акты регулировали сферу помощи нуждающимся в годы Первой мировой войны. Для анализа новых положений, внесенных в закон от 25 июня 1912 г. «О призрении нижних воинских чинов и их семейств»¹, устанавливавшего круг лиц, имевших право на государственную

¹ О призрении нижних воинских чинов и их семейств // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 3-е. Т. 32 (1912). Часть 1. № 37507.

поддержку, регламентировавшего форму и размер правительственной помощи, механизм ее реализации в период Первой мировой войны. До

В работе было осуществлено сопоставление нового закона, с предшествующим ему законодательным актом «О призрении семейств чинов запаса и ратников государственного ополчения, призванных в военное время на службу» от 25 июня 1877 г.¹, с принятым в 1874 г. новым воинским Уставом² и внесенные в него изменения в 1912 г.³ С началом Первой мировой войны начался активный процесс доработки закона, принятого в мирное время⁴.

К справочно-информационным изданиям можно отнести отчеты городских попечительств⁵. Спецификой этих документов является то, что все они

¹ О призрении семейств чинов запаса и ратников государственного ополчения, призванных в военное время на службу // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 52 (1877). Часть 1. № 57503.

² О введении общей воинской повинности // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 49 (1874). Часть 1. № 52983.

³ Об изменении устава о воинской повинности // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 32 (1912). Часть 1. № 37417.

⁴ Высочайше утвержденное положение Совета министров. О прекращении выдачи пайка семьям добровольно сдавшихся в плен и дезертиров // Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1915. Отд. 1. 29 апреля. Ст. 988.

⁵ Вологодское городское попечительство по призрению семейств нижних чинов, призванных на действительную военную службу. Отчет о деятельности попечительства за период времени с 27 июля 1914 г. по 1 января 1915 года. Вологда, 1915; Вологодское городское попечительство по призрению семейств солдат, призванных на действительную военную службу. Отчет о деятельности попечительства за период времени с 1 августа 1915 г. по 1-е апреля 1917 года. Вологда, 1917; Саратовская городская управа. Отчет о деятельности городских участковых попечительств и Городской исполнительной комиссии... по оказанию помощи семьям запасных воинских чинов, призванных на действительную службу. С 25 июля по 15 сентября 1914 года. Саратов, 1915; Отчет о деятельности Слободского отдела общества помощи семьям запасных и ратников ополчения, призванных в мобилизации 1914–1915 гг., за период времени с 22 сентября 1914 г. по 1 января 1916 г. Слободской, 1917; Минский городской комитет общественной помощи семьям нижних чинов запаса армии и ратников государственного ополчения, призванных на действительную службу. Отчет о деятельности Минского городского комитета общественной помощи семьям нижних чинов запаса армии и ратников государственного ополчения, призванных на действительную службу, [к 1 января 1915 года]. Минск, 1915; Бакинская городская управа. Отдел по призрению семей запасных нижних чинов и ратников государственного ополчения, призванных по мобилизациям на военную службу. Отчет о пожертвованных суммах в пользу семей нижних воинских чинов, призванных на воинскую службу, и раненых воинов. Баку, 1916; Царскосельское городское попечительство о призрении семейств нижних воинских чинов. Отчет за период с 1 января 1915 года по 1 января 1916 года. Пг., 1916; Отчет Шлиссельбургского частного

были подготовлены не по одному образцу и содержат самые разные, чаще всего несопоставимые данные. Однако это обстоятельство не снижает ценности этих публикаций, поскольку в некоторых из них присутствуют рассуждения авторов, раскрывающие внутренние механизмы деятельности попечительств, что гораздо ценнее простых цифровых показателей. Сведения об оказании ими практической помощи семьям призванных на войну также имеются в журналах заседаний и докладах городских дум и управ, в периодической печати.

Письменные неопубликованные источники были выявлены в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА, г. Москва):

Ф. 2003. Штаб Верховного главнокомандующего (Ставка), г. Могилев. Оп. 2.

Ф. 2005. Военно-политическое и гражданское управление при Верховном Главнокомандующем. Оп. 1.

Ф. 1606. Московский военный округ. Оп. 3.

Ф. 2031. Штаб главнокомандующего армиями Северного фронта. Оп. 1.

Ф. 2048. Штаб главнокомандующего армиями Западного фронта. Оп. 1.

В Российском государственном историческом архиве (РГИА, Санкт-Петербург).

Ф. 1292. Управление по делам о воинской повинности МВД. Оп. 7.

Ф. 1253. Верховный суд по призрению семей лиц, призванных на войну. Оп. 2-3.

Ф. 1276. Совет министров. Особые журналы заседаний.

Большинство материалов, затрагивавших проблемы оказания помощи семьям воинов, находившихся на фронте, в виде рукописных и машинописных текстов отложились в штабах частей и управлений русской

комитета по призрению семей призванных на войну запасных нижних чинов и ратников ополчения за время с 17 августа 1914 года по 17 августа 1915 года. Шлиссельбург, 1915; Отчет отдела Екатеринославской городской управы по призрению семей призванных на войну запасных нижних чинов и ратников ополчения призванных в войска. За 1915 год. Екатеринослав, 1915; Отчет городского попечительства о бедных Сретенской части за 1915 год. М., 1916.

армии, канцеляриях военных округов и канцеляриях центральных и местных органов гражданских ведомств, относящихся к Министерству внутренних дел и Совету министров. Переписка отражает повседневную работу по реализации закона 25 июня 1912 г.

Прошения о выдаче пайка членов семей и самих военнослужащих в адрес штаба Верховного главнокомандующего, Верховного совета, губернских присутствий, уведомления о назначении или об отказе характеризуют особенности ситуации, связанной с отношением населения к государственной поддержке семей воевавших солдат.

По вопросам социальной жизни армии отложились материалы в приказах воинских штабов различного уровня. Они показывают отношение и требования к оказанию помощи семьям военнослужащих со стороны армейского командования.

Важное место в представленном исследовании занимает периодическая печать. В годы Первой мировой войны в России выходили специализированные журналы, отражавшие государственную деятельность в деле оказания помощи семьям нижних чинов, показывавшие особенности работы благотворительных организаций, состоявших под покровительством членов царской семьи: «Призрение и благотворительность», «Известия Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов». Эти издания помимо публицистических статей содержали правительственные постановления и распоряжения, касающиеся благотворительности, нормативные акты, а также протоколы заседаний Верховного совета и других организаций, циркуляры.

Особая роль в освещении проблем, связанных с реализацией закона 25 июня 1912 г. принадлежала полуофициальной газете «Сельский вестник». В годы войны газета уделяла постоянное внимание вопросам, связанным с назначением и раздачей казенных пайков. На основе содержания публикаций, менявшихся по мере продолжения военных действий, можно судить об общих тенденциях и проблемах, проявлявшихся в решении проблем помощи

семьям в сельской глубинке. В работе использовались и материалы других периодических изданий, выходивших как в столичных городах, так и в провинции: «Биржевые ведомости» (Пг., 1914–1916 гг.), «Речь» (Пг., 1914–1916 гг.), «Новое время» (Пг., 1914–1917 гг.), «Русская мысль» (Пг., 1915 г.), «Вестник Европы» (Пг., 1914–1915 гг.), «Петроградский листок» (Пг., 1914–1915 гг.), «Женский вестник» (Пг., 1915 г.), «Северные записки» (Пг., 1914 г.), «Вечернее время» (Пг., 1914 г.), «День» (Пг., 1914 г.), «Пермская земская неделя» (1914 г.), «Орловский вестник» (1914–1916 гг.), «Орел» (1914 г.).

Информационную ценность в определении содержания общественных настроений представляют источники личного происхождения: воспоминания, дневники, письма. Эти виды источников являются незаменимыми в получении информации о динамике массовых переживаний в среде различных слоев российского общества в годы войны. Они позволяют определить направления изменений общественного отношения к государственной социальной политике на различных этапах военных действий.

Таким образом, объем, широта, разнообразие источников, отражающих содержание заявленной темы, дают возможность провести исследование особенностей государственной политики по оказанию помощи семьям нижних чинов, призванных на войну.

Методологической основой исследования являются следующие принципы:

- историзма, предусматривающий учет конкретной исторической обстановки, условий формирования государственной политики, ее взаимосвязи с явлениями и событиями Первой мировой войны, которая отличалась от всех предшествующих своим современным характером, отделяющим ее от «традиционных» войн общностью фронта и тыла, предопределявшей неизбежность широкого участия государственной и общественной помощи в деле оказания поддержки семьям военнослужащих.

- принцип всесторонности, предусматривающий многоаспектное изучение мер государственной помощи с учетом изменений положения и позиции государства в этих вопросах по мере развития военных событий;

- принцип комплексной оценки принятых законодательных актов не как единичных фактов, а в комплексе с другими направлениями государственной политики в годы войны;

- принцип социально-политической нейтральности, т. е. изучение и отбор документов, относящихся к проблемам помощи семьям рядовых солдат, независимо от социально-политических пристрастий.

В целях решения исследовательских задач использовались как общенаучные методы (анализ, синтез, обобщение), так и специальные исторические.

Так, актуальный для современных исследований микроисторический метод исследования лежит в основе и данной работы, рассматривающей лишь один из элементов социальной политики Российского государства, имевшего, однако, далеко идущие последствия.

Работа также базируется на системном подходе, предусматривающем комплексный анализ государственных законов, распоряжений и циркуляров военных и гражданских властей, делопроизводственных документов и материалов личного происхождения, газетных и журнальных статей как элементов общей системы документов, позволяющих объективно разобраться в особенностях государственной политики в отношении поддержки семей военнослужащих, находившихся на фронте.

Другим научным методом, на котором основывается исследование, является сравнительно-исторический метод, дающий возможность рассмотреть особенности трансформации государственной социальной политики в годы войны.

Историко-типологический метод позволяет выявить общие и специфические черты отношения военных и гражданских властей к проблеме социальной помощи.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем был осуществлен комплексный теоретический и конкретно-исторический анализ роли и места наиболее массового государственного пособия – пайка в структуре государственной помощи семьям солдат, воевавших на фронтах Первой мировой войны.

В работе сформулирована концепция государственной социальной помощи как важного элемента формирования в тылу и на фронте общественных настроений, предопределивших характерные черты взаимодействия власти и общества накануне февральских событий 1917 г.

На основе документов, впервые введенных в научный оборот, приведены конкретные данные как общероссийского, так и регионального уровня, показывающие объем и направления государственной деятельности в оказании помощи семьям нижних чинов, сражавшихся на фронте.

Теоретическая значимость исследования состоит в возможности систематизации опыта деятельности государственных и общественных структур в деле назначения и выдачи пайков, в показе изменений, произошедших на протяжении всей войны в российском законодательстве в отношении денежной помощи семьям военнослужащих. Результаты, полученные автором, должны установить главные тенденции реализации закона 25 июня 1912 г. в условиях войны, определить степень воздействия предпринятых государством мер поддержания семей призванных на войну нижних чинов на настроения в тылу русской армии и на фронте. Исследование должно также дополнить имеющиеся теоретические представления в решении дискуссионной проблемы о роли факторов, оказавших влияние на предпосылки революционных потрясений 1917 г. в России.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Установлено, что закон «О призрении нижних воинских чинов и их семейств» 25 июня 1912 г. в целом сыграл на определенных этапах войны свою важную роль в сохранении стабильности обстановки в тылу действующей армии. Однако при его помощи не удалось преодолеть влияния роста

цен, порожденного инфляцией, политической нестабильности, утверждавшейся в российском обществе в период военных неудач.

2. Определено, что необходимость корректировки закона 25 июня 1912 г. проявилась уже в самом начале Первой мировой войны, которая выявила многочисленные новые ситуации, в которых оказывались семьи призванных на фронт, и которые не были законодательно предусмотрены. Обсуждение возможных изменений и внесение поправок происходило вплоть до начала Февральской революции.

3. Показано, что лишение казенного пайка семей военнослужащих, которые добровольно сдались в плен или дезертировали, служило серьезным стимулом для устойчивости настроений на фронте.

4. Показано, что важным элементом реализации закона 25 июня 1912 г. являлись органы попечительства, в которых трудились люди, осознававшие гражданское значение своей работы, поэтому эти структуры, порожденные войной, были свободны от различного рода злоупотреблений и проявляли добровольную инициативу в деле социальной защиты семей призванных на фронт. В сельской местности попечительства показали хорошую работоспособность только в тех местах, где они включали в свой состав деятельных представителей от крестьян, землевладельцев, священников, учителей. Там же, где состав попечительств основывался на обычных членах волостных сходо́в и волостных правлений, работа лишь в редких случаях отвечала поставленным задачам.

5. Выявлено, что общественная инициатива не имела на протяжении всей войны постоянную высокую степень участия в делах оказания помощи семьям, ушедших на фронт. На начальном этапе при общем эмоциональном подъеме в общественных делах наблюдалось наивысшее ее развитие. По мере нарастания трудностей происходил определенный отсев участников, оставляя в благотворительных обществах наиболее стойких подвижников.

6. Установлено, что попытки усовершенствовать закон 25 июня 1912 г. приносили свои результаты, но не смогли принципиально повлиять на

разрешение многочисленных проблем, возникавших в ходе его реализации, о чем свидетельствуют многочисленные прошения членов семей нижних чинов и критические публикации на страницах периодических изданий.

7. Определено, что в годы войны наблюдалось массовое переселение жителей провинции в Петроград и в Москву из-за разницы в размере пособий в столице, по сравнению с другими районами империи. Однако из-за высоких цен в столичных городах на жилье ожидаемого улучшения положения не происходило, вызывая новые противоречия между властью и обществом, формируя протестные настроения накануне Февральской революции.

Практическая значимость результатов проведенного исследования состоит в уточнении и дополнении истории реализации закона 25 июня 1912 г., в изучении социальных предпосылок Февральской революции в России. Выводы работы можно использовать при подготовке научных исследований, посвященных Первой мировой войне. Содержащиеся в диссертации положения могут быть учтены при написании учебных пособий и учебных курсов по истории России начала XX века.

Апробация исследования. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И. Г. Петровского 15 февраля 2019 г. Основные положения и промежуточные результаты исследования были изложены в докладе на научно-практической конференции: «Современная наука: идеи, которые изменяют мир. Брянск, 22-23 ноября 1918 г.»

По теме диссертации опубликовано 10 научных работ, общим объемом 7 п. л. (4 из которых – в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства высшего образования и науки РФ).

Структура, содержание и объем работы определены поставленной целью, задачами и логикой исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

ГЛАВА I.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОМОЩИ СЕМЬЯМ РЯДОВОГО СОСТАВА РОССИЙСКОЙ АРМИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Характерной чертой новой войны было то, что настроения, формировавшиеся в тылу гораздо быстрее, чем в прежние времена передавались армии, находившейся на фронте. Сведения поступали через пополнения, приходившие из внутренних районов страны, через возвращавшихся из тыла отпускников, больных, раненых и через письма, получаемые из дома и от знакомых: «Фронт крайне чутко прислушивается ко всем переживаниям своих семей и болеет за их будущее, ибо гибель главы семьи часто влечет разорение последней»¹.

При подготовке незадолго до войны закона о государственной помощи остававшимся в тылу женам, детям и родителям воевавших солдат, министром внутренних дел было дано специальное обоснование, в котором определялось, что призрение семей запасных выступает в качестве одной из тех мер, направленных на усиление дела государственной обороны. Еще в представлении министра от 3 января 1911 г. говорилось: «В видах поддержания духа армии важно вселить в нижних чинах, призванных на службу при мобилизации, сознание, что во время их отсутствия семьям их будет оказана <...> материальная поддержка. <...> Мужья и отцы, покидая своих жен и детей и жертвуя собой для защиты Отечества, могут не тревожиться за близких лишь при твердой уверенности, что оставшиеся хотя бы на время без их попечения семьи будут в должной мере обеспечены, и что отсутствие их самих не повлечет за собой разорение их хозяйств»².

¹ Данилов Н. А. Экономика и подготовка к войне : Очерки по истории подготовки к войне. М. ; Л.: Гос. воен. изд-во, 1926. С. 15.

² Волостные и земские попечительства. Доклад комиссии, избранной Московским обществом сельского хозяйства в заседании 5 сентября 1914 г. для рассмотрения вопроса

Опыт предшествующих войн сохранял свою актуальность во многих сферах, но чаще служил лишь своеобразным отправным моментом для решения проблем, которые влекли за собой кардинальные изменения в законодательстве и в общественно-политической практике. Говоря о государственной поддержке семей нижних чинов, воевавших на фронтах Первой мировой войны, необходимо сказать об особенностях подходов к этой проблеме с момента создания воинского Устава 1874 г., положившего основу социальной политики государства в этом сложном вопросе.

1.1. Воинский Устав 1874 г. и законы 25 июня 1877 и 1912 гг. о казенных пособиях для семей нижних чинов, «выступивших в поход»

Первого января 1874 г. в России был опубликован Манифест «О введении всеобщей воинской повинности». Для подготовки воинского Устава, основанного на новых принципах комплектования армии, была создана специальная комиссия из представителей различных ведомств, которая после предварительного обсуждения представила текст документа на утверждение Государственного совета. В нем говорилось: «По действовавшим доньше узаконениям повинность эта возлагалась лишь на сословия мещан и крестьян, и значительная часть русских подданных изъята была от обязанности, которая должна быть для всех одинаково священна»¹.

Среди прочих новшеств, Устав провозглашал принцип оказания обязательной социальной поддержки в военное время семей нижних чинов (рядовых). В статье 35 говорилось: «Семейства чинов запаса, призванных в военное время на действительную службу, призываются земством, равно как городскими и сельскими обществами, в среде коих сии семейства

о задачах земства в деле призрения семейств нижних чинов, призванных на войну, в связи с Высочайшим указом 29 августа с. г. М., 1914. С. 2.

¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2-е. Т. 49 (1874). Часть 1. № 52982. С. 1.

находятся»¹. В случае невозможности этими обществами собственными средствами обеспечить потребности солдатских семей предусматривалось необходимое пособие от казны. В виде примечания к статье было сказано, что о способах призрения семей, о порядке распределения этих обязанностей между земством, городскими и сельскими обществами, а также о принципах назначения и расходования казенных пособий, будет сказано в специальных правилах, которые предстояло еще разработать².

Государственный совет совместно с Департаментом государственной экономии 2 мая 1877 г. провёл совместное заседание, на котором пришёл к выводу, что возлагаемые подготовленным законом на земство, а также на городские и сельские общества обязанности по оказанию помощи семьям в случае призыва чинов запаса и ратников на действительную службу в военное время ограничиваются бесплатным отводом помещений и выдачей продовольствия в размере солдатского пайка. Этот конкретный способ поддержки семей устанавливался для всей империи.

Одновременно Государственный совет признал, что предполагаемыми мерами не исчерпывается попечение, «на которое беспомощные семейства лиц, жертвующих собой на защиту Отечества, имели бы, по всей справедливости, право рассчитывать»³. Он посчитал желательным установить отношения земства и обществ к поручаемому им попечению семей таким образом, чтобы они не ограничивались чисто внешним исполнением возложенных на них обязанностей, сохраняя возможность относиться к призреваемым «с тем теплым участием, которым, вернее всяких законодательных постановлений, обеспечивается успех дела, основанного прежде всего на сознании гражданского долга и на чувстве человеколюбия»⁴.

Еще одно важное замечание Государственного совета относилось к возможностям издания исчерпывающего закона с установленными мерами

¹ ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 49 (1874). Часть 1. № 52982. С. 7.

² Там же.

³ Там же. Т. 52 (1877). Часть 1. № 57503. С. 753.

⁴ Там же.

призрения. Отмечалось, что «по причине разнообразия местных условий в различных частях Империи, способы и размеры призрения не могут быть повсеместно одинаковые. Так, в черноземной полосе, где земля почти обеспечивает безбедное существование сельского населения, положение семьи, глава которой призван на военную службу, далеко не столь беспомощно, как в северной или средней полосах, в коих большая часть жителей кормится так называемыми отхожими промыслами, привлекающими к себе труд мужского населения»¹. Утверждение различных конкретных мер призрения для той или иной местности представлялось невозможным из-за отсутствия необходимых практических указаний о потребностях, которые будут ощущаться семьями военнослужащих в различных частях государства.

Исходя из этих соображений, Государственный совет постановил: «Не утверждая ныне, в законодательном порядке, постоянного по сему предмету закона, преподать предначертанные Правила в руководство подлежащим учреждениям, в виде меры временной, предоставив, вместе с тем, министру внутренних дел сообразить те указания, которые получатся при применении издаваемого постановления на практике...»²

Министерство внутренних дел 25 июня 1877 г. представило разработанный им документ «О призрении семейств чинов запаса и ратников государственного ополчения^{*}, призванных в военное время на службу», а Государственный совет совместно с департаментом Государственной экономии рассмотрел проект и определил, что его нельзя утвердить в качестве постоянного закона, поскольку он не решает всех проблем, стоявших перед семьями ушедших на войну. В итоге были утверждены временные правила, которыми определялось, что правом на

¹ ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 52 (1877). Часть 1. № 57503. С. 753.

² Там же. С. 754.

^{*} В Уставе о воинской повинности было сказано: «Вооруженные силы государства состоят из постоянных войск и государственного ополчения. Последнее созывается лишь в военное время» (Раздел 1. Гл. 1).

предоставление помощи от земств, городских и сельских обществ могли пользоваться жены и дети призванного на военную службу, «к какому бы обществу, сословию или состоянию они не принадлежали»¹. Если у них не было собственного жилья, то от городских и сельских властей им полагалась выдача бесплатного помещения с отоплением. Земство, «в пределах которого находятся на жительстве» призреваемые, должно было обеспечивать их «продовольствием натурой или деньгами, полагая на каждое призреваемое лицо без различия возраста, не менее 1 пуда* 28 фунтов* муки, 10 фунтов крупы и 4 фунтов соли в месяц»².

Такие расходы для земской кассы были обременительны и в различных местностях являлись неравномерными, то есть зависели от доходности земств, но именно на основании этого документа осуществлялись меры социальной защиты в отношении членов солдатских семей в период русско-японской войны 1904–1905 гг. Тогда из обследования Московской губернии вытекало, что на каждого запасного, взятого на службу, приходилось по 2,76 члена семьи, в начале Первой мировой войны это число выросло до 3 человек.

На практике в ответ на поступившие от семей воевавших солдат заявления на получение пособия неоднократно следовал отказ по причине «непоступления земских сборов»³. Большие трудности были связаны с соблюдением требования закона о праве на призрение лишь семей, не имевших достаточных собственных средств к существованию (статья 1)⁴.

¹ ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 52 (1877). Часть 1. № 57503. С. 751.

* 1 пуд = 16,38 кг.

* 1 фунт = 0,45 кг.

² ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 52 (1877). Часть 1. № 57503. С. 751-752.

³ См.: Есиков С. А., Мягоход Л. Т., Щербинин П. П. Оказание помощи солдатским семьям в Тамбовской губернии в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Военно-мобилизационная деятельность государства и российское общество в XVIII–XX веках: Сб. статей междунар. науч. конф. / Под ред. О.М. Ярцевой. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2008. С. 21.

⁴ Временные правила 25 июня 1877 года и закон 25 июня 1912 года по призрению семей запасных и ратников государственного ополчения // Призрение и благотворительность в России. Пг., 1914. Август-сентябрь. Стлб. 637.

Многочисленные разногласия на почве определения этого права усугублялись также тем обстоятельством, что земские управы, имевшие большое количество обязанностей в области ведения местного хозяйства, не могли проводить тщательное имущественное обследование и вынуждены были на большинстве территорий прибегать к помощи волостных старшин, которые зачастую крайне субъективно подходили к определению тех, кому полагалось казенное пособие¹. Иного результата нельзя было ожидать не только по причине предвзятости в действиях старшин, но и из-за отсутствия единых условий оценки имущественной состоятельности просителей. Результат не замедлил сказаться, и «отовсюду как губернаторам, так и в центральные учреждения сыпались жалобы на неправильный отказ в выдаче пособий»².

Впрочем, земские учреждения также были заинтересованы в уменьшении числа пособий, поскольку этот вид призрения закон относил к числу местных повинностей, а потому со стороны земств требовалось принимать меры к возможному сокращению расходов из их довольно скромных бюджетов. Отказы в выдаче пособий солдаткам чаще всего следовали на основании наличия родственников и взрослых сыновей, которые могли оказывать им материальную поддержку. Поводом к невыдаче могло служить наличие собственного дома у просительницы, работа, которая могла приносить ей определенные средства к существованию³.

Затрудняло получение помощи и то обстоятельство, что закон 1877 г. возлагал на самих нуждавшихся обязанность заявлять о сложности своего положения. Статья 5 закона гласила: «Жена и дети призванного на действительную службу, нуждающиеся в призрении (статья 2), заявляют о

¹ Волостные и земские попечительства. Доклад комиссии, избранной Московским обществом сельского хозяйства в заседании 5 сентября 1914 г. для рассмотрения вопроса о задачах земства в деле призрения семейств нижних чинов, призванных на войну, в связи с Высочайшим указом 29 августа с. г. М., 1914. С. 1-2.

² Временные правила 25 июня 1877 года и закон 25 июня 1912 года по призрению семей запасных и ратников государственного ополчения. Стлб. 637.

³ См.: Есиков С. А., Мякоход Л. Т., Щербинин П. П. Оказание помощи солдатским семьям в Тамбовской губернии в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С. 21.

том словесно или письменно: а) жительствующие в городских поселениях – уездной земской или городской управе, по принадлежности, или полицейскому управлению и б) из проживающих в уезде: принадлежащие к местным волости или сельскому обществу – своему волостному старшине, а все остальные – уездной земской управе или становому приставу. За больных, увечных и малолетних, не имеющих возможности сделать о себе заявление лично или через родственников, обязаны заявлять владельцы домов, в которых они проживают, а в селениях, сверх того, и сельские старосты»¹.

Поголовная неграмотность населения, страх перед большими и малыми начальниками, незнание законов привело к тому, что заявления не направлялись в нужную инстанцию, и большинство нуждавшихся, особенно в первые месяцы с момента начала военных действий, оставались без учета. К тому же правом на получение пособия могли пользоваться главным образом жены и дети, а остальные близкие родственники имели возможность претендовать на помощь не земских и городских учреждений, а сословных обществ, которые в своем большинстве такими средствами не обладали. Проведенное статистическое исследование на основании материалов Тамбовской губернии показало, что в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. «лишь 37% солдатских жен и детей получали, хотя и не регулярно и не в полном объеме, положенное им пособие», а в некоторых уездах таких семей было всего 17%². Приблизительно такое же соотношение проявилось и в период русско-японской войны 1904–1905 гг.

Следует также отметить и еще одно немаловажное обстоятельство, касающееся Временных правил 25 июня 1877 г.: они «не задавались целью поддержания хозяйственной состоятельности населения, отвлеченного войной от обычных занятий, и не создавали ни для кого определенного права на

¹ ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 52 (1877). Часть 1. № 57503. С. 752.

² См.: Есиков С. А., Мякоход Л. Т., Щербинин П. П. Оказание помощи солдатским семьям в Тамбовской губернии в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С. 21.

пособие, а заключались исключительно в призрении, стремясь предоставить необходимую помощь семьям запасных в минуту острой нужды, вызванной призывом главы семьи на защиту родины»¹.

В дальнейшем эти Правила вошли в виде приложения к статье 35 в Устав о воинской повинности в 1886 г. и в его новом издании в 1897 г., но уже к статье 38. Новый закон и приложенное к нему «Положение о призрении нижних воинских чинов и их семейств» был Высочайше утвержден 25 июня 1912 г.

Положение состояло из четырех разделов: «I. Общие постановления; II. О пенсиях нижним воинским чинам; III. О пенсиях вдовам и сиротам нижних воинских чинов; IV. О призрении семейств нижних чинов, находящихся на действительной службе в мобилизованных частях армии и флота, в государственном ополчении или в военных дружинах». Для нас наиболее важен последний раздел, поскольку именно он затрагивал интересы значительной массы населения России и мог повлиять на отношение к государству, на ход военных действий.

Раздел IV включал в себя статьи с 60-й по 82-ю. Статья 60 Положения определила нижних чинов, семьи которых имели право на государственную помощь: «1) призванных на действительную службу при мобилизации, – со дня отправления на службу; 2) задержанных по случаю мобилизации на действительной службе более определённого для службы мирного времени срока, – со дня окончания этого срока; 3) принятых при мобилизации на действительную службу охотниками и добровольцами, – со дня вступления на службу; 4) поступивших на службу в государственное ополчение, – со дня отправления на службу, и 5) поступивших на службу в военные дружины, образованные по распоряжению военного начальства, – со дня поступления в дружины»².

¹ *Фаворисов Е. В.* Призрение семей нижних чинов, призванных в военное время на действительную службу (1874–1912 гг.) // Молодой ученый. 2010. № 9 (20). С. 219.

² ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 32 (1912). Часть 1. № 37507. С. 943.

Новый закон не отменял в целом статью 38 Устава, сохраняя все определенные ранее права семей «выступивших в поход», но изменил «продовольственную форму призрения». Теперь к пайку был добавлен фунт растительного масла на душу, но зато уменьшен на половину размер пособия для детей до 5-летнего возраста (статья 63)¹. Трудно однозначно ответить на вопрос о том, выиграли или проиграли семьи рядовых от этого нововведения, но, например, Галичское уездное земское собрание в Костромской губернии пришло к выводу, что «прежний порядок выдачи пособий более обеспечивал призываемые семьи, чем новое положение и давал возможность скромными остатками от полного пайка малолетних до пяти лет удовлетворять другие насущные потребности»². В результате, чтобы восполнить этот пробел Костромское губернское земское собрание отпустило губернской управе 100 тыс. руб. для выдачи детям, не достигшим пятилетнего возраста, компенсацию за другую половину пайка³.

Выработанный Министерством внутренних дел проект нового закона о призрении семей нижних чинов рассматривался Комиссией по государственной обороне Государственной думы, которая внесла один весьма существенный принцип в постановку дела призрения, а именно: право на призрение жены и детей нижнего чина было признано безусловным, независимым от их материального положения: «Из состава членов указанных в предыдущей (60) статье семейств пользуются призрением: 1) жена и дети нижнего чина»⁴. Тем самым в статье 61 была устранена основная часть споров, возникших в процессе обсуждения проекта закона, но они периодически возникали в последующее время. Критики закона утверждали, что пособие отличается от пенсии и других выдач тем, что оно определяется «нуждаемостью» его получавшего: «Установление безусловного права жены

¹ ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 32 (1912). Часть 1. № 37507. С. 943.

² Сборник постановлений Галичского уездного земского собрания. Чрезвычайного заседания 8 августа 1914 г. Кострома, 1915. С. 12.

³ Там же.

⁴ ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 32 (1912). Часть 1. № 37507. С. 943.

и детей призываемого на получение пособия, является противоречащим самому принципу пособия, а потому должно быть изменено в том смысле, чтобы попечительства имели право отказать в пособии таким семьям, которые в пособии нисколько не нуждаются»¹.

Призрение остальных родственников призванного, перечисленных в пункте 2 статьи 61 Положения, было поставлено в зависимость от их трудоспособности и от факта содержания в мирное время за счет труда призванного: «2) отец, мать, дед, бабушка, братья и сестры означенного чина, если они содержались трудом последнего»². Статья также имела особое примечание, в котором речь шла о семьях старообрядцев и сектантов, браки которых не фиксировались в церковных книгах православной церкви. Для них в качестве подтверждения их прав требовалась справка от волостного (гминного, станичного, а в Закавказье сельского) правления. В остальном же их права не отличались от остальных, пользовавшихся государственной помощью³.

Не имели право на пособия по статье 61 закона 25 июня 1912 г. незаконная жена, внебрачные дети, не усыновленные и приемные дети, сводные братья и сестры, а также тесть, теща, отчим, мачеха и все другие боковые родственники, даже если они и находились на содержании призванного.

Министерство внутренних дел должно было следить за назначением и выдачей продовольственных пособий, поэтому от лица этого ведомства 23 июля 1913 г. была выпущена специальная инструкция в отношении последнего пункта статьи, оговаривавшей права и ограничения по назначению государственных пособий. В ней присутствовало указание: «если они содержались трудом последнего»⁴. Ограничительное требование

¹ По ходатайствам об изменении закона // РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 264. Л. 22 об.

² ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 32 (1912). Часть 1. № 37507. С. 943.

³ Там же.

⁴ Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Отдел первый. 1913. Ст. 2164.

говорило о том, чтобы родственники не просто жили за счет труда призванного, но и не могли самостоятельно себя обеспечивать: были нетрудоспособными, малолетними и т. п. Эти разъяснения противоречили 2 пункту статьи 61, вернее, они дополняли его весьма существенными деталями, которые не были прописаны в законе и давали возможность широкого его толкования в пользу государства.

В отношении семей задержанных из-за начавшейся войны солдат срочной службы инструкция признавала право на получение государственной помощи и при отсутствии факта нетрудоспособности или малолетства членов семьи, но при условии, что они «содержались трудом нижнего чина» до призыва его на действительную службу (§ 15 и 16 инструкции).

Статья 62 Положения отмечала необходимость специальной заботы об обеспечении семей тех нижних чинов, которые являлись вдовцами, а в их семье оставались малолетние дети. Еще одной категорией, на которую распространялось особое внимание этой статьи, были семьи тех солдат, жены которых не могли самостоятельно заботиться о детях из-за состояния здоровья или по причине определенных моральных причин. В этой ситуации необходимо было принять незамедлительные меры в отношении малолетних и несовершеннолетних детей для опеки над ними или попечительства¹.

В статье 65 было определено, что стоимость пищевых продуктов, входивших после объявления войны в состав «кормовой нормы (пайка)», конкретно определялась для каждой отдельно взятой территории, а при неизбежном изменении продуктовых цен к 1 сентября каждого года должна была пересматриваться². Были учтены и некоторые другие недостатки предыдущего законодательства.

Новое Положение существенно изменило систему поддержки семей военнослужащих, учло, насколько это тогда представлялось, выявленные

¹ ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 32 (1912). Часть 1. № 37507. С. 943.

² Там же.

недостатки принимаемых в этом направлении мер в период русско-турецкой и русско-японской войн, но, естественно, не могло предвидеть возникновение тех проблем, с которыми неминуемо должно было столкнуться государство в деле призрения нижних чинов в будущей войне, еще более масштабной и затяжной. Во-первых, Положение 25 июня 1912 г., вступившее в действие с 1 января 1913 г., изменило источник финансирования, переложив основные расходы по поддержке семей воинов на государство, земства же, а точнее – земские управы, от решения этих вопросов были устранены. Во-вторых, на местах предполагалось создать особые органы: «1) в сельских местностях – на избираемые для сей цели волостные (гминные, станичные, а в Закавказье – сельские) попечительства, а при избрании по каким-либо причинам попечительства – на волостных старшин (гминных войт, станичных атаманов, а в Закавказье – сельских старшин) и 2) в городских поселениях – на городские управы (при упрощенном управлении – на городских старост) или на особые исполнительные комиссии в тех городах, где городские думы признают избрания таких комиссий необходимым, или на особые городские попечительства, где последние будут образованы» (Статья 67)¹. Попечительства обязаны были отслеживать изменения, которые могли произойти в составе семей военнослужащих, присутствовать при выдаче пособий.

Статьи Положения с 68 по 78-ю включительно были посвящены деятельности создаваемых попечительств. В них регламентировались выборы волостного (гминного, станичного, а в Закавказье – сельского) попечительств, которые должны были избираться волостным (гминным, станичным, а в Закавказье – сельским) сходом (сбором). Избранные таким способом попечители должны были быть возрастом не моложе 25 лет, не состоять под следствием и судом, постоянно проживать на этой территории. Наконец, они обязаны были пользоваться доверием населения и быть согласными на

¹ ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 32 (1912). Часть 1. № 37507. С. 943.

безвозмездное выполнение своих обязанностей по попечению (статья 68)¹. Деятельность волостных (гминных, станичных, а в Закавказье – сельских) попечительств должна была контролироваться земскими участковыми начальниками или соответствующими им должностными лицами (статья 69)². Министерством внутренних дел была разработана специальная инструкция, согласованная с Министерством финансов и государственным контролером, в которой устанавливался подробный порядок избрания попечительств, определялись их обязанности и входивших в них должностных лиц, осуществлявших контроль (статья 70)³.

Статья 71 устанавливала двухнедельный срок с момента объявления мобилизации для проведения обследования семей военнослужащих в городской и сельской местности, а статья 72 уполномочивала уездный съезд или соответствующее ему учреждение окончательно устанавливать размеры пособий каждой семье на основании проведенных обследований. Полученные данные сообщались губернскому (областному) присутствию для сообщения о размере необходимого кредита казенной палате⁴.

В случаях, когда была установлена неполнота или запутанность предоставленных данных, уездный съезд, а также соответствующие ему учреждения обязаны были немедленно возвращать эти сведения для необходимого дополнения и исправления (статья 73), а возникавшие жалобы на принятые постановления передавать в месячный срок в губернское присутствие: «Определения губернских присутствий по делам сего рода признаются окончательными и дальнейшему обжалованию не подлежат»⁵.

В статье 75 было определено, что деньги, предназначенные для выдачи одновременно по всему уезду, с входящими в его черту городами, казённой палатой должны были переводиться в уездное казначейство, после чего

¹ ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 32 (1912). Часть 1. № 37507. С. 944.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

выдаваться под расписку волостному старшине (гминному войту, станичному атаману, в Закавказье – сельскому старшине), а в городе – члену городской управы (городскому старосте). Порядок выдачи пайковых средств и отчётность по расходам определялись особыми инструкциями от Министерства внутренних дел¹. В соответствии с первоначально введенным правилом, которое впоследствии было изменено, пособия должны были в сельской местности выдаваться на три месяца вперед, т. е. четыре раза в год (в марте, июне, сентябре и декабре), а в городах – ежемесячно (статья 76)². Волостные и городские попечительства обязаны были осуществлять постоянное наблюдение за изменением личного состава семей, получавших пособие (статья 77). Правильно выданное от казны пособие не подлежало возврату даже в том случае, если до истечения срока, на который оно было выдано, произошли изменения в составе членов семьи призванного или было утрачено право на него. Исключением являлись случаи, когда для получения пайка были предприняты какие-либо обманные действия.

Необходимые побочные расходы (канцелярские, разъездные) возлагались на счет местных средств (статья 78). Статья 79 определяла сроки осуществления государственной помощи. Для большинства этот срок определялся возвращением с воинской службы. В случаях назначения пенсии самому военному служащему из-за потери им трудоспособности, а также вдовам, сиротам убитых на войне рядовых или без вести пропавших. Наконец, «во всех вообще случаях – не более истечения годового срока со дня объявления Высочайшего повеления о приведении на мирное положение или о расформировании подлежащих частей, либо о роспуске государственного ополчения или военных дружин»³. Статьи 80 и 81 определяли возможность сохранения за призванными из запаса на действительную службу вольнонаемными служащими всего или частичного

¹ ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 32 (1912). Часть 1. № 37507. С. 944-945.

² Там же. С. 945.

³ Там же.

денежного содержания, которое поступало в распоряжение их семей, на этом основании лишавшихся права на продовольственное пособие¹.

Последняя, 82 статья Положения, гласила: «Наблюдение за своевременным и надлежащим призрением нуждающихся семейств нижних чинов принадлежит губернаторам, начальникам областей и градоначальникам, которые, в случае неисполнения подчиненными им должностными лицами или органами общественного управления возложенных на них настоящим Положением обязанностей, принимают предоставленные им законом меры»².

Одновременно с приобретением новым законодательством некоторых черт, которые можно отнести к достоинствам, с началом войны проявились и существенные недостатки. Возложив расходы по призрению семей запасных всецело на казну, функции реализации закона также были поручены органам местной администрации (уездным съездам и губернским присутствиям), исключив участие в этом деле земств.

Закон 1912 г. ограничил помощь семьям призванных на действительную службу, исключив право на получение квартирного пособия с отоплением. Именно такой вид поддержки получил в годы войны с Японией широкое применение в городах. В сельской же местности квартирные пособия выдавались лишь в редких случаях. В своем большинстве там практиковалась натуральная помощь семьям воинов в обработке и уборке полей, подвозе дров и т. п.³

Министерство внутренних дел, как это следует из телеграммы министра на имя московского градоначальника от 3 августа 1914 г., считало паёк далеко недостаточным для удовлетворения минимальных потребностей «семей запасных»: «Казенным пособием не исчерпываются, – сказано в

¹ ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 32 (1912). Часть 1. № 37507. С. 945.

² Там же.

³ Именной Высочайший Указ Правительствующему Сенату 29 августа 1914 г. О порядке приведения в действие закона 25 июля 1912 года, в части, касающейся призрения семейств нижних чинов, призванных на действительную военную службу. Стлб. 641-642.

телеграмме, – разнообразные нужды, которые могут встретить семьи призванных на войну, *особенно в городах*, где неизбежно возникает вопрос об обеспечении этих семейств кровом, отоплением и одеждой, не говоря о других видах помощи»¹. Участие земств в этих условиях превращалось в необходимый элемент проводимой социальной политики. В состав губернского присутствия входили члены губернской земской и городской управ, а особые уездные и городские попечительства стали осуществлять обязанности уездного съезда.

Важно определить место закона 25 июня 1912 г. в системе российского законодательства. Устав о пенсиях, предусматривал обеспечение чиновника и его семьи материальной поддержкой государства за выслугу лет и не учитывал материального положения и трудоспособности претендента на это пособие. В случаях потери трудоспособности или смерти на войне нижних воинских чинов по закону от 25 июня 1912 г. предусматривалась пенсия: «а) нижние чины и казаки, потерявшие трудоспособность от ран и увечий, полученных на войне, имеют право на пенсии из казны, в зависимости от степени повреждений, от 216 руб. в год и ниже. Эти пенсии для чинов унтер-офицерских званий повышаются на 10%, а для сверхсрочнослужащих, пробывших на сверхсрочной службе не менее 5 лет, на 20%; б) вдовам и не достигшим семнадцати лет от роду круглым сиротам нижних чинов, погибших на войне в боях или умерших от ран и болезней, назначаются пенсии в размерах от 84 до 48 руб. в год, и сиротам: одному – половина оклада матери, двум – три четверти и трём – полный оклад матери»². Опять же трудоспособность и материальное благополучие в расчет не брались.

¹ Из доклада председателя городского комитета по оказанию помощи семьям призванных на действительную службу и лицам, прибывающим из района военных действий, С. В. Бахрушина в Особый комитет е. и. в. в. кн. Елизаветы Фёдоровны с предложением объединить усилия комитетов для оказания более действенной помощи лицам, пострадавшим от войны. 29 августа 1914 г. // Москва в годы Первой мировой войны. 1914–1917 гг.: Документы и материалы / Главное архивное управление города Москвы, ГБУ «ЦГА Москвы»; Сост. Н. В. Антонова, А. С. Балакирев, Е. В. Иванова, Н. А. Филаткина, В. А. Шевченко. М., 2014. С. 564.

² О призрении семейств нижних чинов, призванных из запаса // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 836. Л. 29.

Устав об общественном призрении был принят в России еще в 1857 г. Он был направлен на социальную поддержку малоимущего населения, ставил задачу смягчения нищеты, возникавшей от несовершенства общественных отношений, сложившихся в государстве. Документ предусматривал оказание благотворительной помощи, на которую могли претендовать неимущие слои населения, но их материальное положение не давало гарантии получения такой поддержки. Помощь можно было ожидать лишь как акт общественного милосердия.

Размещение законодательных мер 25 июня 1912 г. в Уставе о воинской повинности в качестве особого Приложения предусматривало обязанность государства оказывать поддержку семьям тех, кто жертвовал собой при защите Отечества, определял право отправившихся на фронт на эту поддержку. Этому фактору придавалось огромное значение на фронте и Верховный главнокомандующий 20 августа 1914 г. высказал желание о широком оповещении «всех нижних чинов армии, как и чем именно обеспечивается в военное время от казны семья каждого нижнего чина»¹.

В начале Первой мировой войны выписка из закона 25 июня 1912 г. о государственной поддержке семей нижних чинов в виде приказа по военному ведомству за № 448 и за подписью военного министра В. А. Сухомлинова была прочитана «во всех ротах, эскадронах, сотнях, батареях, командах и на сборных пунктах уездных воинских начальников в присутствии нижних чинов запаса и ратников ополчения»².

Однако необходимо согласиться со справедливым утверждением Л. А. Булгаковой о том, что «назначением в военное время женам и детям воинов, независимо от их имущественного положения, государственного пособия – пайка, нарушался один из основных принципов рациональной филантропии, требующей индивидуализации призрения и оказания помощи по мере нужды

¹ О призрении семейств нижних чинов, призванных из запаса // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 836. Л. 4.

² Там же. Л. 6.

и с разбором. Фактически такое "призрение" было равносильно пенсии»¹. Она также подчеркнула, что уравнительный подход к призрению солдатских семей был вызван негативными результатами проводимой в этом направлении политики в период русско-японской войны. Тогда, как уже отмечалось, из-за невозможности более-менее тщательного семейного обследования решение о назначении пособий было отдано на откуп волостным старшинам, становым приставам и чинам местной полиции, которые делали это по своему разумению, зачастую пренебрегая интересами призываемых². Не избежал этих недостатков и новый закон 25 июня 1912 г.

¹ *Булгакова Л. А.* Привилегированные бедняки: помощь солдатским семьям в годы Первой мировой войны. С. 431.

² Там же.

1.2. Регулирование закона об оказании помощи семьям рядового состава русской армии в условиях Первой мировой войны

Необходимость корректировки закона «О призрении нижних воинских чинов и их семейств», утвержденного 25 июня 1912 г., с началом Первой мировой войны выяснилась довольно скоро. Согласно Основным законам Российской империи, новый закон мог вступить в силу только после одобрения его в Государственной думе, в Государственном совете и последующем утверждении императором. Однако в соответствии с новой редакцией государственных законов, утвержденной императором 23 апреля 1906 г., в перерывах между сессиями Государственной думы в случаях, когда требовалось в срочном порядке законодательно решить назревшие вопросы, император мог издать закон своим указом (статья 87). «Мера эта не может, однако, вносить изменений ни в Основные Государственные Законы, ни в Учреждения Государственного Совета или Государственной думы, ни в постановления о выборах в Совет или в Думу»¹.

Совет министров представлял такой закон непосредственно Николаю II, а после возобновления заседаний Думы, соответствующий законопроект должен был быть утвержден в течении двух месяцев или же он прекращал свое действие².

С началом войны обе палаты собрались на однодневное заседание 26 июля 1914 г., на котором выразили доверие правительству и приняли связанные с войной финансовые законы. Следующие заседания Государственной думы и Государственного совета состоялись только в январе 1915 г. и были посвящены преимущественно принятию государственного бюджета на текущий год.

Таким образом, с июля 1914 г. и по июль 1915 г., т. е. до следующей сессии Думы, все законодательные акты вступали в действие в порядке

¹ ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 26 (1906). Часть 1. № 27805. С. 459.

² Там же.

упомянутой 87 статьи. По понятным причинам в этих условиях возрастала роль Совета министров, которому «надлежало в предварительном порядке рассматривать "предположения" начальников всех ведомств по "предметам" компетенции Думы и Государственного совета»¹. Открытие ведомств дополнительных кредитов, а также разрешение производить неотложные, не предусмотренные бюджетом расходы, также относилось к компетенции Совета министров².

Согласно Высочайшего указа Правительствующему сенату от 11 августа 1914 г. руководство государственной, общественной и частной деятельностью по призрению семей призванных на войну, явилось функцией Верховного совета под председательством императрицы Александры Федоровны³. К предметам ведения Верховного совета относились: «а) главное руководство и объединение учреждений, ведающих дело призрения семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов; б) изыскание мер к усилению способов и средств призрения упомянутых семей; в) прием пожертвований; г) распределение между подлежащими учреждениями средств ассигнуемых из государственного казначейства, а также пожертвований не имеющих определенного назначения, и д) рассмотрение вопросов, вносимых в Совет по повелению Ея Императорского Величества»⁴.

Собственно, «изыскание новых мер к усилению способов и средств призрения семей воинов» в рамках Верховного совета, а также обсуждение на его заседаниях различных возникавших по мере реализации закона 1912 г. проблем, чаще всего и приводили к появлению инициатив по корректировке законодательства.

¹ Цит. по: *Флоринский М. Ф.* Эволюция компетенции Совета министров Российской империи во время Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 гг.) // *Новейшая история России / Modern history of Russia*. 2014. № 3. С. 117.

² Там же. С. 123.

³ Об образовании Верховного совета по призрению семей, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов // *Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате*. 1914. № 224. Ст. 2239.

⁴ Там же.

Так, уже на заседании Верховного совета 11 сентября 1914 г. под председательством сенатора, тайного советника и на тот момент председателя Совета министров И. Л. Горемыкина Финансовая комиссия, образованная (наряду с Подготовительной и Распорядительной) в его рамках, в связи с началом войны с Германией и Австро-Венгрией представила заключения по вопросу о дополнении временными правилами на основании статьи 87 действующих законов, касавшихся призрения семей нижних чинов. Заключения были направлены на расширение круга лиц, пользовавшихся финансовой помощью из государственного казначейства, что сделало необходимым выяснение размеров увеличения предполагаемых государственных расходов¹.

На заседаниях Верховного совета 19, 29 сентября и 22 октября 1914 г. объединенные комиссии изложили свои соображения по выдвинутым предложениям. Прежде всего подчеркивалось, что «возложенная законом 1912 года на казну продовольственная помощь семействам нижних чинов оказывается сопряженной, в виду условий настоящей войны, с исключительными расходами»². Согласно расчетам Министерства внутренних дел, на выплаты семьям предстояло потратить до 1 января 1915 г. около 180 млн руб., что составило свыше 30 млн руб. в месяц. При этом у комиссий были основания предполагать, о чем сообщил товарищ министра финансов тайный советник А. М. Кузминский, что в виду необходимости увеличения в некоторых местностях размера пайка и включение в состав семей, подлежащих призрению, значительного числа лиц, неучтенных при первоначальном обследовании, заявленная сумма окажется недостаточной, и расход казны по этой статье возможно достигнет 40 млн руб. в месяц.

Необходимость отпуска ежедневно огромных средств на военные нужды, в связи со значительным сокращением поступлений по ряду прямых

¹ Журнал Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. № 2. Заседание 11 сентября 1914 г. // Известия Верховного совета. 1914. Ноябрь. Выпуск Первый. С. 44.

² РГВИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 329. Л. 2-2 об.

и косвенных налогов и совершенным прекращением поступлений доходов от казенной продажи алкоголя из-за введения так называемого «сухого закона», заставляло представителей казначейства относиться к новым расходам с большой осторожностью. Учитывался и тот факт, что во время русско-японской войны при общем призыве 1 млн 200 тыс. запасных и ратников по этой же статье расходов было выделено 68 млн руб.¹

Переходя от общих выкладок к обсуждению конкретных отдельных предложений подготовительной комиссии, соединенные комиссии остановились, прежде всего, на вопросе о распространении права на финансовую помощь на семьи нижних чинов, которые на начало войны находились по призыву в армии и не успели отбыть положенного срока срочной службы.

В статье 60 закона, принятого 25 июня 1912 г., указывалось, что правом на призрение пользуются семьи «задержанных по случаю мобилизации на действительной службе долее определённого для службы мирного времени срока, — со дня окончания этого срока»². Таким образом, семьи военнослужащих российской армии, которых на начало войны по сохранившимся сведениям насчитывалось 1 млн 423 тыс. человек (правда это количество включало и 40,2 тыс. офицеров)³, не входили в число претендовавших на финансовую помощь со стороны государства.

На момент заседания комиссии окончательное количество таких семей было неизвестно, но предполагалось, что расходы казны на выплату пайка данной категории населения могут увеличиться на 25%, что окажется непосильным грузом для государства. Исходя из этих рассуждений, был сделан вывод о том, что вносить в эту область изменения будет «несвоевременным, и неосторожным», тем более, комиссии полагали, что «хозяйства тех семей, члены которых находились уже при объявлении войны

¹ РГВИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 329. Л. 2 об.

² ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 32 (1912). Часть 1. № 37507. С. 943.

³ Кривошеев Г. Ф. и др. Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. Под общей редакцией. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. Гл. II. С. 65.

на действительной службе, не терпят какого-либо исключительного ущерба собственно из-за того, что муж или отец выступили в поход, так как и до войны лица эти отсутствовали и на пользу семьи работать не могли»¹.

Тем же семьям, которые действительно с началом войны оказались в бедственном положении, все же предлагалось оказывать материальную помощь, но за счет благотворительности земских и городских общественных учреждений. Кроме этого, представлялось желательным участие в деле призрения семей воинов комитетов Великой княгини Елизаветы Фёдоровны («Елизаветинского») и Великой княжны Ольги Николаевны («Ольгинского»), а также разнообразных местных благотворительных организаций.

Следующий вопрос, который был предложен Подготовительной комиссией на рассмотрение соединенным комиссиям, касался продовольственных пособий семьям нижних чинов, которые поступили на действительную службу охотниками или добровольцами как до объявления общей мобилизации, так и после нее. Согласно статье 123 закона от 23 июня 1912 г. «Об изменении устава о воинской повинности», охотниками в российскую армию принимались на службу в сухопутные войска и на флот: «1) имеющие не менее 18 лет, изъявившие желание поступить в войска ранее достижения ими призывного возраста; 2) освобождённые при призыве от действительной службы, если они не достигли 30 лет, и 3) получившие отсрочку по семейному положению»².

Однако окончательная формулировка статьи 60 закона 25 июня 1912 г. значительно сужала применение его на практике. Так, право на паек устанавливалось для семей «...принятых при мобилизации на действительную службу охотниками и добровольцами, – со дня поступления на службу», то есть

¹ РГВИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 329. Л. 3 об.

² Об изменении устава о воинской повинности // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 32 (1912). Часть 1. № 37417. С. 824.

лишенными его оказывались семьи охотников, поступивших на военную службу до объявления мобилизации или после ее завершения¹.

Подготовительная комиссия посчитала необходимым распространить продовольственную помощь государства на семьи обоих указанных разрядов охотников, обратив внимание на существенное различие в мотивациях добровольной военной службы в мирное и военное время. Было отмечено, что «для первых, в большинстве случаев, служба охотниками является лишь способом отбывания воинской повинности ранее общего установленного возраста, <...> последних же влечет в строй побуждения высшего порядка – чувство патриотического долга, заслуживающие уважения и поощрения»².

Принималось также во внимание и то обстоятельство, что число охотников, поступивших на действительную службу после окончания мобилизации 1914 г., не могло быть значительным, а, следовательно, предоставляемые их семьям пособия не вызвали бы больших расходов государственного казначейства. При этом действительное число охотников не было известно даже приблизительно, но охвативший городское население Российской империи в первые месяцы войны патриотический подъем дает основание предположить, что число их было значительным.

Соединенные комиссии в заключительной рекомендации склонились к распространению «на семьи охотников, поступивших на службу до дня объявления об упомянутой мобилизации, благотворительной помощи комитетов, учреждений и обществ, ведающих делом призрения семей воинов»³.

Следующие предложения Подготовительной комиссии сводились к расширению числа лиц, пользовавшихся правом на государственную помощь. Речь шла о пасынках, падчерицах и приемных детях призванных нижних чинов. Соединенные комиссии посчитали, что закон 1912 г. определил круг членов семьи призванного, имевших право на

¹ ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 32 (1912). Часть 1. № 37507. С. 943.

² РГВИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 329. Л. 5.

³ Там же.

продовольственное пособие слишком широко. В результате, как следовало из обмена мнениями членов комиссий, число лиц семьи нижнего чина, получавших по этому закону продовольственное пособие, доходило, в некоторых случаях до 12 человек, а размер пособия – до 30 руб. на одну семью в месяц¹.

Такого рода сведения не способствовали принятию решения о расширении категории лиц, подпадавших под действие закона об оказании государственной помощи. В оправдание своего решения соединенные комиссии указывали на тот факт, что большинство семей призванных имели в сельской местности свое жилище и хозяйство, что давало им возможность содержать тех членов семьи, которые по каким-либо причинам не получали продовольственного пособия «за счёт щедрой помощи, оказываемой им государством»².

Достаточно спорным оказалось решение соединенных комиссий об отказе в государственном обеспечении пайком внебрачных детей и их матерей. Уже в законе от 3 июня 1902 г. «Об утверждении правил об улучшении положения незаконнорожденных детей» отсутствовал термин «незаконный», а использовалось словосочетание «внебрачный ребенок», что само по себе было шагом вперед в изменении неполноценного правового и социального статуса детей, которые родились вне церковного брака³. Государственный совет, принимая данный закон, подчеркивал: «...человек в обстоятельствах, вызвавших и сопровождавших его рождение, неповинен, как бы преступны или безнравственны не были предшествовавшие взаимные отношения его родителей или действия кого-либо из них. Поэтому рождается ли он в законном браке или вне брака, ему *принадлежат и должны*

¹ РГВИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 329. Л. 5 об.

² Там же.

³ Об утверждении правил об улучшении положения незаконнорожденных детей // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 22 (1902). Часть 1. № 21566. С. 493.

принадлежать некоторые естественные и гражданские права (курсив в тексте. – А. Г.)»¹.

В числе зафиксированных законом от 3 июня 1902 г. прав внебрачных детей была обязанность их содержания до совершеннолетия как со стороны матери, так и отца². Более того, отец внебрачного ребенка, согласно закону, обязан был оказывать «содержание нуждающейся в том матери ребёнка, если уход за ним лишает её возможности снискивать себе средства к жизни»³.

Тем не менее, соединенные комиссии посчитали, что обосновать необходимость государственной помощи на основе гражданских законов, «обязывающих отца внебрачного ребёнка нести расходы по его содержанию, едва ли представлялось бы правильным»⁴. Основной аргумент сводился к тому, что в соответствии с российским законодательством не допускалось принудительное определение отцовства внебрачных детей, а предполагалось добровольное признание отцом ребенка⁵. «Если же иметь в виду, что предполагаемый отец ребенка, – заключали комиссии, – нижний чин, призван на войну, то устанавливать в отсутствии его обязанность содержать внебрачного ребенка в том, либо другом порядке практически трудно выполнимо»⁶.

Таким образом, соединенные комиссии посчитали, что Верховный совет должен ограничиться рекомендациями комитетам, учреждениям и обществам, которые занимались делом поддержки семей призванных, «на желательность оказания благотворительной помощи также и внебрачным детям призванных в войска, если они содержались их трудом, и если по имущественному положению своему, и по имущественным средствам их матери нуждаются в

¹ Цит. по: Гасман А. С. Внебрачные дети на Западных окраинах и в Империи. Пг., 1914. С. 7.

² Об утверждении правил об улучшении положения незаконнорожденных детей // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 22 (1902). Часть 1. № 21566. С. 493.

³ Там же.

⁴ РГВИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 329. Л. 5 об.

⁵ См.: Гасман А. С. Внебрачные дети на Западных окраинах и в Империи. С. 52.

⁶ РГВИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 329. Л. 6.

означенном признении»¹. Подобные рекомендации последовали и в отношении предоставления государственной помощи пасынкам, падчерицам и приемным детям нижних чинов, находившихся на фронте.

На следующих заседаниях соединённые комиссии остановились на предложениях Подготовительной комиссии, касавшихся предоставления министру внутренних дел права распространять установленные законом 25 июня 1912 г. меры признания на семьи нижних чинов – российских подданных, которые были призваны на действительную службу за границей, в армии союзных государств. Был также предусмотрен и обратный порядок, когда рядовой не имел российского гражданства, но служил в российской армии или в армиях союзных с Россией государств. Комиссии посчитали, что на такие семьи должно распространяться по закону право на получение пайка, но только в том случае, если от них поступало ходатайство о помощи. Министерство внутренних дел должно было при этом установить обстоятельства, «наличностью коих обусловлено получение такими семьями пособия от казны»².

Таким образом, уже в сентябре-октябре 1914 г. соединенные комиссии предложили Верховному совету распространить право на получение пайка от государства на семьи нижних чинов, поступивших на действительную службу после завершения мобилизации; на проживавшие в России и нуждавшиеся в помощи семьи нижних чинов, состоявшие в российском подданстве и на действительной службе за границей, в рядах армий союзных с Россией государств; на семьи, не состоявшие в российском подданстве нижних чинов, но находившиеся на действительной службе в рядах российской армии или в рядах армий союзных с Россией государств.

В ноябре 1914 г. Министерство внутренних дел обратилось в Верховный совет за уточнением по поводу обеспечения продовольственными пайками семей еще одной категории охотников, а именно: семей нижних

¹ РГВИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 329. Л. 6.

² Там же.

чинов, поступивших в сформированные в 1 и 2 дагестанские конные полки, при этом поясняя, «что вопрос этот имеет общее значение для всех местностей Кавказа, из туземного населения коих образуется в течение нынешней войны добровольческие воинские части для отправления на театр военных действий»¹.

Действительно, согласно Воинского устава 1897 г., население «Туркестанского края, а также инородческое население областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской» было освобождено от «несения воинской повинности» до момента издания особых распоряжений². Для мусульманского населения Терской и Кубанской областей и Закавказья (за исключением осетин-мусульман), а также проживавших в Закавказье ряда народностей действительная служба была заменена особым денежным сбором³.

Однако перечисленные группы населения могли поступать в регулярные войска добровольно – охотниками. Так, 27 июля 1914 г. последовало Высочайшее соизволение сформировать из мусульман Кавказа на время военных действий несколько полков, а 3 августа 1914 г. вышел приказ Николая II о создании Кавказской туземной конной дивизии, которую в дальнейшем неофициально именовали «дикой дивизией». Формирование полков производилось на добровольных началах, а сражавшиеся в них должны были пользоваться всеми правами нижних чинов армии.

Верховный совет после соответствующего обсуждения согласился с мнением министра внутренних дел о том, что кавказские туземные полки по способу их комплектования могли бы быть приравнены к образуемым военным дружинам, а, следовательно, рядовые этих полков – к охотникам и добровольцам. Ежемесячные пособия, получаемые в этих войсках

¹ РГВИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 329. Л. 7 об.

² Устав о воинской повинности. По официальному изданию управления по делам о воинской повинности министерства внутренних дел; с приложением алфавитного предметного указателя, составленного присяжным поверенным Г. В. Бертгольдтом. М., 1914. Гл. 5. От. 1. Ст. 42. С. 22.

³ Там же. Ст. 43. С. 22.

военнослужащими, тратились на содержание своей экипировки, поэтому основания для лишения права на получение их семьями продовольственного пособия отсутствовали¹. Кроме того, Верховный совет посчитал справедливым распространить право получения пайка от государства на семьи нижних чинов 1-го Дагестанского полка, который входил в состав регулярной армии, вступившим в него до объявления начала мобилизации. Решение было принято на основании того, что в русско-японскую войну «семейства выступивших в поход при однородных условиях добровольцев из кавказских туземцев пользовались продовольственным пособием»².

Верховный совет посчитал необходимым внести корректировку в вопрос относительно правил государственной помощи казачьим семьям. Согласно положения Совета министров от 9 августа 1914 г., право на государственное признание распространялось только на семьи охотников из казаков, которые поступили на службу во время мобилизации³. Основанием для предоставления семьям войскового сословия дополнительных льгот послужила отмеченная даже противником «доблестная служба казачьих частей в составе действующей армии». Верховный совет постановил, что правом на паек должны были пользоваться семьи нижних чинов войскового сословия, поступивших на действительную службу охотниками по завершении общей мобилизации, со дня поступления их на службу⁴.

Все разработанные Верховным советом дополнения в законодательство были внесены 25 ноября 1914 г. председателем Совета министров И. Л. Горемыкиным в Совет министров, который их одобрил, и поручил выработку условий для выдачи новых продовольственных пособий Министерству внутренних дел. В декабре 1914 г. Николай II наложил на них свою резолюцию «Согласен»⁵.

¹ РГВИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 329. Л. 9.

² Там же.

³ Там же. Л. 9 об.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 836. Л. 35-37.

На заседании Верховного совета 8 января 1915 г. соединенные комиссии представили заключение о необходимости изменения сроков выдачи продовольственного пособия в сельской местности. Как уже отмечалось, согласно статье 76 «Положения о призрении нижних воинских чинов и их семейств», паек в сельской местности выдавался четыре раза в год, на три месяца вперед, а в городах – ежемесячно на месяц вперед¹.

На момент обсуждения законопроекта в Комиссии по государственной обороне думы и Финансовой комиссии Государственного совета вопрос о сроках выдачи пайка в сельской местности не привлек к себе внимания, также как и при обсуждении законопроекта на общем собрании в Государственной думе. Однако спустя несколько месяцев после начала войны, определенный срок выдачи пайка был охарактеризован соединенными комиссиями «не только не целесообразным», но даже и «опасным для благосостояния призреваемых семей»².

По поступавшим от должностных лиц в комиссии сведениям, «получение в один прием относительно крупной суммы денег может создать для многих получателей пайка (по большей части мало развитых крестьянок) соблазн поспешного израсходования таковой суммы в течение первого месяца, последствием чего могут быть лишения и даже голод их семей в продолжение остающихся до нового получения пайка месяцев»³. Современный историк охарактеризовал сложившуюся ситуацию еще более категорично: «Правительство внесло свою лепту в деморализацию деревни: размер вспомоществования так называемым солдаткам подчас позволял им не заниматься хозяйством»⁴.

¹ ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 32 (1912). Часть 1. № 37507. С. 945.

² Журнал Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. Заседание 8 января 1915 г. // Известия Верховного совета. 1915. Февраль-март. Выпуск четвертый. С. 22.

³ Там же.

⁴ Булдаков В. П. Мировая война и деморализация «Святой Руси» 1914–1916 гг. // Дальний Восток России и страны Восточной Азии накануне и в годы Первой мировой войны: Сб. науч. ст. Владивосток, 2016. С. 24.

Заслушав ряд соображений по этому вопросу, соединенные комиссии посчитали, что выбор наиболее целесообразного срока выдачи пайка должен быть увязан с местными условиями и со временем года, а обязанность определения этих сроков посчитали нужным возложить на уездные съезды¹. Верховный совет со своей стороны присоединился к заключениям комиссий и выступил с предложением по изменению закона в Совет министров.

Финансовая комиссия на этом же собрании Верховного совета, ссылаясь на многочисленные сообщения в периодической печати, представила заключения по поводу вычетов из продовольственного пособия в счет погашения долгов и недоимок семей призванных. Такие взыскания были приостановлены по распоряжению Министерства внутренних дел, о чем председатель межведомственного совещания по продовольственному делу В. Э. Фриш сообщил министру в своем письме 7 августа 1914 г., а тот в свою очередь передал сообщение в штаб Верховного главнокомандующего². Причем Верховный главнокомандующий, Великий князь Николай Николаевич, посчитав, что подобное распоряжение наряду с другими «должно, несомненно, послужить для каждого запасного и ратника ополчения основанием не опасаться за существование своих семейств и, кроме того, даст возможность развиться доблестному духу и самоотверженной деятельности у каждого названного бойца в полной мере», издал 22 августа приказ № 21. Он гласил: «Ввиду столь важного значения вышеуказанного распоряжения Министерства внутренних дел, повелеваю объявить о нём по всем войскам действующих армий»³.

Тем не менее, на местах волостные старшины и другие местные власти продолжали взимать недоимки с семей призванных, в том числе и за счет пайка. Действительно, в точном соответствии со статьями 843 и 862 «Устава

¹ Журнал Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. Заседание 8 января 1915 г. // Известия Верховного совета. 1915. Февраль-март. Выпуск четвертый. С. 25.

² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 836. Л. 1.

³ Там же. Л. 2.

о пенсиях» из пенсий нижних чинов, их вдов и сирот не полагалось взыскивать недоимки за долги. Однако оговорки в отношении продовольственного пособия в законе не было сделано. Это обстоятельство и служило, по-видимому, основанием для должностных лиц на местах при выдаче пайка вычитать из него числившиеся за семьей недоимки.

Финансовая комиссия признала необходимым установить единообразное указание и в отношении продовольственных пособий, и в отношении различных единовременных пособий, семьям, призванных на войну с тем, чтобы предотвратить в будущем из них различные вычитания. На заседании Верховного совета отмечалось, что сама цель помощи из средств казны семьям лиц, призванных на войну, заключалась в предоставлении этим семьям надежного «источника для существования, а не переложения на казну части накопившихся у населения долгов и недоимок»¹.

Верховный совет согласился с предложениями Финансовой комиссии и посчитал целесообразным внести на рассмотрение Совета министров предложение об изменении и дополнении «подлежащих узаконений правил о том, что продовольственные пособия, выдаваемые семействам нижних чинов, на основании постановления статей 866-888 (По прод. 1912 г.) Уставов о пенсиях не подлежат вычету за долги и взыскания»².

Вышеизложенные предложения Верховного совета были рассмотрены Советом министров 24 февраля 1915 г., который в свою очередь согласился с тем, что трехмесячные сроки выдачи продовольственного пайка могут быть заменены на другой срок по решению уездного съезда в зависимости от местных условий. На этом же заседании было утверждено, что продовольственные пособия семьям нижних чинов не должны подвергаться

¹ Журнал Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. Заседание 8 января 1915 г. // Известия Верховного совета. 1915. Февраль-март. Выпуск четвертый. С. 27-28.

² Там же. С. 30.

вычетах за долги¹. Император выразил свое «согласие» с заключениями Совета министров 13 марта 1915 г.²

На заседании Верховного совета от 25 февраля 1915 г. рассматривались вопросы о предельных сроках выдачи продовольственных пособий семьям призванных. Предполагалось, что получение пайка должно продолжаться «до возвращения нижнего чина со службы к призреваемому семейству или к месту трудовой или иной оседлости не дольше месяца со дня увольнения со службы, если он проживал в европейской части Российской империи и двух месяцев, если он проживал в других районах»³. Было предложено при этом внести важное дополнение, а именно: если пенсия, начисленная нижнему чину или его вдове меньше продовольственного пособия, то последнее должно было выдаваться один год и после демобилизации⁴.

Как выяснилось, практическая реализация ст. 885. Устава о пенсиях, по которой призрение продолжалось до возвращения военнослужащего к семье, имела определенные сложности. Было не понятно как реализовать это положение, если демобилизованный нижний чин не пожелал вернуться к своей семье. Сохранение в этих случаях этой нормы, по мнению присутствовавших, «явилось бы как бы премией за проживание его отдельно от семьи и вызвало бы ничем не оправданный излишний расход казны»⁵.

Сомнения были и в отношении тех нижних чинов, которые имели семьи в сельской местности, занимались отходничеством, зарабатывая средства на содержание семьи на фабриках, заводах в городах, на других промыслах, т. е.

¹ РГИА. Ф. 1232. Оп. 7. Д. 329. Л. 36-37.

² Там же. Л. 35.

³ Журнал Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. Заседание 25 февраля 1915 г. // Известия Верховного совета. 1915. Апрель. Выпуск пятый. С. 10.

⁴ Там же. С. 11.

⁵ РГИА. Ф. 1232. Оп. 7. Д. 329. Л. 136 об.

в буквальном смысле они возвращались после демобилизации не на место проживания своей семьи, а к месту своей трудовой деятельности¹.

Уточненные формулировки положений, предложенные Верховным советом для рассмотрения Совету министров, сводились к тому, что выдача продовольственного пособия семьям призванных должна была продолжаться: «1) до возвращения со службы к призреваемому семейству или к месту трудовой, либо иной оседлости нижнего чина <...> и во всяком случае не более как в течение месяца со дня увольнения нижнего чина от службы, если он проживает в пределах Европейской России, и двух месяцев – если он проживает в других местностях Империи и 2) до назначения нижнему чину, возвращенному на родину по неспособности, или вдове, либо сиротам нижнего чина убитого, умершего или без вести пропавшего, пенсии от казны или же до признания возвращенного на родину нижнего чина, по освидетельствовании его, трудоспособным»².

Дополнительно в Примечании указывалось, что, если пенсия, назначенная нижнему чину, не достигала размера пайка, ее выплата приостанавливалась (согласно ст. 885 п. 3 Устава о пенсиях) и нижнему чину выплачивалось продовольственное пособие до указанного срока, а именно: годового срока «со дня объявления Высочайшего повеления о приведении на мирное положение или о расформировании подлежащих частей, либо о роспуске государственного ополчения или военных дружин»³. Таким же образом это относилось к вдове и круглым сиротам убитого или пропавшего без вести нижнего чина. Остальные его родственники продолжали также до истечения указанного срока получать паек⁴.

¹ Журнал Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. Заседание 25 февраля 1915 г. // Известия Верховного совета. 1915. Май-июнь. Выпуск шестой. 1915. Май-июнь. Выпуск шестой. С. 16.

² Там же. С. 25.

³ РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 329. Л. 146.

⁴ Журнал Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. Заседание 25 февраля 1915 г. // Известия Верховного совета. 1915. Май-июнь. Выпуск шестой. С. 26.

Дополнительные правила к узаконению «О предельных сроках выдачи продовольственных пособий семействам призванных на войну нижних чинов» были в установленном порядке рассмотрены и одобрены Советом министров на заседаниях 17 марта и 7 апреля, а затем 19 апреля утверждены Николаем II¹.

В апреле 1915 г. Николай II утвердил Положение Совета министров «О прекращении выдачи пайка семьям добровольно сдавшихся в плен и дезертиров», вызвавшее широкий общественный резонанс. Об этом документе, предыстории его создания и об отличии положения нижних чинов и офицерского состава армии, оказавшихся во вражеском плену, будет рассказано в следующем параграфе диссертации.

Законопроект о дополнении действующего закона 25 июня 1912 г. был внесен Министром внутренних дел Н. А. Маклаковым на рассмотрение в Государственную думу 24 марта 1915 г.² На заседании четвертой сессии IV Государственной думы 8 августа 1915 г. при отсутствии возражений законопроект был передан Комиссии по военным и морским делам, которая должна была вынести свое заключение по предложенным дополнениям и вынести проект на общее обсуждение³.

Четвертая сессия Государственной думы была открыта в день первой годовщины начала войны – 19 июля 1915 г. в ситуации серьезного политического кризиса, вызванного неудачным ходом войны, и уже 3 сентября Дума была досрочно распущена императором на каникулы. Таким образом, обсуждение поправок к закону продолжилось только в феврале 1916 г., когда заседания были продолжены.

Заключение Комиссии по военным и морским делам рассматривалось 15 февраля 1916 г. Докладчиком выступал К. М. Шаховской. Из его речи следовало, что комиссия в общем поддерживала все предложенные военным ведомством

¹ РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 329. Л. 101.

² Там же. Л. 80.

³ Государственная Дума. Четвертый Созыв. Стенографические отчеты. 1915 год. С приложением указателя к стенографическим отчетам. Пг., 1915. Стлб. 245.

дополнения к ст. 882 закона, а именно: изменение срока выдачи пособия семьям призванных до одного раза в месяц; запрет вычетов и взысканий долгов из суммы пособий, которые допускались на местах; разрешение выдачи пособий не только «в волостных, гминных и сельских управлениях, но и в других местах этих волостей и гмин, в зависимости от района»¹.

Комиссия поддержала и предложения военного ведомства, касавшиеся определения сроков выдачи пособия после возвращения призванного с фронта: «...не позднее как через месяц после его отпуска во внутренние губернии Российской империи и не далее как 2 месяца при отпуске его на окраины в Сибирь и азиатскую Россию»².

Комиссия сочла также необходимым выплачивать пособия семьям тех нижних чинов, которые поступили в союзные армии, или, наоборот, семьям иностранных граждан, поступивших в российские войска. Однако она не согласилась с выводом Военного министерства о том, что «право на получение таковыми лицами пособий должно обуславливаться имущественным положением этих лиц и что определение этого права на получение пособия должно быть поручено Министерству внутренних дел»³, указывая, что семьи этого рода призванных должны получать государственную помощь на равных со всеми основаниях.

В то же время комиссия предложила отложить запрет на выдачу пособий семьям призванных, сдавшихся в плен, справедливо полагая, что «нет верных гарантий совершенной доброкачественности сведений о дезертирстве и сдаче в плен»⁴.

Следующий законопроект, представленный К. М. Шаховским в Государственной думе на заседании 15 февраля 1916 г., касался дополнений и изменений ст. 866 и 867 закона 25 июня 1912 г. Речь шла о выплате

¹ Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1915–1916. [Ч. 2]: Заседания 17-37: (с 9 февраля по 15 марта 1916 г.). Пг., 1916. Стлб. 1588-1589.

² Там же. Стлб. 1589.

³ Там же. Стлб. 1590.

⁴ Там же. Стлб. 1591.

государственного пособия семьям поступивших охотниками в регулярные или казачьи войска, в первый Дагестанский конный полк, в Армянскую добровольческую дружину, в латышские стрелковые батальоны, а также других видов подразделений добровольцев. «Так как в настоящую войну очень много охотников, и так как эти охотники, эти добровольцы, несут не меньше труд, чем призванные во время мобилизации, – указывал выступающий, – то, очевидно, государству следует прийти на помощь этим охотникам»¹. При этом он озвучил согласие Комиссии по военным и морским делам с военным ведомством, в том, что оказывать государственную помощь этим семьям необходимо лишь тогда, когда они находятся в стесненных материальных условиях².

Обсуждение проектов в Думе вызвало продолжительные дискуссии. Депутат от Херсонской губернии, состоявший во фракции правых, П. В. Новицкий подчеркивал в своем выступлении: «...и вот, наконец, мы переходим, действительно, к весьма существенному законопроекту»³. Острые дебаты развернулись по поводу ограничения сроков выдачи пайка. Выступавшие указывали на малочисленность волостных правлений и дефицит имеющихся у них средств, которые не позволили бы распределять государственные пособия в предлагаемые сроки.

Нарекания касались и суммы пайка, которая, действительно, не соответствовала дороговизне жизни в городе. Выступавшие указывали на многочисленные злоупотребления при распределении пайков особенно в тех губерниях, где не было земств⁴. В связи с этим депутат-кадет А. И. Шингарев напомнил об идее введения волостного земства, утверждая, что «без волостного

¹ Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1915–1916. [Ч. 2]: Заседания 17-37: (с 9 февраля по 15 марта 1916 г.). Стлб. 1609.

² Там же. Стлб. 1610.

³ Там же. Стлб. 1591.

⁴ Там же. Стлб. 1596-1597.

земства, без мелкой земской единицы никакими попечительствами правильно поставить дело призрения и помощи семьям нижних чинов нельзя»¹.

Резкую критику как со стороны комиссии, так и со стороны депутатов Думы, участвовавших в обсуждении, вызвала ст. 867 закона. В этой статье говорилось о том, что пособием имеют право пользоваться жёны и дети нижнего чина, отец, мать, дед, братья и сёстры, если они содержались трудом призванного. Оставляя 1 пункт статьи без изменения, комиссия полагала, что пункт 2 этой статьи должен был быть дополнен следующим перечислением близких и родственников призванного: «пасынки, падчерицы, снохи, племянники, племянницы, тесть, тёщи, дяди, тётки, отчимы, мачехи, сводные братья и сёстры, и не усыновленные приемные дети и внебрачные жёны и дети, и если означенные лица содержались трудом призванного на военную службу нижнего чина»².

Как уже отмечалось, при обсуждении в Верховном совете о возможности расширения круга лиц, имевшего право на получение продовольственного пособия, выступавшие ссылались не только на экономические сложности с выделением немалых денежных сумм из казны на их обеспечение. Кроме этого учитывались и аргументы «этического» порядка: предполагалось, что государство должно помогать в первую очередь законным жене и детям.

В рамках думской дискуссии представители финансового ведомства и Министерства внутренних дел, возражая против увеличения числа членов семей призванных, получавших паек, обратились, прежде всего, к цифровым выкладкам. Так, по приведенным данным товарища министра внутренних дел Н. В. Плеве, сумма, выделенная на пайки, должна была составить на 1 марта 1916 г. более одного триллиона, а после марта уже 1

¹ Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1915–1916. [Ч. 2]: Заседания 17-37: (с 9 февраля по 15 марта 1916 г.). Стлб.1601.

² Там же. Стлб. 1611.

трлн 350 млн рублей¹. Он же упоминал и тот факт, что 1 августа 1915 г. министру внутренних дел из канцелярии Государственной думы уже поступало законодательное предположение, внесенное 34 депутатами Думы, которое содержало подобное дополнение². Причем главным недостатком закона 1912 г. группа депутатов посчитали его «неполноту, а поэтому и неясность в части, где перечисляются категории лиц, имеющих право на получение пособия»³.

Более того, депутаты утверждали, что эти недостатки закона позволили администрации на местах толковать закон по своему усмотрению, что, «конечно, благодаря указанию свыше, даже вызывало в низшей администрации взрыв служебной угодливости»⁴. Однако обсуждение предложения было приостановлено министерством по причине нарушения порядка юридической процедуры.

Действительно, законодательная инициатива депутатов Думы, согласно российским законам, была ограничена рядом условий⁵. Для отмены или изменения действующего закона, согласно ст. 55 Указа императора об учреждении Государственной думы от 20 февраля 1906 г., ее члены должны были подать заявление председателю, приложив проект предполагаемых изменений. Председатель мог его вносить на рассмотрение Думы, если он был подписан не менее чем тридцатью депутатами⁶.

В случае признания Думой подготовленного проекта желательным министерства имели право приступить к его дальнейшей разработке. Согласно ст. 56 того же Указа императора, Дума могла самостоятельно приступить к обсуждению закона, «когда в ведомство, предварительно извещенное не

¹ Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1915–1916. [Ч. 2]: Заседания 17-37: (с 9 февраля по 15 марта 1916 г.). Стлб. 1614.

² РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 318. Л. 7.

³ Там же. Л. 2.

⁴ Там же.

⁵ См.: Соловьев К. А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия 1906-1917. М., 2011. С. 240.

⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. 26 (1906). Часть 1. № 27424. С. 153-154.

позднее как за 1 месяц о дне слушания, высказывает свое отношение к законодательному предположению членов Думы и может отказаться от составления соответствующего законопроекта»¹. Однако зачастую, чтобы не поощрять своеволие бюрократии, нижняя палата Думы начинала разработку закона одновременно с соответствующим министерством².

В данном случае проект 34-х, подписанный И. Н. Ефремовым, А. П. Мельгуновым, С. В. Грибуниным, и др., вошедшими наряду с большинством депутатов Думы в так называемый «Прогрессивный блок», был представлен в августе 1915 г. В это же время и Комиссия по военным и морским делам, не дожидаясь положенного месячного срока, начала на своих заседаниях обсуждение подобного дополнения к закону. В связи с этим нарушением у министерств появилась возможность взять дополнительное время для рассмотрения поправок к закону. Тем более, что заседания Думы, как уже отмечалось, были прерваны указом императора и обсуждение законопроекта было продолжено только в феврале 1916 г.

Выслушав контраргументы министерств против расширения круга лиц, имевших право на паек, докладчик К. М. Шаховской, тем не менее, определяя финансовые возможности государства, отметил: «Государственная дума в рассмотрении иных законопроектов, иных правил и иных расходов по войне найдёт место, где можно будет сэкономить крохи»³. Законопроект был принят, причем в том виде, который предложила Комиссия по военным и морским делам.

Однако Государственный совет при обсуждении законопроекта высказался за выдачу пайков только пасынкам, падчерицам, отчимам, мачехам, не усыновленным приемным и внебрачным детям и их матерям. По причине возникшего разногласия, вопрос был передан в особую

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. 26 (1906). Часть 1. № 27424. С. 153-154.

² Соловьев К. А. Указ. соч. С. 240-241.

³ Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1915-1916. [Ч. 2]: Заседания 17-37: (с 9 февраля по 15 марта 1916 г.). Стлб. 1624.

(согласительную) комиссию. Тем не менее и на ее заседании 18 июня 1916 г. члены Государственного совета и Думы не смогли прийти к общему решению. Таким образом, вопрос о расширении круга лиц получателей пайка остался не разрешенным¹.

Затянувшаяся война выявляла многочисленные новые ситуации, в которых оказывались семьи призванных на фронт, и которые не были предусмотрены законом 25 июня 1912 г. Так, по сведениям, полученным Ставкой из Главного управления Генерального штаба, которые приводил в своем исследовании участник войны, генерал и военный историк Н. Н. Головин, боевые потери среди нижних чинов российской армии с начала войны по 1 января 1916 г. составили 306640 человек. Кроме того, 3481 человек умер от ран, т. е. всего потери насчитывали 310121². Жене и детям погибших нижних чинов назначалась пенсия (Уст. пенс., ст. 867, п. 2, по прод. 1912 г.). Однако было не понятно, как быть с боковыми и восходящими родственниками: продолжать им выдачу продовольственного пособия или же отменять ее. Ситуация усугублялась в случаях, если жена погибшего нижнего чина вместе с детьми после получения пенсии начинала жить отдельно, оставив родственников, лишенных пайка, без средств к существованию. Не выясненным оставался вопрос с выплатой пайка родственникам в случае возвращения нижнего чина, утратившего боеспособность, и, как правило, трудоспособность с фронта.

Возникли проблемы и в отношении прав на государственную помощь семей сверхсрочнослужащих нижних чинов. Упоминание об этих семьях отсутствовало в законе 25 июня 1912 г. Более того, в апреле 1915 г. последовало разъяснение со стороны Государственного казначейства, в котором дополнительно указывалось, что выдача пайка не может быть распространена на семьи сверхсрочнослужащих как задержанных на службе

¹ РГИА. Ф. 1253. Оп. 1. Д. 87. Представления в Совет министров. 1917. Л. 361 об.

² Головин Н. Н. Россия в Первой мировой войне. М.: Вече, 2014. С. 155.

с началом войны, так и призванных по мобилизации¹. В данном случае предполагалось, что указанные виды сверхсрочников получали содержание от 1 руб. 50 коп. в месяц (лишь небольшой процент из них получал 10 руб. и выше)². Кроме того, им выделялись особые квартирные деньги (в среднем около 6 руб. в месяц). Семья сверхсрочнослужащего имела право удерживать в свою пользу даже без согласия самого нижнего чина до $\frac{1}{3}$ его денежного содержания. Однако установленные суммы выплат не могли служить достаточным обеспечением таких семей особенно в условиях ухудшавшейся из-за затянувшейся войны экономической ситуации в стране.

В губернские присутствия и в штаб Верховного главнокомандующего направлялись прошения от жен солдат, находившихся на сверхсрочной службе. Одно из них, датированное 11 февраля 1915 г., от жены подпрапорщика 65 Московского полка Александра Петровича Туртанова, содержала просьбу о пособии для нее и пятерых детей (три дочери 14, 10 и 6 лет и два сына 9 и 7 лет). Александра Васильевна Туртанова, так звали просительницу, по ее словам, обладала всего $1\frac{1}{2}$ десятинами земли и не имела никаких других средств к существованию. Просьба заключалась в выдаче пособия со дня мобилизации (муж остался на сверхсрочной службе еще до начала войны), т. е. с 18 июля 1914 г.³

Канцелярия по гражданскому управлению штаба Верховного главнокомандующего по поводу назначения пособия Туртановой 18 февраля 1915 г. направила ярославскому губернатору отказ⁴.

Не случайно Всероссийский союз городов 29 июля 1915 г. вынужден был возбудить перед Управлением по делам по воинской повинности Министерства внутренних дел ходатайство «о надлежащем применении закона о продовольственном пособии к семьям нижних чинов строевой

¹ Журнал Верховного Совета. № 13. Заседание 9 июня. 1916 г. // Известия Верховного совета. Август-сентябрь. 1916. Выпуск тринадцатый. Пг., 1916. С. 82.

² Там же. С. 83.

³ Дело о назначении продовольственного пособия // РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 47. Л. 7-9.

⁴ Там же. Л. 10.

сверхсрочной службы, задержанных в армии»¹. Однако в очередной раз начальник Управления по воинской повинности подтвердил, что Положение 25 июня 1912 г. «в отношении выдачи пайков не может быть распространено на семьи сверхсрочнослужащих»².

Тем не менее вопрос оставался на повестке дня, поскольку денежное содержание получали далеко не все сверхсрочнослужащие. Так, оно не полагалось музыкантам, барабанщикам, горнистам, штаб-трубачам, сверхсрочнослужащим нижних чинов унтер-офицерского звания, занимавшим нестроевые должности. Военное министерство, придавая особое значение именно этому разряду нижних чинов, имевших непосредственное влияние на настроения общей солдатской массы, признавало принципиально необходимым установление права для их семей на получение пайка. При этом военное ведомство специально оговаривало право на продовольственное пособие для семей подпрапорщиков и сверхсрочников второго разряда, которые получали большое содержание (от 15 руб. 90 коп. до 42 руб. 50 коп. в месяц), указывая на их особую ценность для российской армии³. Сложность заключалась еще и в том, что точное количество сверхсрочнослужащих Военному министерству было неизвестно, и оно могло оперировать только их числом на 1 января 1913 г. (около 31 тыс. человек)⁴.

Постоянное межведомственное совещание, созданное при Верховном совете, на своем заседании от 9 июня 1916 г. не смогло прийти к единому мнению в отношении продовольственного довольствия сверхсрочнослужащих. Окончательное решение было перенесено на ближайшее заседание после получения соответствующих рекомендаций от Министерства внутренних дел, Министерства финансов и Государственного контроля.

¹ Ходатайство перед управлением по делам о воинской повинности // Всероссийский союз городов. Распоряжения и циркуляры. К сведению учреждений Всероссийского союза городов. Октябрь 1915 г. М., 1915. Выпуск I. С. 38.

² Там же. С. 39.

³ РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 329. Л. 329.

⁴ Журнал Верховного Совета. № 13. Заседание 9 июня. 1916 г. // Известия Верховного совета. Август-сентябрь. 1916. Выпуск тринадцатый. С. 107.

Частное совещание, образованное в помещении Генерального штаба из представителей указанных министерств, а также Военного министерства в конечном итоге пришло к заключению о необходимости предоставления права на продовольственное пособие семьям всех категорий сверхсрочнослужащих нижних чинов. При этом предлагалось засчитывать в его сумму получаемое ими денежное довольствие ($\frac{1}{3}$ содержания главы семейства и квартирные деньги). На этих же основаниях продовольственное пособие должно было предоставляться семействам сверхсрочных нижних чинов: убитых, умерших или без вести пропавших. Продовольственное пособие, согласно заключению, предоставлялось лишь со времени введения в действие закона, при этом выданные до этого срока деньги не планировалось «подвергать возврату»¹.

Межведомственное совещание Верховного совета, одоббив заключение названных четырех ведомств, постановило внести его в виде законодательного предположения на рассмотрение в Совет министров, который в свою очередь на заседании 10 января 1917 г. «не встретил препятствий его направления на утверждение законодательных учреждений»².

Его рассмотрением, так же, как и решением вопроса о расширении круга лиц, получавших паек, предстояло заняться уже Временному правительству.

¹ Журнал Верховного Совета. № 13. Заседание 9 июня. 1916 г. // Известия Верховного совета. Август-сентябрь. 1916. Выпуск тринадцатый. С. 113-114.

² РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 329. Л. 330.

1.3. Изменения в законе 25 июня 1912 г. о материальной поддержке семей военнослужащих, оказавшихся в плену и дезертировавших в годы Первой мировой войны

Уже в самом начале войны командование русской армии столкнулось с проблемой, которая не была решена вплоть до 1917 г., а при Временном правительстве получила еще более масштабное развитие, это – дезертирство и добровольная сдача солдат в плен.

Примечательно, что с началом мобилизации, которая прошла в России при небывалом патриотическом подъеме, при высокой явке на призывные пункты и наплыве добровольцев, уже появились случаи побегов с воинских эшелонов. Доктор истории Пол Симмонс (Paul Allan Simmons) в своей работе отмечал: «Хотя точную численность солдат, добровольно сдавшихся врагу, выяснить затруднительно, многие командиры полевой армии в конце 1914 г. сетовали на то, что солдаты добровольно сдаются в плен "целыми партиями"»¹, а историк Первой мировой войны А. Б. Асташов отмечает, что «по оценке начальника штаба Юго-Западного фронта М. В. Алексеева, с поездов дезертировали 20% нижних чинов»². По другим сведениям «побеги совершались в то время, пока воинские поезда еще находились в глубине страны, чтобы иметь возможность добраться до родных мест»³.

Тяжелые осенние бои в Восточной Пруссии и в Польше, проблемы со снабжением армии ухудшили ситуацию, породив массовые попытки уклонения от исполнения воинского долга, а неудачные военные операции Русской армии начала 1915 г. привели к пленению значительного числа

¹ Симмонс П. Борьба с дезертирством и добровольной сдачей в плен в русской армии в годы Первой мировой войны // Величие и язвы Российской империи: Международный научный сборник к 50-летию О. Р. Айрапетова / Составитель В. Б. Каширин. М.: Издательский дом «Регнум», 2012. С. 377.

² Асташов А. Б. Дезертирство и борьба с ним в царской армии в годы Первой мировой войны // Российская история. 2011. № 4. С. 44.

³ Оськин М. В. Российские дезертиры Первой мировой войны // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2. История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 5 (60). С. 49.

военнослужащих, и неожиданная для командования массовая сдача в плен потребовала принятия незамедлительных мер к ее дальнейшему предотвращению.

Одной из проблем стало определение добровольности ухода в неволю, что во многих случаях сделать было почти невозможно. Чаще всего сведения о сдавшихся получались из показаний солдат, сумевших бежать из плена и в обязательном порядке допрашиваемых в армейских штабах. Были и обратные эпизоды, когда вернувшиеся оправдывали своих товарищей, заподозренных в малодушии.

Так, например, в канцелярию по гражданскому управлению при штабе Верховного главнокомандующего поступило прошение от жены рядового Матвея Плужникова, который «23 мая 1915 года в бою с австро-германцами добровольно сдался в плен неприятелю»¹. Женщина сообщала, что в одно с ним время попал в плен крестьянин соседнего села, рядовой того же полка, бежавший из плена около 3 месяцев тому назад через румынскую границу в Одессу где пробыл 2 месяца и был отпущен домой»². Из его рассказа следовало, что муж просительницы оказался в плену не добровольно, что «их отправил в плен ротный командир, который тоже в плену, а командир 13 роты увернулся и доложил начальнику о переходе солдат добровольно в плен»³.

Штаб сделал формальный запрос губернатору, который не обладал дополнительной информацией на этот счет. Очевидно, что в данной ситуации поиск истины требовал значительных усилий, связанных с дополнительным отысканием и опросом свидетелей, сопоставлением полученных данных, что было сделать сложно в условиях военных действий и при отсутствии необходимых структур как при штабе, так и при губернской администрации. В штабе, вероятно, решили пойти по более простому пути и 20 марта 1916 г.,

¹ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 47. Л. 87.

² Там же. Л. 88.

³ Там же.

т. е. почти год спустя с момента происшедших событий, связанных с пленением Плужникова, предложили объявить жене рядового, что по ее прошению «никаких распоряжений в виду сообщенных сведений последовать не может»¹.

Наказания следовали и за побег мужей со службы. В канцелярию по гражданскому управлению штаба Верховного главнокомандующего в марте 1916 г. было направлено прошение крестьянки Московской губернии, Подольского уезда Натальи Николаевны Рыбкиной о пособии. Просительница сообщала, что ее муж был призван в действующую армию в конце июля 1915 г. после проверки белобилетников, уволенных уездным присутствием при первой мобилизации. Постановлением Подольского уездного попечительства 15 декабря 1915 г. Рыбкиной было отказано в пособии, несмотря на то, что у нее на руках находилось четверо детей².

Для более очевидных ситуаций среди первых мер, предпринятых Верховным главнокомандованием для борьбы с дезертирством и добровольной сдачей в плен, было учреждение военно-полевых судов, которые должны были незамедлительно рассматривать совершенные военные преступления и без лишних бюрократических процедур выносить суровые наказания, предотвращая такими назидательными примерами подобную практику в будущем. Первоначально эти суды могли проводить только командующие фронтами, армиями и военными округами, но 14 ноября 1914 г. право проведения военно-полевых судов на театре военных действий было предоставлено и командирам полков³.

Правила о военно-полевым суде, разработанные в 1869 г. были дополнены таким пунктом: «Главного командующему армиями фронта, командующим армиями (отдельными или неотдельными), командующим войсками в военных округах и лицам, пользующимся равною с ними

¹ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 47. Л. 88.

² Там же. Л. 105-106.

³ Приказ по военному ведомству. № 724, 11.11.1914.

властью, предоставляется право передавать во время войны свои полномочия на учреждение военно-полевого суда и на предание сему суду обвиняемых подчиненным им военным начальникам, пользующимся правами не ниже Полкового командира, с соблюдением в отношении офицеров и военных чиновников правил, в статье 562 военно-судебного устава определенных». Пункт VI этих правил излагался в следующей редакции: «Приговор вступает в законную силу немедленно по объявлении его на суде и безотлагательно, во всяком случае, не позже суток, приводится в исполнение по распоряжению начальника, сформировавшего суд»¹.

Однако одними карательными мерами решить проблему было невозможно. Большинство исследователей сходятся на том, что пленение значительной массы солдат и офицеров в первые месяцы войны было связано с боевой обстановкой, с неудачными действиями командования русской армии, что только с начала 1915 года командование признало добровольную сдачу большого числа солдат в плен². Эта точка зрения была характерна для советской историографии, не вызывает она серьезных возражений и у современных исследователей, склонных к более глубокому анализу событий с точки зрения массовой психологии, выступавшей в качестве реакции на войну³. Например, сражение в Восточной Пруссии в августе-сентябре 1914 г. явившееся одной из трагических страниц Первой мировой войны, знаменовавшееся сокрушительным поражением 2-й армии Северо-Западного фронта под командованием генерала А. В. Самсонова. Потери Русской армии составили 40 тыс. убитых и раненых, 50 тыс. оказалось в плену. Трагична судьба 15 армейского корпуса, почти полностью уничтоженного в ходе этой операции в составе 2-й армии. В плену оказалось 16 генералов, среди

¹ Военно-полевой суд // Речь. 1914. № 32. 3 декабря.

² Мальков А. А. Деятельность большевиков среди военнопленных русской армии (1915–1919). Казань, 1971. С. 20.

³ Оськин М. В. Российские дезертиры Первой мировой войны. С. 48.

которых был и командующий корпусом генерал Н. Н. Мартос¹. В такой ситуации попавших в плен или по ранению, или из-за неверного решения старших по званию начальников, нельзя было обвинить в недобросовестном исполнении воинского долга.

Решить проблему добровольной сдачи в плен и дезертирства командование пыталось также путем широкой пропаганды. Военная цензура запрещала к публикации статей в периодической печати, в которых рассказывалось о приемлемых условиях пребывания в плену. «Ссылаясь на "повеление" Верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича, М. С. Пустовойтенко обращал внимание военно-цензурных органов на более строгое и внимательное отношение их к делу, с целью препятствовать проникновению в печать сведений, могущих оказаться вредными для армии»². Начиная с зимы 1914–1915 гг. цензорам регулярно направлялись циркуляры с требованием проявления особого внимания к письмам от русских военнопленных, которые адресовались в действующую армию. Это требование распространялось и на периодическую печать: «О безусловном воспрещении в статьях и заметках всяких сообщении о благоприятных условиях жизни наших пленных в Австрии и Германии»³. Средства информации были полны сведений об издевательствах над русскими пленными. Позитивные известия могли оказать отрицательное воздействие, выработать представление, что к условиям плена можно адаптироваться, что это гораздо лучше, чем сложить голову на передовой.

Другой мерой воздействия командования на добровольную сдачу в плен являлось объяснение позорности такого деяния. Приказы по армиям, зачитывавшиеся перед строем. Так, в июне 1915 г. в приказе по 2-й армии

¹ *Нагорная О. С.* Русские генералы в германском плену в годы Первой мировой войны // Новая и Новейшая история. 2008. № 6. С. 95. (С. 94–108).

² *Блохин В. Ф., Алфёрова И. В.* Преданье административной старины: «белые пятна» на страницах российских газет (вторая половина XIX века – 1917 год) // Новый исторический вестник. 2016. № 3 (49). С. 40.

³ Журналы заседаний военных цензоров и членов Петроградского комитета по делам печати. 12 января 1916–14 июня 1916 // Ф. 778. Оп. 1. Д. 4. Л. 13.

Северо-Западного фронта звучали следующие гневные слова: «...тех позорных сынов России, наших недостойных братьев, кто, постыдно, малодушествуя положит перед подлым врагом оружие и сделает попытку сдаться в плен или бежать, я, с болью в сердце за этих неразумных, безбожных изменников, приказываю немедленно расстреливать, не давая осуществиться их гнусному замыслу: пусть твердо помнят, что испугаешься вражеской пули, получишь свою, а когда раненый пулей своих, не успеешь добежать до неприятеля или когда после войны, по обмену пленных, вновь попадешь к нам, то будешь расстрелян»¹.

В приложении к приказанию по войскам 10 армии заведующий военносудный частью штаба главнокомандующего армиями Западного фронта 5 января 1916 г. сообщал дежурному генералу штаба 10 армии, что в виду непрекращающихся до настоящего времени побегов нижних чинов из войсковых районов в тыл армии, главнокомандующий приказал всем начальствующим лицам подтвердить подчиненным им нижним чинам, что за побеги из войскового района, они, согласно приказа Его высокопревосходительства от 30 сентября 1915 г., подвергаются, «по исключении из военной службы и лишении всех прав состояния, ссылке в каторжные работы на срок от 4 до 8 лет, причём приказание это приводится в исполнение немедленно, а семьи виновных, согласно приказа по военному ведомству 1915 г. за № 256, подтвержденного приказом по фронту 20 октября того же года № 2140 лишаются пайка, хотя бы бежавшие были впоследствии задержаны подлежащими властями»².

Примечательно, что отношение к офицерам и солдатам, пропавшим без вести, имело значительные различия. В отношении офицерского состава армии, оказавшегося в плену, в российском военном законодательстве существовала статья 885 Свода военных постановлений. Она была

¹ Цит. по: Симмонс П. Борьба с дезертирством и добровольной сдачей в плен в русской армии в годы Первой мировой войны. С. 385.

² Приложение к приказанию по войскам X армии. № 6. 5 января 1916 г.

опубликована еще в 1869 г. и в редакции 1910 г. продолжала действовать в годы Первой мировой войны. «Семейства военнослужащих, находящихся у неприятеля в плену, имеют право получать со времени взятия главы семьи в плен, нераздельно половину того содержания, какое их главы получали на службе в день взятия в плен, впредь до возвращения из плена или назначения пенсии из казны, если таковая причитается, в случае смерти пленного. Сверх сего, за время нахождения военнослужащего в плену, семейству отпускается, впредь до возвращения главы из плена или получения удостоверения о смерти главы, пособие на наем прислуги, если таковое пособие полагалось до взятия в плен главы»¹. Вернувшийся из плена должен был получить вторую половину жалованья за все время пребывания у неприятеля, если, конечно, не переходил на сторону противника². В качестве примечания к статье уточнялся состав офицерских семей. В них входили не только жена и дети военнослужащих, но и отец, мать, а также и несовершеннолетние братья и сестры, если они жили вместе с военнослужащим «непосредственно перед выступлением его в поход»³.

При этом военная действительность заставляла вносить свои коррективы в сложившееся законодательство. Согласно негласного распоряжения Верховного главнокомандующего, с начала объявления войны и до конца 1914 г. офицеры, оказавшиеся пленными в силу ранения или невозможности дальнейшего сопротивления, числились не в плену, а без вести пропавшими. Во многих случаях это объяснялось и трудностью определения местонахождения тех или иных офицеров. Только по прошествии времени через международный Красный Крест, через налаживание переписки из плена и через другие каналы появлялись сведения о выживших в жестоких боях.

¹ Свод военных постановлений 1869 года. Книга XIX – Довольствие войск. СПб., 1910. Ст. 885. С. 204.

² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 877. Л. 17-17 об.

³ Свод военных постановлений 1869 года. Книга XIX – Довольствие войск. Ст. 885. С. 204.

Тяжелое финансовое положение семей офицеров, оказавшихся в плену, многочисленные обращения в штаб Верховного главнокомандующего привели к тому, что 31 декабря 1915 г. последовало Высочайшее повеление выдавать семействам содержание, определённое статьей 885 полностью, «не производя никаких вычетов, а излишне выданное до сего времени признать действительным расходом казны». Однако распространялось это решение «только на семьи чинов, попавших в плен из состава войсковых частей и учреждений, поименованных выше корпусов, при операциях при Сольдау, т. е. в период боёв 10-23 августа 1914 г.»¹. Речь шла о 1, 6, 13, 15 и 23 армейских корпусах.

В обосновании Высочайшего повеления отмечалось, что при пленении военнослужащего в обыкновенных боях уведомления об этом «получаются довольно быстро, благодаря чему переборы семьями в таких случаях бывают весьма незначительными, не ставят их в тяжелое материальное положение». Пленение же офицерских чинов из перечисленных корпусов, произошло при исключительных обстоятельствах, из-за чего долгое время не удавалось точно выяснить, находится ли военнослужащий в плену или он пропал без вести².

Действительно, прошло более года после августовских событий 1914 г. и если бы семьи оказавшихся в плену офицеров возвращали полученное лишнее «содержание» в казну, финансовое положение их оказалось бы очень тяжелым.

Главнокомандующий армиями Западного фронта генерал А. Е. Эверт 11 февраля 1916 г. также обратился в штаб Верховного главнокомандующего с ходатайством о распространении льгот, полученных семьями военнослужащих войсковых частей 1, 6, 13, 15 и 23 армейских корпусов, находившихся в плену, «также и на семейства пленных чинов 20 армейского корпуса, доблестно сражавшихся с превосходящими неприятельские

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 877. Л. 2.

² Там же. Л. 17 об.-18.

силами»¹. Пленение военнослужащих корпуса под командованием генерала П. И. Булгакова произошло во время отхода 10 армии в феврале 1915 г. из Восточной Пруссии. В течение 7 дней отступавшая от Сувалок на Сопоткин колонна корпуса вела бой с противником, старавшимся взять ее в кольцо. После упорного боя у деревни Богатыри, окруженная со всех сторон численно превосходящим противником, расстреляв все снаряды и патроны, эта колонна была взята в плен².

На этом основании А. Е. Эверт ходатайствовал о распространении льгот, дарованных 31 декабря 1915 г., на семьи «офицерских и классных чинов войсковых частей и учреждений 20 армейского корпуса».

В управлении дежурного генерала, куда поступило ходатайство от генерала А. Е. Эверта на имя начальника штаба Верховного главнокомандующего М. В. Алексева, определили, что «пленение военнослужащих из состава войсковых частей и учреждений 20 армейского корпуса происходило при иной обстановке, поэтому распространение помянутого высочайшего повеления от 31 декабря 1915 г. на чинов 20 армейского корпуса может создать нежелательный прецедент для возбуждения подобных ходатайств другими строевыми начальниками, что, конечно, вызовет значительный и непроизводительный расход казны»³. Начальнику штаба предлагалось отклонить ходатайство А. Е. Эверта⁴, но если М. В. Алексеву было бы угодно поддержать просьбу генерал-адъютанта, необходимо «представить по сему всеподданнейший доклад». После уточнения списков воинских частей и учреждений, входивших в состав 20 корпуса, в феврале 1915 г. доклад был представлен Николаю II, который 2 апреля 1916 г. на ходатайстве от начальника штаба Верховного главнокомандующего написал «Согласен»⁵.

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 877. Л. 1.

² Там же. Л. 1-1 об.

³ Там же. Л. 2 об.

⁴ Там же. Л. 3.

⁵ Там же. Л. 11.

Однако на этом проблема не была снята с повестки дня и помимо желания распространить действие Высочайших повелений 31 декабря 1915 г. и 2 апреля 1916 г. на другие воинские части, возникли различного рода толкования новых положений. Об этом от имени штаба Верховного главнокомандующего было заявлено спустя пять месяцев, 18 сентября 1916 г. Смысл большинства возникавших вопросов и ходатайств сводился к определению срока, с которого следовало применять подписанное Николаем II повеление: с момента извещения о нем или при получении на местах списков частей войск и учреждений, которые под него подпадали. Немаловажным был вопрос о возможности возвращения семьям денег, удержанных на покрытие полученных «переборов» до введения в силу Высочайших повелений. Наконец, должны ли быть взысканы на общих основаниях суммы «переборов», определенные уже после вступления в силу соответствующего постановления¹.

На эти запросы штаб Верховного главнокомандующего отвечал, что желательно все возникшие по этому делу вопросы разрешать по справедливости в пользу семей военнослужащих, но одновременно с этим отмечал, что «переборы», выясненные после Высочайших повелений от 31 декабря 1915 г. и 2 апреля 1916 г., взысканию не подлежали, а если они были осуществлены после принятия этих документов, то подлежали возвращению семьям военнослужащих. Однако касательно ходатайств относительно возвращения средств, взысканных до принятия повелений, то «такие ходатайства удовлетворению не подлежат и переборы, взысканные до воследования упомянутых Высочайших повелений, ни в коем случае не возвращаются семействам»².

В отношении же нижних чинов российские власти шли только на ужесточение мер наказаний за дезертирство и добровольную сдачу в плен. Исполнявший обязанности начальника штаба Верховного главнокомандующего

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 877. Л. 18 об.

² Там же. Л. 18 об.-19.

генерал В. И. Гурко констатировал изменение ситуации со сдачей в плен на фронте в худшую сторону с начала отступления в 1915 г. Усугубляло проблему, по его мнению, то обстоятельство, что командование не имело «средств немедленного справедливого возмездия за преступление» даже в тех случаях, когда факт добровольной сдачи в плен четко устанавливался свидетельскими показаниями и вывод о виновности не подлежал сомнению»¹. По мнению генерала, «нижние чины думали, что, сдавшись в плен, они после войны смогут раствориться в массе репатрируемых пленных, затруднив поиск свидетелей и проведение суда»².

Несмотря на ужесточение наказания за дезертирство в январе 1915 г. решающего перелома, особенно в практике добровольной сдачи в плен, добиться не удалось. Тогда военными властями были использованы меры материального воздействия в отношении семей военнослужащих. С этой целью потребовалось внести поправку к закону 25 июня 1912 г. «О признании нижних чинов и их семейств».

Изменения касались «дополнительных законодательных предположений», разработанных Министерством внутренних дел и принятых в виде «Высочайше утвержденного положения Совета министров. О прекращении выдачи пайка семьям добровольно сдавшихся в плен и дезертиров»³. История принятия этого документа сопровождалась взаимодействием и противодействием военных и гражданских властей в деле реализации государственной социальной политики, и ее изучение позволяет рассмотреть еще один важный аспект обеспечения связи фронта и тыла, поддержания авторитета власти в глазах значительной массы населения страны.

¹ Цит. по: Симмонс П. Борьба с дезертирством и добровольной сдачей в плен в русской армии в годы Первой мировой войны. С. 388.

² Там же.

³ Высочайше утвержденное положение Совета министров. О прекращении выдачи пайка семьям добровольно сдавшихся в плен и дезертиров // Собрание узаконений. 1915. Отд. 1. 29 апреля. Ст. 988.

В штаб Верховного главнокомандующего 3 марта 1915 г. обратился тамбовский губернатор в связи с требованием двух командиров полков (Белебеевского и Аварского) о прекращении выдачи семьям, провинившихся, по их мнению, солдат, казенного пособия в виде пайков. Согласно утверждению офицеров, приславших списки нижних чинов, 25 декабря 1914 г. и 7 февраля 1915 г., их подчиненные добровольно покинули боевую позицию и перешли к неприятелю. Исходя из сложившейся ситуации, губернатор просил штаб Верховного главнокомандующего сообщить, следует ли прекратить выдачу продовольственного пайка семьям, сдавшихся в плен нижних чинов¹.

На следующий день, 4 марта 1915 г. Ставкой Верховного главнокомандующего была получена телеграмма от тогдашнего министра внутренних дел Н. А. Маклакова, адресованная генерал-адъютанту, начальнику штаба Верховного главнокомандующего Н. Н. Янушкевичу. Обращение было связано с тем обстоятельством, что губернаторы присылали в Министерство внутренних дел запросы по поводу решения военных властей о лишении казенных пайков семей солдат, добровольно сдавшихся в плен. Таких распоряжений от губернских властей требовали командиры воинских частей, а официальных решений по этому поводу не было. Министр также отмечал: «Отобрание <...> произведенных уже таким семьям выдач практически трудно выполнимо, потому полагал бы желательным ограничить прекращение выдач будущими очередными сроками, если такое распоряжение со стороны Верховного главнокомандующего действительно последовало»².

На бланке телеграммы, хранящейся в Российском государственном военно-историческом архиве, сохранилась резолюция, написанная карандашом: «Это единственный способ, но при непременном условии

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 49. Л. 13.

² Там же. Л. 10.

объяснения населению, что это добровольно (*подчеркнуто в тексте. – А. Г.*) сдавшиеся в плен, а не с бою, вроде XX или XV корпуса»¹.

Неудачные военные операции русской армии, повлекшие пленение значительного числа военнослужащих, вызвали необходимость создать условия, при которых добровольная сдача в плен влекла бы серьезные последствия не только для солдат и офицеров, но и для их семей. Правовой же основы для принятия таких мер в начале 1915 г. было недостаточно.

Более того, инициатива штаба Верховного главнокомандующего, получившая отражение в приказах по армиям, была неизвестна не только Министерству внутренних дел, но и военным властям в Петрограде, поскольку 5 марта 1915 г. последовало общение по прямому проводу с исполняющим обязанности начальника Генерального штаба, будущего последнего военного министра Российской империи, генералом М. А. Беляевым, который просил дать скорейший ответ на телеграмму министра внутренних дел «относительно распоряжения о прекращении выдач пайка семействам, подозреваемых в сдаче добровольно в плен»².

Ответ Н. Н. Янушкевича на телеграмму министра последовал 8 марта 1915 г. В нем он отмечал, что применение меры лишения казенных пайков семейств нижних чинов, сдавшихся добровольно в плен, целесообразно в будущем осуществлять на основании сведений, получаемых начальниками губерний и областей от военного начальства. «Желательно также одновременно с привидением меры исполнения, – дополнял начальник штаба, – объявлять населению через подлежащие учреждения во всеобщее сведение поименный список добровольно сдавшихся, с указанием, что семейства означенных лиц, не исполнивших своего долга перед Отечеством, не могут наравне с прочими пользоваться пособием казны»³.

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 49. Л. 10.

² Там же. Л. 11.

³ Там же. Л. 12.

После состоявшихся переговоров министр внутренних дел сообщил об их ходе в Совет министров, который признал необходимым немедленно осуществить эту меру законодательным порядком по статье 87 основных законов. Министерство внутренних дел, иницируя новый закон, отвечало за его разработку, поэтому министр обратился с разъяснениями по некоторым пунктам в Ставку Верховного главнокомандующего. Возникло две проблемы, требовавшие пояснения: отношение к случаям дезертирства и способы объявления семьям о причине лишения пайка. По первому вопросу Н. Н. Янушкевич дал утвердительный ответ: «Распространение означенных правил на семьи дезертиров весьма желательно, распоряжение о доставлении сведений о случаях дезертирства будут отданы»¹.

Относительно объявления семье о лишении пайка Н. А. Маклаков считал, что это «удобнее всего производить в пункте его раздачи в ближайшую очередь в присутствии прочих получателей»². В штабе посчитали необходимым внести в этот вопрос поправку, подтверждая, что желательно это делать в пункте раздачи, но из-за больших промежутков времени между сроками выдачи пособий в сельской местности, предлагалось публично объявлять о таких фактах населению сразу после получения губернаторами сведений от командиров частей³. В своем представлении в Совет министров министр внутренних дел сообщил согласованный с военным штабом итоговый вариант оповещения об отказе в пайке: «Таковое оповещение в городах, где паёк выдается ежемесячно, может быть производимо только учреждениями, выдающими паёк, в селениях же, помимо таких учреждений, в интересах своевременного осведомления односельчан, оповещение следует производить при посредстве земских

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 49. Л. 15.

² Там же. Л. 14.

³ Там же. Л. 15.

начальников и заменяющих их лиц через волостных старшин, сельских старост, десятских и других должностных лиц крестьянского управления»¹.

Министр внутренних дел 17 марта 1915 г. внес законопроект на рассмотрение Совета министров и просил занимавшего пост председателя И. Л. Горемыкина «сделать зависящее распоряжение» к рассмотрению этого дела в ближайшее время, «так как скорейшее проведение означенной меры, в принципе уже одобренной Советом министров, имеет весьма важное значение в смысле укрепления в населении святости исполнения воинской присяги и сознания долга защиты Престола и Отечества»².

В особом журнале Совета министров от 27 марта 1915 г. отражено обсуждение нового Положения «О прекращении выдачи пайка семьям добровольно сдавшихся в плен и дезертиров». В документе сказано, что Верховным главнокомандующим, «в виду наблюдавшихся случаев сдачи нижних чинов в плен без употребления оружия, отдано было распоряжение в приказах по армиям о том, чтобы семьи таких нижних чинов за позорные деяние последних были лишены выдаваемого им по Положению 25 июня 1912 года казенного продовольственного пайка»³. При обсуждении распоряжения Великого князя Николая Николаевича, который тогда являлся Верховным главнокомандующим, министр внутренних дел, по соглашению с начальником штаба Верховного главнокомандующего, посчитал правильным распространить эту меру также на семьи дезертиров. Министерство внутренних дел разработало совместно с начальником штаба Н. Н. Янушкевичем специальные правила, которые и были предоставлены министром Н. А. Маклаковым на рассмотрение Советом министров.

Высочайше утвержденное 15 апреля 1915 г. Положение Совета министров было направлено 21 апреля министру юстиции для

¹ Совет министров. О прекращении выдачи продовольственного пайка семьям военнослужащих, добровольно сдавшихся в плен и дезертиров // РГИА. 1276. Оп. 11. Д. 849. Л. 2 об.-3.

² Там же. Л. 1.

³ Совет министров. Особые журналы заседаний. Март 1915. № 3724-3782 // РГИА. 1276. Оп. 20. Д. 86. Л. 95.

обнародования¹, а 29 апреля 1915 г. оно было опубликовано в Собрании узаконений и распоряжений Правительства. По военному ведомству Положение было объявлено спустя полтора месяца, приказом № 256 от 28 мая 1915 г.²

Новое Положение включило в себя следующие пункты: «Семьи нижних воинских чинов, о коих последуют уведомления от подлежащего военного начальства, что они добровольно, без употребления оружия, сдались в плен неприятелю, либо учинили побег со службы, лишаются права на получение продовольственного пособия со дня наступления следующей очередной выдачи пайка»³.

Об этих случаях нарушения «долга службы и воинской присяги» губернаторы должны были сообщать уездным и городским попечительствам «для исключения членов означенных семей из раздаточных ведомостей». Предписывалось также принять меры «к скорейшему оповещению населения о таких позорных деяниях через подлежащие учреждения и лиц, заведующих выдачей пайка, а в сельских местностях также и через должностных лиц крестьянского управления»⁴.

Однако уже к середине сентября 1915 г. в полной мере проявились недостатки принятой поправки к закону. Об этом говорилось в специальном приказе нового начальника штаба Верховного главнокомандующего (с августа 1915 г.), генерала от инфантерии М. В. Алексеева. В частности выяснились неоднократные случаи ошибочных сообщений военных начальников о необходимости лишения семей пайка, основанные на непроверенных до конца данных, которые не получили полного или

¹ Совет министров. О прекращении выдачи продовольственного пайка семьям военнослужащих, добровольно сдавшихся в плен и дезертиров // РГИА. 1276. Оп. 11. Д. 849. Л. 6.

² Алфавитный [и хронологический] указатель приказов по Военному ведомству и циркуляров Главного Штаба за 1915 год. 1915. С. 376.

³ Высочайше утвержденное положение Совета министров. О прекращении выдачи пайка семьям добровольно сдавшихся в плен и дезертиров // Собрание узаконений. 1915. Отд. 1. 29 апреля. Ст. 988.

⁴ Там же.

частичного подтверждения. Встречались также факты неверного толкования сути закона, направленного против сознательного нарушения присяги и уклонения от исполнения воинского долга. Пайков же лишали семьи без вести пропавших или виновных лишь «в незначительных опозданиях из отпусков или отлучках от своих команд»¹.

Неправильное признание солдат изменниками или дезертирами, несправедливый публичный позор, который вынуждены были испытать их семьи, потребовал более строгого подхода к распространению информации, предусматривавшей такого рода наказания. Сообщения в адрес губернских властей «должны были исходить от военных начальников не ниже командира части и следовать лишь в случаях безусловной, подтвержденной очевидцами, верности факта добровольной сдачи в плен или в случаях побега из рядов армии с целью уклонения от исполнения воинского долга»².

Последний пункт приказа имел принципиальное значение, поскольку Министерство внутренних дел посчитало необходимым издать особый циркуляр для подведомственных ему учреждений с разъяснением понятия «побег», т. е. практически на основании собственной инструкции предоставляло право местным гражданским органам принимать соответствующие решения.

Таким образом, допускалось неверное толкование закона 15 апреля 1915 г. о лишении пайков семей дезертиров, в котором говорилось о том, что его исполнение могло последовать «не иначе, как по получении соответствующего уведомления военного начальства», решавшего вопрос о том, был ли на лицо побег со службы и добровольная сдача в плен. Гражданские же власти по закону выступали только исполнителями указаний, исходивших от военных и не имели права давать оценку их сообщениям.

Разногласия возникли и по поводу возможности восстановления «права на паёк семей нижних чинов, добровольно вернувшихся из побега».

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 49. Л. 35.

² Там же.

Министерство внутренних дел заняло в этом вопросе позицию, с которой были не согласны военные власти. В сентябрьском приказе начальника штаба Верховного главнокомандующего говорилось о том, что «распоряжения о восстановлении права на паёк будут касаться лишь тех из нижних чинов, которые, по удостоверению военного начальства, продолжают честно нести службу в рядах армии»¹. Очевидно, что это было совершенно справедливо, поскольку в условиях продолжавшейся войны, перспективы окончания которой в конце 1915 г. были еще очень туманны, военнослужащий, права которого по той или иной причине были восстановлены, мог находиться несколько лет на театре военных действий, отличиться на фронте, но его семья продолжала бы испытывать нужду, будучи лишенной права на получение казенного пайка.

Министерство внутренних дел иначе смотрело на ситуацию, связанную с восстановлением «права на паёк семей нижних чинов, добровольно вернувшихся из побега». По мнению гражданского ведомства, «лишение пайка потеряет в глазах населения свое предупреждающее значение, если командирами частей будут постоянно отменяться распоряжения о лишении пайков, не говоря уже о подрыве авторитета власти, отдающей необоснованные распоряжения»². Ключевым словом в этом суждении было «постоянно», но совершенно очевидно, и это подчеркивало военное начальство, что такие случаи не могли носить массового характера и были единичными.

В спор вынуждено было вмешаться Главное военно-судное управление, начальник которого одновременно являлся главным военным прокурором. Это ведомство рассматривало жалобы и ходатайства, занималось пересмотром приговоров военных судов. В данном конкретном случае разногласия удалось преодолеть, но в дальнейшем, по мере

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. ОП. 1. Д. 49. Л. 36 об.

² Там же.

усложнения ситуации на фронте и кризиса, углублявшегося во властных структурах, противостояния Ставки Верховного главнокомандующего и Министерства внутренних дел только усиливалось. Таким образом, после ряда обсуждений, так и не разрешивших возникших разногласий, поправка к закону была принята.

В какой степени принятые поправки к закону оказали воздействие на проблему дезертирства и добровольной сдачи в плен судить трудно. В начале 1916 г. в специальном деле «О пропаганде, ведущейся в войсках среди нижних чинов, по вопросу о сдаче в плен неприятелю» сохранилось под грифом «Секретно» письмо военного министра генерала от инфантерии А. А. Поливанова к председателю Совета министров И. Л. Горемыкину, в котором он сообщал о том, что «Преступная пропаганда сдачи в плен противнику ведется не только в глубоком тылу, но и на фронте, куда противник посылает со своей стороны агитаторов, стараясь распространить в наших войсках прокламации преступного содержания»¹. Министр констатировал, что и во внутренних районах государства наблюдались также признаки пацифистской пропаганды, во время которой нижним чинам рекомендовалось сдаваться в плен и уклоняться от боевых действий. Он сетовал на то, что революционные воззвания вкладываются в газетные листы и журналы, отправляемые в войсковые части, госпитали, поезда с ранеными².

Упоминался также функционировавший в скандинавских странах «Союз мира» и деньги германского военного фонда. Лишь после этих перечислений причин, вызывавших рост побегов с фронта, военный министр заявил, что в народных массах и у следовавших с маршевыми ротами на пополнение нижних чинов, начинала развиваться вера в то, что по окончании войны всем сдавшимся в плен будет даровано помилование³. «Я полагал бы необходимым, — предлагал далее министр, — в согласии с мнением

¹ Совет министров. Канцелярия. О пропаганде, ведущейся в войсках среди нижних чинов, по вопросу о сдаче в плен неприятелю // РГИА. 1276. Оп. 11. Д. 961. Л. 6.

² Там же. Л. 6 об.

³ Там же. Л. 6 об.-7.

начальника штаба Верховного главнокомандующего, в ряду других предупредительных мер, испросить Высочайшее повеление о том, что бежавшим к неприятелю или добровольно сдавшимся в плен ни в коем случае не будет даровано впоследствии ни помилования, ни смягчения участи, и что упомянутые нарушители долга присяги будут немедленно по возвращении из плена водворены в отдаленные местности Империи, до окончания суда над ними»¹.

В конце послания А. А. Поливанов упомянул лишение семей сдавшихся в плен продовольственного пайка как одну «из самых действительных мер борьбы с побегами к неприятелю» и посетовал на то, что ее нельзя применить к занятой неприятелем территории Привислинского края, откуда были солдаты-поляки, воевавшие в русской армии².

Об эффективности принятой меры можно судить главным образом на основании косвенных признаков. Статистика случаев дезертирства и сдачи в плен не может дать точных представлений об этом, поскольку со второй половины 1915 г. ситуация на фронте стала резко меняться, а к 1917 г. изменилась настолько, что по имеющимся данным 1917 г., дезертиры составляли 25% всех военнослужащих³. Можно привести отрывок солдатского письма, относящегося к началу 1917 г., где автор говорит о подобном явлении как о вещи вполне привычной и обыденной: «...Приказал сию минуту же идти в атаку, <...> но и здесь все роты отказались идти, крича, давай есть, одевай и обувай, а то воевать не будем или все пойдем в плен. <...> Два батальона одного полка нашей дивизии целиком пошли в плен добровольно»⁴.

Тяжести войны и ее беспросветность на фоне социальной несправедливости, порождали протест, проявлявшийся в том числе и в отказе от моральных принципов, оправдывали сдачу в плен и дезертирство: «...а

¹ Совет министров. Канцелярия. О пропаганде, ведущейся в войсках среди нижних чинов, по вопросу о сдаче в плен неприятелю // РГИА. 1276. Оп. 11. Д. 961. Л. 7.

² Там же. Л. 7 об.

³ *Оськин М. В.* Российские дезертиры Первой мировой войны. С. 59.

⁴ Письма с войны 1914–1917 (составление, комментарии и вступительная статья А. Б. Асташова и П. А. Симмонса). М.: Новый Хронограф, 2015. С. 728.

война кажется так всем надоела, от кого не услышишь, то каждый желает попасть в плен, даже противно слушать, что стали говорить солдаты...»¹.

В изменениях к закону 25 июня 1912 г. «О прекращении выдачи пайка семьям добровольно сдавшихся в плен и дезертиров» четко прослеживаются две составляющих: материальная (лишение пайка семьи дезертира или сдавшегося в плен) и моральная (объявлять населению, что семейства означенных лиц, не исполнивших своего долга перед Отечеством, не могут наравне с прочими пользоваться пособием). Обе части оказывали воздействие на солдат и на население: «В плен, Ваня, не попадайся, не срами нас, нам в деревне житья не будет (март 1916 г.)»². Однако с ростом инфляции ценность пайка падала, а цена жизни, при утрате веры в справедливость войны для России, возрастала: «*И я уверен что все те жены, отцы и братья, кот[орые] находятся дома, получив известие, о том что их муж, сын в плену, очень остаются довольны, что он сохранился для них (январь 1916 г.)*»³. На фоне военных неудач, безысходности позиционной войны ситуация усугублялась увеличивающимся социальным неравенством между нижними чинами и офицерским составом армии. «Две избы рядом. Жена патриция получает квартиру и на прислугу и $\frac{1}{2}$ содержания мужа, к ее услугам всё; жена нижнего чина получает казенного пособия 3 руб. на душу, а 1 пуд хлеба стоит 4 рубля, заработать же нельзя, так как пять человек детей от 1-го до 10 лет, на кого их бросишь и тогда что ей делать? А в Думе г-н Пуришкевич обещал убавить и еще размер пайка, <...> и вот мы явимся домой вояки, победители, а хата развалилась, скотина продана и съедена, домашняя утварь заложена и все это герою-воину, дравшемуся за родину придется 10-15 лет возобновлять. <...> Вот вкратце мнение и настроение всей этой серой массы и пушечного мяса»⁴.

¹ Письма с войны 1914–1917 (составление, комментарии и вступительная статья А. Б. Астахова и П. А. Симмонса). С. 130.

² Там же. С. 728

³ Там же. С. 658.

⁴ Там же. С. 689-690.

ГЛАВА II

ОРГАНИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ПОМОЩИ СЕМЬЯМ РЯДОВОГО СОСТАВА РУССКОЙ АРМИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

2.1. Создание и деятельность сельских волостных попечительств в деле призрения семейств нижних чинов, призванных на войну

Война не застала российскую власть врасплох в деле обеспечения семей нижних чинов, призванных на военную службу, поскольку еще 1 сентября 1913 г. вступил в силу новый закон, регламентировавший отношения государства с семьями тех, кто вынужден был жертвовать своей жизнью на фронтах Первой мировой войны. Однако в новых военных условиях необходимо было сделать еще очень многое для того, чтобы законодательные нормы нашли свое воплощение в реальной жизни, чтобы учесть многочисленные проблемы, которые возникали на пути реализации закона. Одной из важнейших структур, призванной разрешить эти проблемы, были волостные и земские попечительства, в срочном порядке созданные практически во всех губерниях и областях Российской империи в первые дни войны.

До принятия нового закона 25 июня 1912 г., как уже отмечалось, выдача пособий лежала на обязанности земских управ и производилась из земских средств. Такого рода расходы для земской кассы были обременительны и в разных территориях страны являлись неравномерными, т. е. зависели от доходности земств. К тому же земские управы не были приспособлены для сложной работы по ведению дела призрения. Будучи довольно удаленными от населения, они вынуждены были в своих действиях по обследованию и выдаче пособий семьям призванных прибегать к труду волостных правлений, которые также имели большое количество различных поручений от всевозможных учреждений¹.

¹ Волостные и земские попечительства. Доклад комиссии, избранной Московским обществом сельского хозяйства в заседании 5 сентября 1914 г. для рассмотрения вопроса

С изменением источника финансирования менялась вся система призрения семей воинов. Для целей оказания помощи семьям рядовых на местах предполагалось создать особый орган – волостные попечительства. Земства же, а точнее – земские управы, от решения этих вопросов были устранены. В рассматриваемый период в 43 губерниях Европейской России насчитывалось 9322 волости. В среднем – 217 волостей на губернию, а на одну волость – приблизительно 8000 сельского населения. Меньше всего волостей было в Астраханской губернии (88), больше всего – в Пермской (526)¹.

Таким образом, в 1912 г., т. е. за два года до начала масштабных военных действий Первой мировой войны, была очевидной необходимость изменения законодательства в деле призрения семей военнослужащих, отправившихся на войну. Однако ни в то время, ни в 1914 г. не были ясны объемы предполагаемой помощи. Достаточно сказать, что на основании проведенного обследования в Московской губернии было выяснено, что в русско-японскую войну на каждого запасного, взятого на службу, в среднем приходилось по 2,75 члена семьи. В 1914 г. это число достигло средней цифры в 3 человека².

При численности армии в 7 млн и при среднем пособии за одного призванного на его семью до 10 руб. получалась значительная сумма в 70 млн руб., ежемесячно проходившая через волостные попечительства. Отсюда была очевидна важность роли этих новых учреждений и значение состава их членов, проводивших обследование на местах семей военнослужащих, находившихся на войне. При преобладающем числе нижних чинов, призванных из сельской местности, от деятельности волостных попечительств напрямую зависел моральный дух тех, кто находился в окопах и был спокоен/неспокоен относительно своей семьи, оставленной в тылу. «Положение вводило практику прошений о назначении пособий не только

о задачах земства в деле призрения семейств нижних чинов, призванных на войну, в связи с Высочайшим указом 29 августа с. г. М., 1914. С. 1-2.

¹ Веселовский Б. Волости // Сельский вестник. 1917. № 121. 8 июля.

² Волостные попечительства // Пермская земская неделя. 1914. № 37. 11 сентября.

полномочными представителями семей нуждавшегося (прежде всего женами и матерями), но и самими мобилизованными нижними чинами с фронта»¹.

Как была организована деятельность волостных попечительств, с какими трудностями в деле призрения они столкнулись, и в какой степени их работа удовлетворяла породившие их российские власти – вопросы, которые требуют своего освещения для оценки эффективности деятельности государства в сложных условиях развернувшихся военных действий.

Согласно новому документу от 25 июня 1912 г., в число членов попечительства волостной сход должен был выбрать не менее 3-х человек. Однако были случаи, когда на сходах в состав волостных попечительств было избрано от 15 до 20 лиц обоего пола (не моложе 25 лет), постоянно проживавших в пределах волости и согласившихся добровольно и безвозмездно трудиться в деле призрения². Таким образом, количество выбранных зависело от настроений того или иного схода. Члены попечительства выбирали из своего состава председателя и делопроизводителя.

Так, журнал «Женский вестник» сообщал, что в селе Ключи, Пермской губернии было учреждено волостное попечительство из 15 членов «по 3 человека от больших селений и по 2 от маленьких». Каждой из этих небольших групп попечителей было «предоставлено право решать дела в своей местности, сообща будут решаться только общие дела. Попечительство устроило в селе сбор для бедных семей запасных. Собрано было много разного хлеба и 12 руб. деньгами и распределено между нуждающимися»³.

Однако были волости, в которых попечительства состояли лишь из трёх лиц: волостного старшины, сельского старосты и волостного писаря

¹ Пушкарева Н. Л., Щербинин П. П. Организация призрения семей нижних чинов в годы Первой мировой войны // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 2. С. 148.

² Волостные и земские попечительства. Доклад комиссии, избранной Московским обществом сельского хозяйства в заседании 5 сентября 1914 г. для рассмотрения вопроса о задачах земства в деле призрения семейств нижних чинов, призванных на войну, в связи с Высочайшим указом 29 августа с. г. С. 2.

³ Нужда и общественная помощь // Женский вестник. 1915. № 3. С. 64-65.

(например, в Калужской губернии)¹, а совсем в редких случаях волостные попечительства не были созданы вообще. Ситуация с избранием волостного попечительства была предусмотрена статьей 67 Положения. В ней было указано на то, что при *неизбрании по каким-либо причинам попечительств* (выделено нами. – А. Г.), обследование возлагалось на волостных старшин (гминных войт, станичных атаманов, а в Закавказье – сельских старшин)². Таким образом, в этом случае функции волостных попечительств переходили к волостным старшинам и волостным правлениям, т. е. к тем, на кого Министерство внутренних дел изначально эти обязанности возлагать не хотело.

Для старшин и правлений эти обязанности также чаще всего являлись непосильным грузом, поскольку и в мирное время в волостных правлениях работы было много. Теперь же добавилось ведение канцелярии волостного попечительства, осуществляемое волостью совершенно бесплатно. Газета «Сельский вестник» получила письмо из Вятской губернии, которое отчасти раскрывает сущность возникших проблем: «Канцеляристы получают то же ничтожное содержание за свои труды. От новых расходов на волостную канцелярию крестьяне упорно отказываются; до войны в нашей канцелярии у волостного писаря было от пяти до десяти помощников. Теперь, когда работа упрочилась, у писаря всего два-четыре помощника, да и те малолетки. При таких обстоятельствах нельзя вести дело без издержек и неисправностей, в чём опять-таки винят писаря»³. Конечно, об оказании помощи семьям запасных, о которой рассказывалось в журнале «Женский вестник», не могло быть и речи.

Причиной избрания попечительств чаще всего было то, что начало войны совпало с уборкой урожая, осуществлялись также поставки продовольствия, лошадей и повозок в армию, т. е. крестьянам было не до

¹ РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 271. Л. 41.

² Положение о призрении нижних воинских чинов и их семейств // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 32 (1912): Часть 1. № 37507.

³ Сельский вестник. 1916. № 251. 26 ноября.

выборов, а если они и проходили, то с большой долей формальности. Результатом явилось то, что дело призрения семей призванных в армию было добровольно передано в руки сельских старост, волостных старшин и других представителей сельской администрации.

В законе прямо не говорилось о сословном составе создаваемых органов, но идея всесословности попечительства просматривалась в мотивировках к закону, поэтому на этом основании многие сходы выбрали попечителей из числа врачей, учителей, представителей кооперативов, священнослужителей и других лиц не из крестьянского сословия.

Особая роль в сельской местности принадлежала в этом деле священникам, которые были лучше всех и документально осведомлены о рождении, смерти, оформлении брачных отношений населения своих приходов. Л. А. Булгакова в своей работе отмечает, что «Синод призвал пастырей дружно работать с волостными попечительствами и другими учреждениями, ведающими призрением и благотворительностью, руководствуясь в своих трудах не юридическими нормами, а христианским милосердием»¹. Однако сельские священники, на которых рассчитывала администрация, далеко не сразу смогли включиться в процесс попечения.

Показательно, что был подготовлен образец проповеди, в котором, собственно, и самим священнослужителям разъяснялись основы закона о казенных пайках: «Братья и сестры во Христе! Сегодня я буду вести с вами беседу о пайках, выдаваемых казной, в виду удаления ваших кормильцев на войну. Вам нужно твердо уразуметь, кому что следует, что полагается, дабы, при могущих произойти у вас недоразумений, вы всегда могли обратиться ко мне за помощью и советом. В случае же обиды или злоупотребления, благодаря вашему незнанию или доверчивости, вы знаете, что ваш духовный отец будет вашим первым защитником и не даст

¹ Булгакова Л. А. Привилегированные бедняки: помощь солдатским семьям в годы Первой мировой войны // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX – начала XX века. Материалы конференции памяти В. С. Дякина. СПб. ; Кишинев: Nestor-Historia, 2001. С. 438.

вас в обиду, а будет вашим ходатаем перед высшими властями для удовлетворения ваших справедливых жалоб»¹.

Роль приходских попечительств в деле призрения и благотворительности является самостоятельной темой и требует обстоятельного исследования. В рамках нашего диссертационного исследования достаточно будет сослаться на существование еще со 2 августа 1864 г. Высочайше утвержденного положения о приходских попечительствах при православных церквях, которое предусматривало постепенное создание приходских попечительств «по мере удобств и возможностей», а местному начальству и обществу в городах и селениях «равно мировым учреждениям, по сношению с министром внутренних дел и государственных имуществ, поручить оказывать возможное содействие для правильного и успешного хода сего дела»². Однако к началу войны приходские попечительства имелись лишь в половине православных приходов и их деятельность была малопродуктивной. Ссылаясь на оценку современника, Л. А. Булгакова отмечает, что «в большинстве случаев ввиду упадка приходской жизни это были лишь учреждения на бумаге; кроме того, они не имели материальных средств, и на две организации, действующие параллельно и отдельно, не хватало в деревне и личных сил»³.

Все вопросы, возникавшие в волостных попечительствах, должны были решаться большинством голосов, а в случае их равенства голос председателя получал дополнительное преимущество. Члены волостного попечительства могли исключаться из его состава уездным съездом, по представлению земского участкового начальника или одного из членов уездного

¹ РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 271. Л. 51.

² Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2-е. Т. 39 (1864): часть 1. № 41144.

³ Булгакова Л. А. Привилегированные бедняки: помощь солдатским семьям в годы Первой мировой войны. С. 440.

попечительства. Заседание попечительства в случае отсутствия подходящего помещения происходили в волостном правлении¹.

Избранные на волостных сходах волостные попечительства, по мнению Министерства внутренних дел, должны были более успешно осуществлять свою деятельность по сравнению с земскими управами, поскольку в их состав должны были входить наиболее активные представители с мест, готовые принять на себя сложные обязанности попечителей. Вместе с тем, было также очевидно, что эта новая структура требовала необходимого надзора со стороны специальных учреждений, которые не только контролировали бы ее деятельность, но и направляли работу в нужное русло. Однако вместо специально созданных для этого органов более высокой инстанции, Министерство внутренних дел возложило все функции надзора за волостными попечительствами на уже существовавшие структуры крестьянского управления – земского начальника, уездный съезд и губернское присутствие.

На земского участкового начальника возлагалось непосредственное наблюдение за правильным исполнением волостными попечительствами лежащих на них обязанностей, которые включали в себя обследование состава всех семей призванных (ст. 66). По его итогам и определялись те, кто получал право на продовольственное пособие (статья 61): «1) жена и дети нижнего чина и 2) отец, мать, дед, бабка, братья и сестры означенного чина, если они содержались трудом последнего»². Однако вопросы контроля осложнялись тем обстоятельством, что в ведении земских начальников находилось от 2 до 4 участков и они с трудом справлялись с возложенными на них обязанностями. Со временем же ситуация только менялась в худшую

¹ Волостные и земские попечительства. Доклад комиссии, избранной Московским обществом сельского хозяйства в заседании 5 сентября 1914 г. для рассмотрения вопроса о задачах земства в деле призрения семейств нижних чинов, призванных на войну, в связи с Высочайшим указом 29 августа с. г. С. 3.

² Положение о призрении нижних воинских чинов и их семейств // (ПСЗРИ) Собр. 3-е. Т. 32 (1912): Часть 1. № 37507.

сторону, поскольку земские начальники, в отличие от ряда уездных чиновников, призывались на службу в армию.

Статья 64 определяла, что «трудоспособные сыновья и дочери призванных, достигшие семнадцатилетнего возраста, а равно дочери, вышедшие в замужество, утрачивают право на призрение», но если доказывалась их нетрудоспособность, за исключением замужних дочерей, то за ними сохранялось «право на призрение и по достижении указанного возраста»¹. Руководствуясь этой статьей закона, попечительство в дальнейшем было обязано отслеживать изменения, которые могли произойти в составе этих семей, присутствовать при выдаче пособий.

Особому попечению подлежали семьи нижних чинов, в которых имелись несовершеннолетние, особенно, если жёны этих призванных на войну по какой-то причине были не в состоянии заботиться о детях (статья 62)². При отсутствии опекунов и попечителей малолетние помещались к родственникам или к посторонним лицам, отличавшимся благонадежностью, в местные приюты, в которых им должно было выдаваться причитавшееся на содержание продовольственное пособие (статья 62)³. Такие же действия предпринимались и в отношении малолетних и несовершеннолетних братьев и сестер нижнего чина, не имевших родителей и содержавшихся его трудом до призыва на войну.

О дате, с которой начиналась раздача продовольственного пособия, население оповещалось при помощи объявлений, вывешиваемых на зданиях присутственных мест, на площадях, рынках, на перекрестках улиц, на фабриках, заводах и в прочих многолюдных местах. Попечительства также должны были осуществлять раздачу частных пожертвований, поступавших на нужды призрения. Расходовались эти средства на семьи призванных, но по усмотрению попечительств. Пособие выдавалось в волостных, станичных,

¹ Положение о призрении нижних воинских чинов и их семейств // (ПСЗРИ) Собр. 3-е. Т. 32 (1912): часть 1. № 37507.

² Там же.

³ Там же.

гминных, сельских правлениях и в городских управах лично в руки и не высылалось в другую местность, чтобы избежать двойных выплат.

В сельской местности выдача осуществлялась четыре раза в год и на три месяца вперед (в марте, июне, сентябре и декабре). В городах пособие выдавалось ежемесячно и только на месяц вперед. В случае изменения членами семей, получавших пособие, места жительства необходимо было удостовериться в том, что они перестали получать казенный паёк по месту прежнего проживания.

В развитие закона 25 июня 1912 г., а точнее, к его статьям 70 и 75 были изданы инструкции: о порядке образования и действий волостных попечительств и о порядке отпуска средств на пособия семьям нижних чинов.

Уже 21 июля 1914 г. в большинстве губерний от имени губернаторов последовали распоряжения о немедленном созыве волостных сходов для избрания членов волостных попечительств. Тогда же от уездных земских управ были затребованы данные о существовавшей расценке на те продукты, которые входили в состав определенного законом пайка. В зависимости от этих цен уже в конце июля 1914 г. губернские присутствия определили размер пайка¹.

Несмотря на искреннее желание созданных волостных попечительств в короткий срок закончить обследование семей, нужные сведения чаще всего получить не удавалось из-за того, что мужское население многих территорий, числившееся проживавшим в сельской местности, в летние месяцы работало вне мест нахождения семьи. Например, значительная часть мужчин населения Казанской губернии летом работала на Волжских и Камских пристанях или судах², Смоленская губерния поставляла в различные места

¹ РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 271. Л. 15.

² Там же. Л. 15 об.

России землекопов¹. Большая часть мужского населения Тверской губернии уходила на заработки в Петроград и Москву².

Главным же являлось то, что все эти отходники и призывались на службу из пунктов, в которых их застало начало войны. Получилось так, что во многих случаях семье не было известно, когда был призван ее кормилец в ряды армии, а закон (статья 60) требовал назначения пособия со дня явки на сборный пункт. К тому же работа по призыву в армию шла очень интенсивно, и воинские присутствия, особенно крупных городов, вовремя не отвечали на запросы, поступавшие с мест.

Впрочем, первая задержка в выдаче пособия в сельской местности серьезных проблем не создала, поскольку деревня из-за ряда причин на тот момент находилась в довольно благополучном материальном состоянии. Во-первых, происходила заготовка хлеба, фуража и других продуктов для нужд армии, причём военное ведомство, расплачиваясь за покупаемые предметы наличными деньгами, устанавливало весьма высокие закупочные цены. Даже поставка в армию лошадей, сбруи и повозок не только не подорвала хозяйство крестьян, но, напротив, благодаря высокой расценке упряжного скота и предметов снаряжения, дала населению возможность с выгодой обменять то и другое³. «Многие жены призванных обращались к земским начальникам с просьбой не выдавать им пособия на 3 месяца вперёд*, как это требуется по закону, так как сами получатели опасались, что с распределением крупных сумм для будущего они не справятся и потому

¹ РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 271. Л. 35.

² Там же. Л. 36-37.

³ Там же. Л. 17 об.

* Николай II 13 марта 1915 года на основании положения, принятого Советом министров, постановил изменить и дополнить существующий закон для сельской местности. В соответствии с ним, «трехмесячные сроки выдачи вперёд продовольственных пособий семействам нижних чинов могут быть на время войны уездным съездом или соответствующим ему установлением для всех или некоторых селений уезда, в зависимости от местных условий и времени года, заменены менее продолжительным сроком но не короче 1 месяца» (Призрение и благотворительность в России. 1915. Март-апрель. С. 287-288).

просили деньги выдавать раз в месяц»¹. В начальный период раздачи пайковых денег во многих местностях наблюдалась активная торговля «красным товаром»: «Продала баба хлеб – идёт к купцу тряпок закупить. Свела корову со двора, – о цене хорошей прослышала, тоже половина денег затрачено будет на безделье. Лошадь реквизировали – опять денежная находка, опять в лавке остается. Вот и торговля идёт бойко»². По мнению одного из членов волостного попечительства, «результаты щедрой раздачи пособия повлияли на деревню, <...> получая пособие, деревня заметно трудиться стали меньше <...> когда есть возможность существовать без трудов, то труд побоку»³.

Во-вторых, введенный на время призыва «сухой закон», принес ожидаемые сбережения в бюджете крестьянских семей. Признаком улучшения жизни в материальном отношении из-за запрета продажи алкогольных напитков современники считали появление самоваров в тех местах, где их никогда не было⁴. Однако помимо этих косвенных признаков можно привести и конкретные цифры. Так, в декабре 1913 г. вновь поступившие вклады в сберегательные кассы составляли 700 тыс. руб., а в декабре 1914 г. они составили 29 млн 100 тыс. руб. «Общее поступление за 1914 г., сравнительно с 1913 г. увеличилось с 13 до 84 млн рублей»⁵.

Как уже отмечалось, статья 61 закона 25 июня 1912 г. определяла, что жена, а также дети до 17 лет могли пользоваться пособием вне зависимости от их материального положения. Зато дед, бабка, отец, мать, братья, сёстры могли получать пособие только если они жили за счет труда призванного. Волостные попечительства обязаны были выяснять степень «зависимости» этих лиц от труда призванного на войну. Решение этой задачи являлось

¹ РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 271. Л. 17 об.

² Морозов К. И. (В. Сольский). Тяжкие годы. Штрихи и наброски. Берлин, 1921. С. 70.

³ По ходатайствам об изменении закона // РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 264. Л. 19-19 об.

⁴ РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 271. Л. 123.

⁵ Кузмин-Караваев В. Феерические цифры // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915. № 14814. 16 января.

одной из самых сложных и спорных и обращивалось многочисленными прошениями со стороны тех, кому было отказано в пособии.

Впрочем, власти разных уровней проявляли оперативность в случаях, когда, например, в периодической печати звучала критика в адрес волостных попечительств. Так, в статье под названием «Помощь? Семьям в запасных», опубликованной в газете «Вечернее время» 30 ноября 1914 г. говорилось о том, что в основной массе солдатских писем затрагивался один и тот же жгучий вопрос: «Как живёт семья, обеспечена ли она, не голодает ли?», а в некоторых местах волостные старшины и писари, представлявшие земскую администрацию, относились с очевидным равнодушием к этой проблеме. По утверждению автора статьи, некий «волостной писарь отыскал где-то в старом положении указания на право волостных правлений, через которые идут почтовые отправления, взимать сборы в пользу писаря и стал проводить это в жизнь. Все письма из действующей армии были обложены им особым сбором в 3, 5 и даже 20 коп.»

В другом месте, по утверждению газеты, волостной старшина, который ведал выдачей пособий, распорядился об отчислении с получаемых семьями запасных денег сумм на уплату числящейся за семьей недоимки. «Получается такая картина, что жены запасных и ратников ополчения идут за 6-10 вёрст в волость, чтобы расписаться в книге в получении пособия и об уплате, а на самом деле не получают ни копейки»¹.

Уже 3 ноября 1914 г. орловскому губернатору была отправлена вырезка из газеты с предложением подготовить доклад по поводу изложенных в статье фактов министру внутренних дел².

Спустя месяц, в той же газете были опубликованы выдержки из писем читателей, присланных в ответ на первую публикацию. Газета сообщила, что действия волостных старшин по изъятию денег, причитавшихся в виде казенного пайка семьям нижних чинов, на уплату оброка встречается и в

¹ Помощь? Семьям в запасных // Вечернее время. 1914. № 40683. 30 ноября.

² РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 291. Л. 2.

других губерниях. Здесь же было рассказано о волостном старшине из Старицкого уезда Тверской губернии, который отказывался вносить в список тех женщин, чьи мужья были призваны в Петрограде или в других городах, где их застигла мобилизация. «Эти свои действия он объяснял тем, что в тех городах, где они были, пусть жены и получают пособие; на просьбы же похлопотать о переводе сумм пособия в волость, старшина соглашался только за особую плату»¹.

Что касается вычетов денежных средств, то эта практика подтверждается более поздним принятием 13 марта 1915 г., специального дополнения к основному закону о пенсиях и единовременных пособиях. В нем было сказано следующее: «Продовольственные пособия, выдаваемые семейством нижних чинов, на основании постановлений статей 866-888 Уставов о пенсиях и единовременных пособиях, не подлежат вычету за долги и взыскания»².

Заметка была препровождена Управлением по делам о воинской повинности Министерства внутренних дел тверскому губернатору с вопросами: «Соответствует ли действительности порядки, указанные в присланной вырезке. Какие меры приняты по искоренению их?» Очевидно, что власти быстро реагировали на возможные нарушения, возникавшие в волостных попечительствах, стараясь предотвратить возникновение острых эксцессов, могущих отрицательно отразиться на общественных настроениях. Сами же нарушения были неизбежны из-за многообразия ситуаций, с которыми приходилось сталкиваться в процессе обследования семей военнослужащих, из-за невысокого уровня юридической грамотности волостных властей, наконец, из-за неминуемых злоупотреблений служебным положением.

¹ От читателей. (Из писем в редакцию) // Вечернее время. 1914. № 41503. 3 декабря.

² Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. СПб., 1915. Отд. 1. Ст. 90.

Более того, сами крестьяне, судя по всему вынуждены были использовать деньги казенного пайка не по назначению. В Военно-историческом архиве сохранились материалы дознания, произведенного 3 ноября 1915 г., т. е. после принятия изменений в законе о запрете на вычеты из пособия «за долги и взыскания». Ратник Витебской дружины, расположенной в г. Полоцке, Иван Королев в конце сентября 1915 г. отправил письмо своему отцу в Псковскую губернию следующего содержания: «Дорогой тятенька, прошу тебя, что податей не плати, смотри, мы хорошо знаем, что с нас не возьмут и не имеют права взять...» Письмо было изъято военной цензурой, а рядовой во время дознания сообщил следующее: «У меня после взятия на военную службу последнего брата Гавриила, ратника 2 разряда, остались старики-родители: отец 68 лет, мать 70 лет и жена Прасковья 29 лет с маленьким ребенком. Все они находятся в крайне бедном положении и содержатся исключительно из пособия, получаемого им ныне от казны, так как имеющаяся усадьба в 12 десятин осталась совершенно без рабочих рук. По требованию волостного старшины платить подати с названной усадьбы, они обратились ко мне с письмом, в котором жаловались на печальное положение и невозможность уплаты недоимок. Получив такое письмо, я очень огорчился и решил ответить им, чтобы податей не платили, так как им нечем платить, а пусть волостной старшина вычтет таковые из получаемого ими от казны пособия. Писать же, чтобы они податей совершенно не платили, я не имел намерения и если мною это написано, то исключительно по моей малограмотности и расстройству, так как это происходило в 2 часа ночи, во время несения мною караульной службы... Никакой другой цели я не имел»¹.

Согласно приказа по 362-й пешей Витебской дружине, И. Королева «за помещение в отправленном письме на родину вздорных и неосновательных слухов – на 8 суток, с заменой выдержкой под ружьем по 4 часа в день

¹ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1180. Л. 49.

ареста, с промежутком в 2 часа» подвергнуть усиленному аресту. Основание: ст. 13 Устава дисциплинарного»¹.

Статья 71 закона 25 июня 1912 г. определяла, что «заключения лиц и учреждений, производивших обследование, с данными о личном составе семейств призванных, представляются в двухнедельный, со дня объявления мобилизации срок, в уездной съезд или соответствующее ему учреждение»². В статье 72 этого же закона объявлялось, что уездный съезд «определяет и окончательно назначает размеры пособия каждой семье»³, руководствуясь полученными с мест заключениями обследований, и в двухнедельный срок данные о числе семей, подлежащих призрению и о сумме «ежемесячных по всему уезду выдач» сообщает губернскому присутствию, которое запрашивает необходимые кредиты в казенной палате.

Таким образом, на съезд, который выступал в качестве следующей после волостного попечительства инстанции, возлагалась кропотливая работа установления числа пайков, которые надлежало выдать каждой семье на основании собранных на местах данных. Именно уездному съезду предстояло осуществить особое рассмотрение возможности включения в списки на получение пособия нетрудоспособных родственников призванного на службу.

В городской местности могли быть образованы с разрешения министра внутренних дел или губернатора особые городские попечительства, действовавшие на правах уездных. Таким образом, представители общественных учреждений стали играть в попечительствах если не ключевую, то очень заметную роль. Однако существовала и другая проблема, не менее, а даже более важная: «Для продолжения войны требовались не

¹ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1180. Л. 53.

² Положение о призрении нижних воинских чинов и их семейств // (ПСЗРИ). Собр. 3-е. Т. 32 (1912): часть 1. № 37507.

³ Там же.

только дополнительные материальные ресурсы, но и более гибкая политика в формировании общественных настроений»¹.

Насколько сложным было обследование семей призванных на войну можно судить по примерам, приведенным в отчете о командировке, предпринятой в конце сентября 1914 г. на основе Высочайшего повеления графом Ф. Ф. Сумароковым-Эльстоном «для выяснения на месте о постановке дела по выдаче пайков семьям запасенных нижних чинов» в ряде губерний центральной России.

Специально приведенные им в отчете некоторые примеры сложных ситуаций убеждают в трудности принятия решений волостными и городскими попечительствами. Так, по его сведениям, из четверых, живших одной семьей братьев, двое были призваны на войну по мобилизации, третий по очередному набору, а четвертый перед войной умер, оставив после себя вдову и двух малолетних детей, всецело содержавшихся после его смерти трудом братьев покойного, а затем призванных на действительную военную службу. По закону 25 июня 1912 г. ни вдова, ни ее дети право на получение пайка не имели².

В другом случае жена призванного на войну нижнего чина умерла, оставив после себя малолетних детей. Они находились на попечении сестры покойной, которая, кроме заботы о детях, взяла на себя и ведение хозяйства своего зятя. «По закону свояченице призванного паек выдан быть не может, между тем, если ей не будет обеспечено пропитание, и она уйдет из дома лишившегося жены зятя, то оставшиеся сироты должны будут быть помещены в приют, а беспризорное хозяйство призванного на войну будет обречено на постепенное расхищение его посторонними людьми и, в конце концов, на несомненное разорение»³.

¹ Алферова И. В., Блохин В. Ф. «Гасильник народного духа»: цензурные ограничения в освещении героизма фронтовиков во время Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2017. № 3 (53). С. 75.

² РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 271. Л. 45-46.

³ Там же. Л. 46.

Следующий пример касался попечения призванным нижним чином пятнадцатилетней больной девушки-инвалида. По заключенному договору призванный проживал в доме воспитанницы и управлял принадлежащим ей хозяйством. Дом и всё остальное имущество, после смерти владелицы, должны были перейти в его собственность, но при условии, если он будет заботиться о ней и содержать ее. Однако с уходом на войну призванный уже не мог больше выполнять принятых на себя обязательств, а главное – согласно действующему закону, его воспитанница не получала право на получение пайка от казны, который мог бы обеспечить ее пропитание¹.

В другом случае тетка призванного на войну в свое время переехала к нему на жительство вместе с оставшимся на ее руках сиротами – внучатами. За обязательство содержания ее и детей она передала своему племяннику все имевшиеся у неё сбережения. С уходом племянника на войну и тетка, и ее сироты-внуки лишились единственного своего кормильца, но по закону, они не имели права на получение продовольственных пайков².

Наконец, из одной семьи были призваны на войну три брата. Все трое являлись вдовцами и оставили дома 9 малолетних детей, находившихся на попечении тетки призванных. Однако и в этом случае закон не предусматривал назначение ей казенного пайка³.

Существовали и обратные примеры, когда паек назначался на основе заведомо ложных сведений: скрывался действительный состав семьи, изменялся возраст, входивших в состав семей родителей и т. д. Наконец, волостные попечительства из-за своей халатности по результатам обследования просто напросто предоставляли неверные сведения. В списки попадали «с одной стороны никогда не существовавшее члены семьи, с другой – пропускаются и не вносятся многие члены», которые в свою очередь оказываются занесенными в состав другой семьи, «тесть

¹ РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 271. Л. 46.

² Там же. Л. 47.

³ Там же.

записывается отцом, пасынки — сыновьями, восьмимесячные дети — 8-летними и так далее»¹. Выдвигались даже предложения об установлении если не уголовной, то хотя бы имущественной ответственности членов попечительств: «1) с попечителей за заведомо неправильные составления списка семей, нуждающихся в пособиях и 2) с получающих пособие лиц за получение пособий путем обмана, мошенничества и подлога»².

Попечительства проявили хорошую работоспособность только в тех местах, где они включали в свой состав активных представителей от крестьян, землевладельцев, священников, учителей. Там же, где состав попечительств основывался на обычных членах волостных сходов и волостных правлений, работа лишь в редких случаях отвечала поставленным задачам³. Это отражалось на представленных уездным съездам списках, содержащим многочисленные дефекты: «некоторые попечительства, помимо посемейного состава призванного, обследовали также и имущественное положение, включая сюда имущество недвижимое, движимое (скот) и даже продовольственные запасы»⁴.

Первая выдача пайков должна была быть произведена в сельской местности за время со дня явки призванных до конца четверти года. Неконкретность формулировки статьи 76 Положения привела к тому, что некоторые уездные съезды строили свои расчеты, исходя из даты выдачи не 1 сентября, а на 1 октября, что привело к переделыванию сделанных вычислений. Работы по подсчету обычно продолжались более назначенного в законе двухнедельного срока, а канцелярские силы съездов приходилось в ряде мест увеличивать для быстроты подсчета, прибегая к помощи земских служащих.

¹ По ходатайствам об изменении закона // РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 264. Л. 22.

² Там же. Л. 22 об.

³ Волостные и земские попечительства. Доклад комиссии, избранной Московским обществом сельского хозяйства в заседании 5 сентября 1914 г. для рассмотрения вопроса о задачах земства в деле призрения семейств нижних чинов, призванных на войну, в связи с Высочайшим указом 29 августа с. г. С. 13.

⁴ Там же.

Дополнительные трудности были вызваны большими расстояниями от пунктов выдачи пособий до деревень, плохими дорогами. Однако при всех обозначенных проблемах властям удалось наладить неплохую организацию производимых выплат, о чем можно судить не только по официальным отчетам, но и по ограниченной критике этой составляющей общей проблемы призрения со стороны периодической печати. Гораздо сложнее было решить проблемы, связанные с несовершенством законодательства, с трудностями, возникавшими из-за многообразия ситуаций, с которыми приходилось сталкиваться при определении права на пособие от государства. По мере дальнейшего расширения сферы военных действий, новых призывов новобранцев росло число людей, испытывавших нужду в общественной помощи. Неминуемо вырастали и объемы попечительской деятельности в разных ее формах.

2.2. Деятельность городских попечительств в организации помощи семьям воевавших нижних чинов

Опыт военных конфликтов конца XIX – начала XX в. (особенно это касалось русско-японской войны), в которых принимала участие Российская империя, потребовал от правительства приступить к разработке нового закона, касавшегося помощи семьям нижних чинов. Его новое содержание определялось тем, что оказание такой поддержки выступило в качестве одной из мер, направленных на усиление дела государственной обороны.

История городских попечительств сохранила гораздо больше подробностей, по сравнению со сведениями о деятельности волостных учреждений. Объясняется это тем, что в городах эти органы готовили регулярные отчеты, которые публиковались в виде отдельных брошюр. Интерес же к работе волостных попечительств возникал чаще всего из-за поступающих сигналов (ложных или действительных) о нарушениях ими законодательства. Главным образом такие сведения черпались из многочисленных прошений, вызывавших проверки на местах.

По закону 25 июня 1912 г. (статья 67) призрение семей запасных нижних чинов и ратников ополчения возлагалось «в городских поселениях – на городские управы (при упрощенном управлении – на городских старост) или особые исполнительные комиссии в тех городах, где городские думы признают избрание таких комиссий необходимым, или на особые городские попечительства, где последние будут образованы»¹. Министерство внутренних дел 23 июня 1913 г. для разъяснения закона подготовило специальную инструкцию, в которой определило, что городские попечительства «образуются по усмотрению городского общественного управления»².

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 32 (1912): Часть 1. № 37507. С. 943-944.

² Отчет отдела Екатеринославской городской управы по призрению семей призванных на войну запасных нижних чинов и ратников ополчения, призванных в войска. За 1915 год. Екатеринослав, 1915. С. 3.

Масштабы мобилизации показали, что исполнительная комиссия, в своем большинстве, во главе с членом управы не сможет справиться со свалившейся на нее огромной работой, поэтому повсеместно создавались особые отделы по призрению семей нижних чинов, призванных на войну. Так, например, только за 1915 г. таких семей обратилось в Московское (Сретенское) попечительство 2513, а до этого с начала войны – 1617¹. Некоторое время комиссии все же были в состоянии решать поставленные перед ними задачи, но по мере осуществления новых призывов, приходилось создавать самостоятельную структуру. Например, в Ростове Ярославской губернии только «13 ноября 1915 г. комиссия признала желательным организовать при городской управе самостоятельное городское попечительство по призрению семейств нижних чинов»².

Из числа гласных городских дум на основании статьи 103 Городового положения (1892 г.) избирался заведующий таким отделом, который привлекал для новой работы необходимое число сотрудников. Статья 103 определяла место этой структуры в городском управлении: «Для ближайшего заведывания отдельными отраслями хозяйства и управления могут быть назначаемы Думами особые лица, а в случае необходимости – и особые Исполнительные Комиссии. Те и другие, подчиняясь Управе, действуют на основании инструкций Городской Думы и вступают в отправления своих обязанностей с разрешения Губернатора»³. В статье 104 отмечалось, что назначенный председатель комиссии «...участвует в городской управе с правом голоса при разрешении ею тех дел, которые составляют предмет ближайшего заведывания Исполнительной комиссии»⁴.

¹ Отчет городского попечительства о бедных Сретенской части за 1915 год. М., 1916. С. 1.

² Степанов К.А. Ростовское городское по призрению семейств воинских нижних чинов попечительство // История и культура Ростовской земли: материалы науч. конф. 8-10 ноября 2012 г. Ростов, 2013. С. 354.

³ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 12 (1892). № 8708. С. 448.

⁴ Там же. С. 449.

В городах, где до войны существовали попечительства о бедных, например, в Петербурге «Положение о городских попечительствах» было принято столичной городской думой в конце 1906 г., в Москве еще раньше – с 1894 г. и к началу войны в городе их насчитывалось 28¹. За 20 лет своего существования эти попечительства не только приобрели обширный опыт в деле призрения, но и были хорошо осведомлены о личном составе и имущественном положении значительной части тех семей, которым оказывалась помощь казной и городом.

Таким образом, созданный ранее аппарат вполне подходил для проведения в жизнь социальной государственной политики и старые попечительства стали просто приспосабливаться к новым условиям, совмещая прежнюю деятельность и новую, связанную с призрением семей нижних чинов.

Городские попечительства разделялись на участки, которые чаще всего совпадали с районами полицейских частей города. В некоторых случаях, когда в том или ином квартале было слишком большое число проживавших семей призванных, участок дробился на дополнительные части. Каждым заведовало отдельное участковое попечительство, избиравшее своего председателя и делопроизводителя. Они, как и остальные попечители, утверждались городской думой².

Работа участковых попечительств состояла в периодических повторных обследованиях семей военнослужащих, в оказании им помощи, в выдаче пайковых денег. Деятельность всех участковых попечительств объединялась заведующим отделом призрения, распорядительными органами

¹ РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 271. Л. 29.

² Отчет отдела Екатеринославской городской управы по призрению семей призванных на войну запасных нижних чинов и ратников ополчения призванных в войска. За 1915 год. С. 2.

выступали общие собрания попечителей города и собрания участковых председателей¹.

В отличие от ситуации в городах, призрение семей нижних чинов в сельской местности приходилось начинать практически с нуля и при остром дефиците подходящих кадров, способных взять на себя организацию этого непростого дела. В городских попечительствах кадровый состав был несравненно лучше, поскольку в них входили достаточно опытные служащие городских управ и органов административного управления, а с августа 1914 г., на основе Высочайшего повеления, и служащие земств. Однако после объявления 18 июля общей мобилизации, практически все городские попечительства испытали кадровые проблемы, поскольку всего лишь в течение двух недель (ст. 71 закона 25 июня 1912 г.) необходимо было обследовать семейное положение всех призванных запасных и ратников государственного ополчения². Таких людей в крупных городах насчитывалось десятки тысяч, а число семей, получивших пособие от казны, составляло около 53,7% призванных³. Проблемным являлось также то, что в силу плохой грамотности членов солдатских семей приходилось неоднократно переделывать анкеты. В статье газеты «Биржевые ведомости» были приведены примеры листов обследования, проводимого попечительством, в которых на, казалось бы, простые вопросы: имя, отчество, фамилия призванного воина, звание, имя жены, возраст детей получались неожиданные ответы. Например, вопрос: «Был ли на казенной службе и сохранено ли содержание? Ответ: был ломовой извозчик. Содержание не сохранено» или «звание – помощник кондитера»⁴.

¹ Отчет отдела Екатеринославской городской управы по призрению семей призванных на войну запасных нижних чинов и ратников ополчения призванных в войска. За 1915 год. С. 2.

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 32 (1912): Часть 1. № 37507. С. 944.

³ Обзор деятельности городских попечительств о бедных за первый год войны 1914–1915 / сост. Л. Я. Гуревич. Пг., 1915. С. 10.

⁴ Мавра, не плачь! // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1914. № 14368. 12 сентября.

Ситуацию удалось разрешить через привлечение работников-добровольцев, которых было легко найти в условиях необычайного патриотического подъема, охватившего всю страну. С первых недель войны численный состав попечительств увеличился в несколько раз. Например, в уездном Барнауле Томской губернии более 70 человек выразили желание работать в попечительстве на добровольной основе¹.

Преподаватели школ и гимназий, гимназисты и студенты в университетских городах, служащие канцелярий, не работавшие женщины совершали обход домов, сверяли списки, по предоставляемым дворниками домовым книгам, сведениям от полиции, определяя тех, кто мог в дальнейшем пользоваться правом на паек. По квартирам отправлялись студенты, курсистки, «вся эта самоотверженная молодежь, которая вся загорелась жаждой подвига и готова работать, бегать по делам с утра до вечера, а с вечера до утра сидеть у стола, переписывать листы, тасовать статистические карточки, подсчитывать итоги»².

Однако к лету 1915 г. число добровольцев повсеместно резко сократилось. Причины были разнообразные: усталость, притупление энтузиазма первых месяцев войны, летний дачный сезон.

О. М. Долидович в своей статье называет еще один повод для оттока добровольцев из попечительств: «Солдатки не просили назначения городского пособия, а требовали, считая, что на это идут средства государственного бюджета»³. Свое недовольство они вымещали, в том числе на работниках-добровольцах, которые выдавали пособия в здании управы и после этого зачастую разочаровывались в своей деятельности.

¹ Долидович О. М. Попечительства о семьях призванных солдат в 1914–1917 гг. (на материалах Барнаульского уезда Томской губернии) // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 45. С. 17.

² Мавра, не плачь! // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1914. № 14368. 12 сентября.

³ Долидович О. М. Попечительства о семьях призванных солдат в 1914–1917 гг. (на материалах Барнаульского уезда Томской губернии). С. 18.

Правительство специально предусматривало выплату пайковых денег в городах на месяц вперед с тем, чтобы не создавать экстремальных ситуаций, возникших перед первой выдачей пособий, когда не только в сельской местности, но и в городах наблюдался огромный наплыв непривыкших к соблюдению очередей, волновавшихся солдаток с детьми. В первые же дни после объявления войны сотни женщин осаждали помещения попечительств, прося помощи для выезда из города, заступничества от квартирных хозяев, поиска работы.

Так, в Петрограде уже в июле-августе 1914 г. числилось 35913 семей, имевших право на получение казённого пособия. Однако общее количество ушедших на войну запасных, считая и тех, кто семей не имел, и тех, у кого семьи проживали вне Петрограда, было в два раза больше – около 67000¹.

В ходе проводимого обследования выяснялся состав семей, их материальное положение, степень трудоспособности и характер нужды. Собранные сведения заносились в специальные «обследовательные листы», причем отдельно для назначения государственного помощи и сумм из полученных пожертвований.

На основе собранных данных участковые попечительства давали заключение относительно назначения казенного пайка и пособия из благотворительных средств. При этом «казенное пособие, назначенное участковым попечительством, проверяется и утверждается городским попечительством»².

Еще одной сложной проблемой являлось положение гражданских жен и внебрачных детей, не имевших права на получение пайка от казны. Согласно официальным данным, в конце XIX – начале XX в. внебрачная рождаемость в Российской империи составляла в среднем 2-3% от числа новорожденных в стране, однако эти данные официальной статистики, по

¹ Обзор деятельности городских попечительств о бедных за первый год войны 1914–1915. С. 10.

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 32 (1912): Часть 1. № 37507. С. 944.

мнению современных исследователей, не отражают истинного положения вещей, поскольку существовали широкие возможности скрыть сам факт рождения внебрачного ребенка¹.

Например, с начала войны до конца 1915 г. в Московское (Сретенское) попечительство обратилось 440 гражданских жен из общего числа в 4130 семей². Таких незаконных семей по Московскому уезду насчитывалось до 500³. Были также случаи, когда ранее жившие в гражданском браке матери повенчались с призванными на фронт, но дети официально еще не были усыновлены. Попечительства специально решали возможность выдачи пайка в таких конкретных случаях⁴.

Некоторые городские комитеты приняли решение выдавать им пособие из городских средств в том же размере, как законным женам и детям запасных⁵. В других попечительствах сумели даже обеспечить казенным пайком внебрачных детей, но в марте 1915 г. последовало разъяснение со стороны Министерства внутренних дел, запрещавшее выдавать пособие внебрачным семьям. С 1 мая пособие выдавать перестали.

Специально направленные для контроля за соблюдением законности в различные губернии представители свиты императора, констатировали, что интересы семей запасных, живущих в городах сильно разнятся от деревенской жизни экономическими и общественными условиями. Семья запасного, взятого из деревни, в большинстве случаев имела «свою избу, свой хлеб и овощи, свое топливо, хотя бы в виде соломы, одежду и белье из материалов собственного производства (шубы из шкур овчины собственных

¹ *Веременко В. А.* Проблема внебрачных семей офицеров и запасных в России начала XX века // *Война и повседневная жизнь населения России XVII – XX вв. (к столетию начала Первой мировой войны).* Материалы Международной научной конференции. СПб., 2014. С. 157.

² Отчет городского попечительства о бедных Сретенской части за 1915 год. С. 1.

³ РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 271. Л. 33.

⁴ Вологодское городское попечительство по призрению семейств солдат, призванных на действительную военную службу. Отчет о деятельности попечительства за период времени с 1 августа 1915 г. по 1-е апреля 1917 года. Вологда, 1917. С. 15.

⁵ РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 271. Л. 22 об.

овец, зипуны из самотканного сукна и бельё из самотканного холста, тогда как семья запасного горожанина, поддерживавшая свое существование личным трудом, взятого на войну, проводив своего кормильца, обычно лишаются всего»¹.

Таким образом, с решением задачи определения семей, которые будут получать пособие от казны, острота проблемы не только не была снята, но, наоборот, приобрела новое звучание. Как уже отмечалось, паёк, в соответствии с законом 25 июня 1912 г. обеспечивал лишь потребности в питании. В первые летние месяцы его размеры вполне удовлетворили крестьянские семьи, но в городах одним казенным пособием решить материальные проблемы семей военнослужащих было невозможно, т. к. «им нужны средства, кроме продовольствия, еще на квартиру, одежду, обувь, а маленьким детям – на молоко»².

В решении этих вопросов приняли активное участие городские попечительства, которые разделили своих сотрудников на две группы. Первая занималась обследованием семей, а вторая трудилась в сфере обслуживания дешевых столовых, детских приютов, приобретала продукты, раздавала пищу, осуществляла надзор за проживающими в приютах, заботилась об оказании медицинской помощи. Впрочем, такое разделение обязанностей могло происходить только при достаточном числе работников. В поисках дополнительных средств попечительства открывали свои хлебопекарни для снабжения столовых и лазаретов, организовывали собственные овощехранилища.

Для деятельности в масштабах города: поиска жилья, заготовки и раздачи дешевого топлива, сбора одежды, трудоустройства, поиска источников дополнительных финансовых средств создавались особые комиссии и комитеты из представителей от всех участков. Важное место в деятельности городских попечительств занимали общественные

¹ РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 271. Л. 22 об.

² Там же. Л. 20.

благотворительные организации, которые брали на себя отдельные направления работы попечительств: детские очаги (дошкольные учреждения), в которых дети призванных на войну находились с 8 утра до 8 вечера, столовые и т. п. Такие общества (например, Общеземский союз для детей лиц призванных на войну, Дамские комитеты, Семейно-педагогический кружок, Общество борьбы с детской смертностью) получали средства от городских попечительств, осуществлявших последующий контроль за их деятельностью.

В первые месяцы войны в результате благотворительных сборов удалось получить значительные денежные средства, позволявшие попечительствам решать большинство финансовых проблем, которых было весьма много. В ходе начавшегося обследования выяснилось, что семьи призванных, особенно тех, которые трудились на предприятиях, остались практически без всяких средств к существованию, поскольку проведенная мобилизация оказалась для большинства абсолютно неожиданной, а многие старались собрать деньги на снаряжение отправлявшихся на войну. Еще до официальной выдачи пайков городские попечительства самостоятельно смогли решить ряд возникших материальных проблем, но появились и такие ситуации объективного свойства, с которыми городским властям разобратся было не по силам.

Во многих городах буквально с начала призыва на войну остро встала проблема жилища для семей тех, кто ушел на фронт, а до этого пользовался съемным жильем. Типичной была ситуация, описанная в одной из газет: «...стал уходить, взял с собой рубль серебра, сунул мне полтинник, только всего и капиталу. – Живи как хочешь», или: «Как пошёл мой в мобилизацию, побежала я самовар закладывать, – швейная машинка уже раньше была снесена в ломбард...»¹

Так, в промышленных окрестностях Москвы до 6500 семей могло остаться на зиму без крова, поэтому последовало обращение к великой

¹ *Кривенко В. С.* Семьи запасных // Новое время. 1914. № 13838. 20 сентября.

княгине Елизавете Федоровне с просьбой обратиться в Верховный Совет за деньгами, необходимыми для решения этой острой проблемы. Расчеты строились исходя из суммы в 4 руб. на семью и требовалось до 25000 руб. в месяц¹.

Домовладельцы, хозяева квартир и комнат не хотели держать у себя жильцов, которые лишились призванных в армию кормильцев и не имели необходимых денежных средств. Нарушая зачастую свои формальные обязательства, они требовали выселения солдатских семей.

Попечительствам во многих случаях приходилось отстаивать права выселяемых, оказывая им юридические услуги, договариваясь с владельцами жилья об отсрочке платежей и скидках по оплате. Однако добиться решения проблемы таким способом удавалось далеко не всегда. Например, зачастую сами квартирные хозяйки являлись женами запасных, лишившимися поддержки². Сдача жилья оставалась их единственным средством к существованию, а поскольку при их собственном обследовании попечительством учитывалось то обстоятельство, что они живут за счет получения арендных денег и материально обеспечены, то в выдаче казенного пособия им отказывали.

Впрочем, были случаи, когда хозяева откликались на просьбы, предоставляя квартиры для семей запасных в полное распоряжение попечительств. Об одном из таких эпизодов рассказала газета «Петроградский листок»: «Владелец меблированного дома "Пале-Рояль" на Пушкинской, А. Ф. Тиме предоставил Петроградскому седьмому попечительству о бедных в названном доме заново отремонтированную квартиру из шести комнат с кухней, с отоплением и освещением и услугой для беднейших семейств запасных»³. Наблюдались также случаи, когда

¹ РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 271. Л. 33.

² Обзор деятельности городских попечительств о бедных за первый год войны 1914–1915. С. 13.

³ Заботы о семьях запасных. Добрый почин // Петроградский листок. 1914. № 268. 30 сентября.

владельцы жилья выделяли оставшимся без средств женам и детям призванных на войну бесплатные квартиры на неопределенный срок. Однако таких бесплатных квартир в начале 1915 г., например, в Петрограде насчитывалось всего 123 по всем попечительствам¹. В Сретенской части Московского городского попечительства за весь 1915 г. только одна «многосемейная солдатка» была помещена на бесплатную квартиру².

На благотворительной основе были также выделены помещения под мастерские, ясли и т. п. Однако в целом уговоры и воззвания с просьбами о передаче квартир в безвозмездное пользование попечительств не приносили ощутимых результатов, поэтому в большинстве городов, несмотря на отсутствие свободных помещений, пришлось заняться устройством общежитий для солдаток и их детей.

В условиях войны дефицит жилья усугублялся особенной ситуацией, предопределенной ходом военных событий. Многомиллионная армия, мобилизованная главным образом за счет сельских жителей, заполняла жилищное пространство городов, которые входили в состав военных округов, находившихся в непосредственной близости от линии фронта (Петроградский, Московский, Киевский, Двинский, Минский, Одесский). Маршевые батальоны, сформированные для отправки на фронт из рядовых запаса, должны были проходить необходимое обучение в городах. Поскольку строительство казарм требовало времени и средств, солдат и офицеров расселяли в любых подходящих для этого помещениях: в винных складах, на фабриках, заводах, приостанавливавших в условиях войны свою деятельность из-за отсутствия сырья или спроса на их продукцию, в других свободных местах.

Еще одной острой потребностью не только в прифронтовых, но и в тыловых районах, было размещение все более растущего числа раненых

¹ Обзор деятельности городских попечительств о бедных за первый год войны 1914–1915. С. 36.

² Отчет городского попечительства о бедных Сретенской части за 1915 год. С. 2.

воинов, поэтому для лазаретов также отводились возможные для переоборудования помещения. Наконец, начавшееся в начале 1915 г. отступление русской армии сопровождалось массовым исходом жителей из оккупированных районов. Беженцы, неся угрозу эпидемий, заполняли города от западной границы до Восточной Сибири и Дальнего Востока. Созданные специальные учреждения обязаны были заниматься, в том числе и их размещением. Городские попечительства также вынуждены были участвовать в решении их проблем. Так, только на одном участке в Москве с половины октября 1915 г. по 1 января 1916 г. последовало обращение 342 семей беженцев¹.

Для общежитий солдатских семей чаще всего оставались относительно небольшие по площади помещения, например, закрытые в условиях войны винные лавки, бесплатные комнаты в швейцарских, дворницких. Попечительства арендовали также за полную или несколько уменьшенную плату квартиры. Однако в тех случаях, когда место для жилья удавалось подыскать и были организованы общежития, возникали новые непредвиденные обстоятельства. Семьи призванных чаще всего очень неохотно расставались с обжитым углом в какой-нибудь даже очень плохой частной квартире, отказываясь от бесплатного жилья, предпочитая получать от города квартирные деньги и оплачивать места своего прежнего жительства.

Так, в Казани городской комитет изыскал возможность финансировать семьи призванных воинов деньгами на эти цели. Пособие было утверждено в размере 75 коп. на человека, но не свыше 3 руб. на семью в целом. В Самаре дума из городских средств выдавала на жилье минимум 2 руб., максимум – 6 руб. в месяц, но бездетным женам рядовых, которые могли работать, квартирное пособие не выделялось². В Симферополе пособие составляло 3

¹ Отчет городского попечительства о бедных Сретенской части за 1915 год. С. 2.

² Нужда и общественная помощь // Женский вестник. 1915. № 3. С. 63.

руб. на взрослого и 35 коп. на ребенка до 5 лет¹, в Томске на квартиру семьям запасных городская дума определила сумму в 1 руб. 50 коп. на взрослого и по 50 коп. на ребенка в месяц².

Можно было получить квартирные деньги в Петрограде, в пригородах Москвы в среднем на семью выделялось по 4 руб. в месяц³. По сохранившимся сведениям, пособие от попечительства на съём квартиры получали и в маленьких городках: в пригороде Сергиевске, в Балакове, в посаде Мелекессе, в Новоузенске, в Николаевске, в Бугуруслане, в Бугульме, в Бузулуке и в других⁴.

Квартирное пособие находилось на первом месте среди расходов попечительств. Так, в Вологде из 24 тыс. руб. ежемесячного бюджета 18 тыс. руб. уходило на оплату квартир⁵. «Некоторые попечительства придерживались при этом правила – никогда не оказывать квартирного пособия в размере полной стоимости помещения, и, кроме того, во избежание растраты квартирных денег на иные надобности, вручали эти деньги прямо квартирохозяевам»⁶.

Одним из решений квартирной проблемы являлась организация специальных общежитий для солдатских семей, но те, зачастую, не соглашались на размещение в таких помещениях. Свой отказ жены и матери, воевавших на фронте, в основном официально объясняли опасением заразных болезней, которые могли возникнуть в условиях перенаселенности жилищ. В итоге, попечительства во многих городах вынуждены были отказаться от попыток устройства бесплатных квартир⁷.

¹ Нужда и общественная помощь // Женский вестник. 1915. № 3. С. 64.

² Там же. С. 63.

³ РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 271. Л. 33.

⁴ См.: Нужда и общественная помощь. С. 64.

⁵ Вологодское городское попечительство по призрению семейств солдат, призванных на действительную военную службу. Отчет о деятельности попечительства за период времени с 1 августа 1915 г. по 1-е апреля 1917 года. Вологда, 1917. С. 5.

⁶ Обзор деятельности городских попечительств о бедных за первый год войны 1914–1915. С. 34.

⁷ РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 271. Л. 22 об.

Впрочем, была и еще одна серьезная причина, которая со временем проявилась и заставила изменить свое отношение к общежитиям в попечительствах. Проживание жен нижних чинов в обществе себе подобных, оказавшихся, как и они в сложной ситуации, не способствовало стремлению каким-то образом изменить свою судьбу. Находя полную поддержку среди окружающих, женщины-солдатки еще в большей степени начали рассчитывать на различную помощь со стороны попечительств, отказывались от предлагаемого трудоустройства. Проживая же в своем углу в окружении обычных людей, живущих за счет собственного труда, женщины вели себя иначе, стремились самостоятельно добиться изменения положения, в котором они оказались. Все эти соображения привели к тому, что во многих попечительствах квартирная помощь в виде общежитий стала заметно сокращаться.

Весьма остро встала также проблема надзора за создаваемыми общежитиями. Некоторые хозяева домов даже стали отбирать квартиры, безвозмездно отданные ими попечительствам в первый год войны¹. За санитарным состоянием при съеме жилья бдительно следили заинтересованные хозяева, не позволяя доводить его до критического положения. В условиях же общежития такой контроль осуществлять было гораздо сложнее, и содержание помещений отвечало самому низкому уровню требований. Отсюда – вполне закономерные страхи перед возможными эпидемиями. В холодное время года для отопления этих квартир попечительствам приходилось также заботиться о закупке дров, которые выдавались по особым квитанциям².

В значительной мере подспорьем в решении проблем, с которыми столкнулись семьи призванных солдат, могло стать трудоустройство членов их семей. Этот вид помощи особенно рекомендовался попечительствам,

¹ Обзор деятельности городских попечительств о бедных за первый год войны 1914–1915. С. 37.

² *Лерин В.* Жены солдатские. Биржевые ведомости. 1914. № 14469. 1 ноября.

поскольку она могла в значительной мере снять нагрузку на скудеющий бюджет. К тому же сами женщины обращались с просьбами о трудоустройстве, хотя большинство из них существовали вместе с детьми на заработок мужа, и не имели никаких профессиональных навыков.

Работавшие на фабриках и заводах владели определенными несложными умениями, среди же остальных женщин на вопрос о том, что они умеют делать наиболее частым был ответ: «Да ничего по правде не умею, разве немного пошить для себя, да щи сварить»¹.

С конца июля 1914 г., в большинстве попечительств шла работа по организации швейных мастерских и поиск для них необходимых заказов. Так, в Саратове была устроена мастерская, в которой работали жены, сестры и матери запасных. Материал для шитья поставляло местное земство, а шили больничные халаты, рубашки, кальсоны, матрасы. «Заработок женщин колебался от 65 коп. до 1 руб. 50 коп. в день»². Там же в мастерской играли и спали маленькие дети, которых не на кого было оставить дома, здесь же выдавали обед, который стоил 6 коп.

Помимо работы в мастерских практиковалась раздача шитья на дом тем из женщин, у которых были швейные машины или которые приобретали их при помощи попечительств (выкупали их из заклада или в рассрочку). В первое время из-за отсутствия трудовых навыков помощь семьям призванных выразилась в предоставлении шитья белья для больных и раненых за несколько повышенную против обычной расценки плату³. В Петрограде, по сохранившимся расчетам, средний месячный заработок рядовой работницы по всем швейным мастерским, достигал 22 руб. 46 коп.⁴, а средний заработок работавших на дому составлял 12 руб. 94 коп.⁵

¹ *Кривенко В. С.* Семьи запасных // Новое время. 1914. № 13838. 20 сентября.

² *В. Д-въ.* Отклики войны в столице Поволжья. (Письмо из Саратова) // Речь. 1914. № 267. 4 октября.

³ РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 271. Л. 20.

⁴ Обзор деятельности городских попечительств о бедных за первый год войны 1914–1915. С. 53.

⁵ Там же. С. 54.

Главными заказчиками выступали Союз городов, Красный Крест, Земский союз, частные лазареты и принадлежавшие военному ведомству, окружные интендантства¹. В числе изготавливаемой продукции было нижнее белье, ватные куртки и штаны, мешки для нужд армии и лазаретов.

Еще одним распространенным направлением работы, кроме мастерских, была подготовка сиделок. Однако в целом работоспособных женщин, исходя из их семейного положения, состояния здоровья, умения приспособиться к новым условиям труда, оказывалось лишь около половины всех нуждающихся. Остальные, не имея возможности существовать только за счет выдаваемого пайка, осыпали постоянными просьбами попечительства.

Трудоустройство нуждавшихся женщин повлекло за собой новую проблему, связанную с необходимостью присмотра на время работы матерей за их детьми. В первые же недели войны попечительства, не имевшие «дневных убежищ, яслей, и приютов», занялись их организацией. Среди расходов, которые несли городские попечительства, эта статья не была на первом месте. Грудные дети находились в приютах не более трех месяцев, а затем передавались на патронаж, на руки крестьянок за небольшую плату от попечительства². Таким же образом старались поступать и в отношении более взрослых. «Такая организация призрения с одной стороны устраняла дорогостоящие приюты, а с другой давала возможность весь запас средств обратить на помощь детям и увеличить число призреваемых»³. Наконец, попечительства старались создавать такие формы помощи детям, которые не требовали больших затрат на каждого отдельного ребенка, например, детские клубы, площадки и т. п.

Финансировались попечительства, как уже отмечалось, за счет отчислений из бюджета городской думы, а также, благодаря частным

¹ РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 271. Л. 20.

² Отчет отдела Екатеринославской городской управы по призрению семей призванных на войну запасных нижних чинов и ратников ополчения призванных в войска. За 1915 год. С. 9.

³ РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 271. Л. 20 об.

пожертвованиям. Вместе с тем шел постоянный поиск и других возможностей создания денежных фондов организации, поскольку по мере продолжения войны число жертвователей заметно уменьшалось.

Так, например, в Екатеринославе удалось получить от губернских властей право на введение налога за пользование водой из городского водопровода и «за пользование городским ассенизационным обозом»¹. Полученные средства использовались в попечительских целях.

Комитет на протяжении всего летнего сезона мог использовать, по решению Городской думы, в этих целях в субботние, воскресные праздничные и предпраздничные дни городской сад, проводя гуляния, концерты, театральные представления². Практиковались также лотереи, «кружечные сборы», продажа специально изготовленных значков.

Царскосельское попечительство собирало пожертвования «на началах самообложения»: обращалось с циркулярным письмом ко всем домовладельцам и «квартирохозяевам не внесшим установленного самообложения», а также к дачникам Царского Села с предложением вносить в пользу попечительства по 2 рубля с каждой сотни рублей «наемной платы»³. Попечительству было также предоставлено право сбора «добровольного налога» с промысловых свидетельств за 1915 г.⁴

В некоторых городах в качестве постоянных жертвователей выступали существовавшие там торговые и промышленные предприятия. Так, в Шлиссельбурге ежемесячный взнос в 100 руб. вносило «Товарищество Петра Беяева & наследники»⁵.

¹ Отчет отдела Екатеринославской городской управы по призрению семей призванных на войну запасных нижних чинов и ратников ополчения призванных в войска. За 1915 год. С. 4.

² Там же.

³ Царскосельское городское попечительство о призрении семейств нижних воинских чинов. Отчет за период с 1 января 1915 года по 1 января 1916 года. Пг., 1916. С. 3.

⁴ Там же. С. 4.

⁵ Отчет Шлиссельбургского частного комитета по призрению семей призванных на войну запасных нижних чинов и ратников ополчения за время с 17 августа 1914 года по 17 августа 1915 года. Шлиссельбург, 1915. С. 5.

К лету 1915 г. все цены выросли не менее чем на 50%¹, а также появилась новая проблема, требовавшая активного участия попечительств – неизбежный рост числа сирот, детей погибших воинов. По словам одного из работников попечительской организации в Екатеринославе, лето 1915 г., «которое, как известно, не принесло нам военных успехов, а вследствие этого наступило у всего русского общества заметное утомление и охлаждение к пожертвованиям»². Действительно, в Шлиссельбурге в 1915 г. при повторном «самообложении» денег было собрано в 4,5 раза меньше, чем в 1914 г. Такая ситуация была характерна для большинства организаций, оказывавших помощь семьям призванных на войну. Причем снижение их доходов происходило на фоне роста дороговизны и продолжавшихся очередных призывов, предопределявших рост новых нуждавшихся семей.

В Екатеринославском попечительстве с 1 марта 1915 г. была прекращена финансовая помощь, оказываемая сверх казенного пайка, а с 1 мая того же года эта мера была распространена и на всех остальных призреваемых. С этого момента деньги выдавались только в экстренных случаях: роды, смерть, тяжелая болезнь, безработица³. «На роды выдают 10 руб., 5 руб. при поступлении в родильный дом, 5 – при выписке оттуда»⁴. Особенно тяжело стало тем, кому казна отказала в пайке. Собираемые недостаточные средства попечительства тратили на «натуральную помощь», создавая или расширяя число «кормовых пунктов» (столовых), оказывая помощь топливом в холодное время, помогая в трудоустройстве и медицинском обслуживании.

¹ Отчет отдела Екатеринославской городской управы по призрению семей призванных на войну запасных нижних чинов и ратников ополчения призванных в войска. За 1915 год. С. 4.

² *Акинфиев И. Я.* Призрение детей запасных воинских чинов в течение первых двух лет войны и отчеты Общества за 1914 и 1915 годы: второй год существования Общества. Екатеринослав, 1916. С. 5.

³ Отчет отдела Екатеринославской городской управы по призрению семей призванных на войну запасных нижних чинов и ратников ополчения призванных в войска. За 1915 год. С. 4.

⁴ *Лерин В.* Жены солдатские. Биржевые ведомости. 1914. № 14469. 1 ноября.

В крупных городах, где было гораздо больше возможностей получения денег на благотворительные цели и в небольших населенных пунктах к осени 1915 г. сложилась одинаково неблагоприятная ситуация для деятельности городских попечительств. К октябрю месяцу 1915 г. рост числа нуждавшихся семей и снижение средств, добываемых попечительством, привел к решению уравнивать ежемесячные пособия, сделав их для всех одинаковыми – по 3 руб. на семью, что являлось хоть и не большим, но подспорьем к получаемому пайку. С приближением осени для попечительств встала проблема обеспечения теплой одеждой и обувью как взрослых, так и детей. У многих вещи были заложены в ломбарды, и их нужно было выкупать. Попечительства объявили сбор «пожертвований вещами». Некоторая часть поступлений из некогда дорогих предметов одежды требовала переделки. Перешивались платья, шились детские лоскутные одеяла и комплекты для новорожденных¹.

Наиболее острой проблемой являлось обеспечение детей кожаной обувью. Ее дефицит к 1916 г. коснулся и армию, поэтому кожа подлежала сдаче государству, а ее остатки для нужд населения резко поднялись в цене. Вологодское попечительство в начале 1915 г. нашло возможным приобретать обувь только для учащихся детей и по заявлениям учителей, которые более хорошо были осведомлены о материальном положении детей².

Второй значительной после аренды помещений статей расходов являлась раздача бесплатных или дешевых обедов. Продукты, одежда, дрова служили дополнением или заменой денежных выплат и в различных попечительствах использовались по их усмотрению в разной пропорции, но во всех обязательно в большем или меньшем объеме присутствовали раздачи

¹ Обзор деятельности городских попечительств о бедных за первый год войны 1914–1915. С. 39.

² Вологодское городское попечительство по призрению семейств солдат, призванных на действительную военную службу. Отчет о деятельности попечительства за период времени с 1 августа 1915 г. по 1-е апреля 1917 года. Вологда, 1917. С. 14.

обедов. Почти во всех была налажена бесплатная выдача молока детям и нуждающимся в усиленном питании взрослым.

Спрос на столовые по мере продолжения войны постоянно возрастал из-за роста цен на продовольствие. В Сретенском участке Москвы была создана столовая для раздачи обедов детям призванных запасных. Летом 1915 г. в течение месяца в ней перебывало 352 ребенка, в дальнейшем их число стало резко возрастать и уже в день столовую посещало 100 человек. Матерям обеды отпускались за плату в 10 копеек¹. Выдача обедов обычно производилась с 11 часов утра до 3 часов дня, иногда в несколько смен. При отсутствии просторных помещений большинство пользователей столовой забирали обед на дом.

В начальный период обеды различались разнообразием. При более высоких расходах на них время от времени выдавались форшмак, студень, котлеты, каша на молоке, компоты. Гораздо чаще меню включало в себя суп с небольшим количеством рубленого вареного мяса, на второе – каша, картофель, макароны. Во время поста супы были постными, на второе подавали треску, винегрет². Размер порций, в том числе и хлеба, в разных попечительствах не были одинаковым. Со временем стоимость обедов возрастала, а их размеры уменьшались. Исчезло разнообразие и главными блюдами были: ржаной хлеб, борщ, каша с маслом, салом или подливой³.

Летом 1914 г. никто не мог предположить, что война примет такой затяжной характер, общественный патриотический подъем очень скоро улегся, и на смену ему пришло понимание того, что испытание, вызванное войной, носит масштабный характер и выйти из него победителем возможно только лишь за счет напряжения всех общественных сил, единения фронта и

¹ Отчет городского попечительства о бедных Сретенской части за 1915 год. М., 1916. С. 17.

² Обзор деятельности городских попечительств о бедных за первый год войны 1914–1915. С. 47.

³ Отчет отдела Екатеринославской городской управы по призрению семей призванных на войну запасных нижних чинов и ратников ополчения призванных в войска. За 1915 год. С. 30.

тыла. Одним из важных элементов этого испытания стали органы попечительства, в которых трудились люди, осознававшие гражданское значение своей работы, поэтому эти структуры, порожденные войной, были свободны от различного рода злоупотреблений и проявляли добровольную инициативу в деле социальной защиты семей призванных на фронт. Таким образом, общественная инициатива в значительной мере способствовала реализации закона 25 июня 1912 г.

Своеобразная автономия, предоставленная городским попечительствам самым «Положением» о них, при отсутствии общегосударственного постоянного руководящего органа*, обусловила пестроту в их деятельности. В вопросе расходования средств большинство из них неминуемо исходили из разных критериев. Такое же разнообразие наблюдалось и в использовании денег, отпускаемых им городскими властями, поэтому одни попечительства отличались склонностью к суровой экономии, а другие, особенно в начальный период войны, были щедры при назначении пособий. Все городские попечительства осуществляли одни и те же виды деятельности, оказывая помощь в найме жилья, в устройстве жен и матерей воюющих солдат на работу, в организации пунктов питания, в сборе одежды, в оказании медицинской помощи, но каждое отдельно взятое учреждение способствовало преимущественному развитию отдельным формам поддержки семей. Это было обусловлено различием условий, в которых развивалась деятельность того или иного попечительства и зависело от особенностей обслуживаемого им городского района, от наличия свободных средств, просто от численности и энтузиазма работников. Все это отразилось на различии бюджетов, на способности их пополнения за счет благотворительной деятельности.

Однако, не смотря на различия в условиях и возможностях, все городские попечительства не были способны преодолеть перипетии развития затянувшейся войны и вытекавшие из этого последствия: бюджеты скудели,

* Созданный в августе 1914 г. Верховный совет этими вопросами не занимался.

гражданская активность снижалась, цены росли вслед за ростом различных дефицитов, а среди солдатских семей росло недовольство, обострялось чувство социальной несправедливости, росло недоверие к местным и центральным властям.

2.3. Благотворительные организации в оказании помощи семьям рядового состава русской армии

Со второй половины XIX в. в России действовали все три исторически сложившиеся системы поддержки нуждавшихся: государственное призрение, земская общественная помощь и частная добровольная благотворительность¹. В годы Первой мировой войны оказание помощи многочисленным беженцам, проблемы организации госпиталей, сбор денежных средств и необходимых вещей для находившихся на фронте придали благотворительности практически всенародный характер. Многие из тех, кто не обладал свободными денежными средствами, оказывали посильную помощь личным трудом, участвовали в попечительствах.

Масштабы войны привлекли к благотворительности различные заведения, частично финансируемые из земского и муниципального бюджетов, огромные средства выделялись из казны. В первой главе уже говорилось о созданном в начале августа 1914 г. Верховном совете под председательством императрицы Александры Федоровны, который должен был осуществлять руководство государственной, общественной и частной деятельностью по призрению семей призванных на войну².

Понятие «призрение» чаще использовалось для обозначения обязательных и законодательно регламентированных способов социальной поддержки, имевшей две формы – общественную, опирающуюся на помощь органов местного самоуправления (земств, городских дум, местных органов государственной власти) и государственную, исходившую от правительства. Под «благотворительностью» в основном понималась помощь, носившая

¹ Дроздова Н. П. Организация общественного призрения и частной благотворительности в России в дооктябрьский период // История предпринимательства в России: XIX – начало XX века: Сб. статей Под ред. А. Л. Дмитриева, А. А. Семенова; Научно-исследовательский ин-т менеджмента СПбГУ. СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2005. С. 186.

² Об образовании Верховного совета по призрению семей, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов // Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1914. № 224. Ст. 2239.

частный характер¹. Вопросы благотворительности, ее проявления в годы Первой мировой войны частично были рассмотрены в ходе изложения материала о деятельности волостных и городских попечительств. Однако эта тема столь многогранна, а проявления частной инициативы в отношении поддержки семей воевавших солдат имеет свою собственную историю в различных уголках страны и является предметом самостоятельных исследований. В данном параграфе мы ограничимся кратким перечислением существовавших на начало войны и созданных в ее ходе новых государственных и частных структур, реализовывавших задачу оказания помощи родственникам нижних чинов, призванных на войну.

В Верховном совете предполагалось сосредоточить все сведения о деятельности уже существовавших благотворительных учреждений, благодаря чему предусматривалось объединение работы частных и правительственных начинаний в этом направлении, но с полным сохранением их самостоятельности. Верховный совет имел также право получать пожертвования, которые затем распределялись между благотворительными структурами, занимался поиском новых способов обеспечения семей нижних чинов².

Например, уже на своем четвертом заседании 13 ноября 1914 г. Верховный совет остановился на вопросе изыскания таких дополнительных средств, поскольку уже тогда стало очевидным, что денег, поступавших от пожертвований, было недостаточно для удовлетворения обоснованных ходатайств различных учреждений, занимавшихся вопросами призрения семей призванных на войну.

Финансовая комиссия предложила пополнение средств, находившихся в распоряжении Верховного совета, посредством устройства денежной лотереи, учитывая, «что в настоящее время, когда население страны

¹ См.: Дроздова Н. П. Организация общественного призрения и частной благотворительности в России в дооктябрьский период. С. 169.

² Известия Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. 1914. Ноябрь. Выпуск первый. С. 26.

одухотворено желанием оказать помощь призванным на войну, их семьям и лицам, пострадавшим от военных бедствий, лотерея в пользу всех лиц была бы встречена как одна из целесообразных мер оказания посильной благотворительной помощи»¹. Подтверждая действенность такого способа изыскания средств, комиссия ссылалась на 1891 г., когда при поддержке Александра III была учреждена государственная благотворительная лотерея в пользу нуждавшегося населения в местностях, пострадавших от неурожая².

Комиссия подчеркивала, что на успех лотереи можно было рассчитывать лишь при условии отсутствия одновременного выпуска лотерейных билетов другими благотворительными обществами, поэтому предлагалось провести единую лотерею, которая явилась бы источником средств не только для организаций, занимавшихся призрением семей воинов, но и других, в задачу которых входила поддержка раненых и больных военнослужащих и помощь населению местностей, пострадавших от военных бедствий³.

Определяя размер планируемой лотереи в 10 млн руб., Финансовая комиссия исходила из необходимости истратить 15% суммы на выдачу выигрышей, 40 тыс. руб. на изготовление билетов, их рассылку и организацию самого процесса лотереи. Из выручки в 8 млн 450 тыс. руб. должны были 4 млн 460 тыс. руб. отойти в распоряжение Верховного совета для последующей передачи их Комитету Великой княгини Елизаветы Федоровны, Особому Петроградскому комитету великой княжны Ольги Николаевны, а также другим правительственным и частным

¹ РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 329. Л. 17. об.

² Положение о благотворительной лотерее в пользу нуждающегося населения в местностях, пострадавших от неурожая 1891 года. Учрежденные Комитетом благотворительной лотереи 20 ноября 1891 года главные основания продажи билетов сей лотереи. СПб.: Б. и., [1891]. 2, 4 с. Без тит. л. и обл.

³ РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 329. Л. 19.

благотворительным обществам для последующего оказания помощи семьям рядовых солдат¹.

Лотереи использовались и в практике деятельности местных благотворительных организаций. Так, в Вятке была создана специальная комиссия для ее проведения, собраны вещи, которые использовались в виде призов. Из Петрограда по просьбе губернатора знакомым художником была прислана «большая картина». В местной губернской типографии были напечатаны особые благотворительные марки в 1 и 5 коп., которые были разосланы в магазины по всей губернии для продажи и раздачи покупателям, пожелавшим взять марки вместо сдачи. В Петрограде по изящным рисункам изготавливались такие же марки в 1, 3, 5 и 10 коп.²

Со времени утверждения 11 сентября 1914 г. постановлений, определявших порядок деятельности Верховного совета и до завершения его функционирования в марте 1917 г., условиями военных действий было предопределено расширение его функций. Среди них можно выделить образование 2 ноября 1915 г. межведомственного совещания для рассмотрения вопросов «по применению законоположений о призрении лиц, призванных на войну и их семей»³.

При рассмотрении ежедневно поступающих на адрес Верховного совета прошений и ходатайств о пособиях часто возникали вопросы, связанные с толкованием статей закона 25 июня 1912 г. Однако для верного решения по этому поводу у выносивших решение зачастую отсутствовала необходимая осведомленность в этих вопросах, поскольку было недостаточно иметь сборник законов и распоряжений правительства о призрении. Требовалось знание о том, как разрешали различные ведомства подобные ситуации на местах, поскольку определения губернских присутствий по делам о выдаче

¹ РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 329. Л. 19. об.

² Там же. Д. 271. Л. 66-66 об.

³ Известия Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. 1916. Январь-март. Выпуск десятый. С. 29.

казённого продовольственного пособия признавались окончательными и обжалованию не подлежали.

Однако при этом по одинаковым ситуациям принимались разные отношения, т. е. в одном месте право на казенный паек выдавалось, а в другом, при таких же совершенно условиях – нет. В результате неоднократно возникала необходимость установления единообразного толкования при ответах на поступающие в Верховный совет прошения о получении продовольственного пособия от государства. Вот для этих целей и было создано постоянно действовавшее межведомственное совещание, которое могло бы установить единые правила в форме циркуляров или наказов для местных учреждений и подведомственных Совету благотворительных организаций. В состав такого совещания, проходившего под председательством руководства Верховного совета, были включены представители Министерства внутренних дел, а также Военного министерства, морского, финансов и юстиции, государственного контроля¹.

Также был создан именной Комитет с целью устройства и объединения благотворительной помощи семьям лиц, призванных на время военных действий как из запаса, так и из ополчения². Положение о «Высочайше учрежденном под августейшим Ея Императорского величества Государыни императрицы Александры Феодоровны покровительством комитет Ея Императорского Высочества Великой княгини Елисаветы Феодоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну» стал главным органом, после Верховного совета, который непосредственно решал проблемы оказания помощи семьям нижних чинов, не получавших по каким-либо причинам казенного пайка или не способных решить при его помощи свои материальные проблемы.

¹ Известия Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. 1915. Декабрь. Выпуск девятый. С. 21-22.

² Известия Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. 1914. Ноябрь. Выпуск первый. С. 7.

В состав Елизаветинского комитета входили московские губернатор, градоначальник, губернский предводитель дворянства, председатель губернской земской управы, городской голова, управляющий Казенной палатой, уездный воинский начальник, избранные два представителя из городских попечительств о бедных и ряд других приглашенных лиц. Таким образом, здесь были представлены все ключевые городские структуры Московской губернии, но местные отделения Комитета были созданы и во всех других российских губерниях, кроме Петербургской (Петроградской). Для нее и для ее главного города был учрежден особый местный комитет под председательством Великой княжны Ольги Николаевны. Здесь, так же как и в Москве, в состав комитета были включены все официальные городские лица¹.

Наряду с общеизвестными, действовавшими в масштабах государства обществами, осуществлявшими поддержку семей нижних чинов, воевавших на фронте, возникали небольшие благотворительные организации в провинциальных городах России. Например, в Орле было создано «Орловское общество помощи семьям призванных на действительную военную службу», цель которого была определена «в оказании посредничества между широкими слоями населения, желающими оказывать помощь семьям лиц, призванных на военную службу, и лицам, нуждающимся в этой помощи»². Конкретно предполагалось проводить обследование семей призванных, обеспечивать их квартирами, топливом, снабжать одеждой, продовольствием, лекарствами. Общество ставило также задачу организации яслей, приютов и других учреждений в городе и ближайших пригородах.

В Петрограде был образован «Родительский кружок», который имел свои отделения в провинции и по запросам воинов из действующей армии

¹ Известия Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. 1914. Ноябрь. Выпуск первый. С. 8.

² Там же. С. 214.

добывал сведения о положении их детей по всей России¹. Возникавшие до 11 августа 1914 г. по всей России такие и подобные им организации и общества, ставившие задачу оказания помощи семьям воевавших нижних чинов, были постепенно преобразованы в местные отделения Елизаветинского комитета.

Однако уже к декабрю 1914 г. стало очевидно, что потребности в материальной помощи всех губерний и уездов страны не может быть удовлетворена средствами, собранными на местах работниками Елизаветинского комитета. Более того, средств не хватало даже для удовлетворения потребности только Москвы Московской губернии, а решение этих проблем в масштабах всей страны (кроме Петрограда и Петроградской губернии) требовало в среднем по 1000 руб. на каждый уезд и 5000 руб. на каждое губернское отделение Елизаветинского комитета².

Деньги на эти нужды тогда были выделены Верховным советом, но при их помощи удалось решить только насущные вопросы, накопившиеся в первые месяцы войны. С наступлением холодов появилась потребность в теплой одежде, топливе, предоставлении жилищ, особенно в городской местности, а всё это требовало новых расходов, к которым государственная казна не была готова.

Местные отделения оказывали из имевшихся средств необходимую действенную помощь нуждавшимся в ней семьям солдат в пределах своей губернии или области. Люди входившие в состав губернских отделений и уездных комиссий Елизаветинского комитета, занимаясь благотворительностью, не получали никакого вознаграждения. Местные подразделения являлись центрами оказания помощи: учреждая приюты, ясли, предоставляя дешевые квартиры, устраивая солдаток и матерей нижних чинов на работу, выдавая продовольствие, вещи, топливо и другие необходимые для жизни предметы. Лишь в самых крайних случаях

¹ Известия Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. 1914. Ноябрь. Выпуск первый. С. 239.

² Известия Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. 1914. Декабрь. Выпуск второй. С. 16-17.

происходило назначение денежных пособий нуждавшимся¹. Так, в Вятке кроме единовременных пособий Комитет назначал и ежемесячные. В течение года 125 человек получали деньги в размере от 2 руб. до 10 руб. в месяц².

В статье 12 Положения об Елизаветинском комитете, подписанном председателем Совета министров статс-секретарем И. Л. Горемыкиным, было сказано, что «местные отделения могут открывать уездные, волостные, приходские или участковые комиссии. Председатели и члены их назначаются отделениями, которые обязаны наблюдать за деятельностью комиссий»³.

В ответах на письменные просьбы, направленные в штаб Верховного главнокомандующего, нередко присутствовали следующие формулировки: «...в виду полученных сведений пособие выдано быть не может, вместе с тем, в случае действительной нужды просителя, Канцелярия просит Ваше превосходительство (*обращение в адрес губернатора. – А. Г.*) не отказать внести прошение на обсуждение местного комитета княгини Елизаветы Федоровны на оказание благотворительной помощи»⁴. Были случаи, когда губернское отделение Комитета Великой княгини Елизаветы Федоровны само вступало в переписку с Канцелярией по гражданскому управлению при штабе Верховного главнокомандующего. Так, 15 апреля 1916 г. сообщалось о решении Могилёвской уездной комиссии Комитета, из которого следовало, что «семейству рядового второй роты Барановичской караульной команды Захария Сробея назначено ежемесячное, начиная с 1 февраля сего года, пособие в размере 3 рублей»⁵.

Еще один документ связан с решением Мединской уездной комиссии Комитета его императорского высочества Великой княгини Елизаветы Федоровны от 26 октября 1915 г. Из Калужской губернии в штаб Верховного

¹ Известия Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. 1914. Ноябрь. Выпуск первый. С. 9.

² РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 271. Л. 62.

³ Известия Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. 1914. Ноябрь. Выпуск первый. С. 10.

⁴ Дело о назначении продовольственного пособия // РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 47. Л. 86-86 об.

⁵ Там же. Л. 165-165 об.

главнокомандующего сообщалось, что в ответ на прошение крестьянина Ивана Ефимовича Антипова последовало постановление о выдаче ему «в возврат произведенных им по найму постороннего лица для ухода за детьми призванного на военную службу ратника ополчения Семёна Колыбина, после смерти их матери, расходов»¹. Просителю было выдано единовременное пособие в размере 12 рублей и назначено ежемесячное пособие на детей Колыбина в размере 3 рублей»².

Елизаветинским комитетом принимались пожертвования деньгами и вещами в местных его отделениях и комиссиях. Изыскивали и другие способы добычи финансовых средств. Например, в Вятке местное отделение закупило в Петрограде 5000 штук отрывного календаря на 1915 г. с соответствующим текстом о том, что сбор пойдет на нужды семей воевавших солдат. Закупочная цена составляла 25-27 коп., а продажная – 75 коп.³ В практику деятельности Комитета Елизаветы Федоровны вошло оказание помощи тем нуждавшимся, обеспечение которых законом 25 июня 1912 года не было предусмотрено: тесть, тёща, семьи братьев призванных, неусыновленные дети и гражданские жены⁴. При недостатке в какой-либо местной комиссии денежных средств для оказания необходимой помощи, материальную поддержку оказывал главный Елизаветинский комитет (статья 14)⁵.

Еще одно общество, возникшее под руководством членов царской семьи, было создано 20 августа 1914 г. Тогда состоялось первое заседание Ольгинского комитета, названного в честь Великой княжны Ольги Николаевны. Председатель собрания, бывший московский городской голова, предприниматель К. В. Рукавишников обозначил основные направления деятельности: «1) содействие частным жертвователям и

¹ Дело о назначении продовольственного пособия // РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 47. Л. 196.

² Там же. Л. 196 об.

³ РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 271. Л. 66 об.

⁴ Там же. Л. 62.

⁵ Известия Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. 1914. Ноябрь. Выпуск первый. С. 10.

общественным организациям, не стесняющее их самостоятельности и инициативы; 2) помощь на местах, где надо, деньгами, питанием, устройством квартир и приютов; 3) обследование деятельности существующих органов по оказанию помощи и вновь учрежденных и рассмотрение просьб о помощи»¹. Средства, получаемые комитетом, складывались, как и у других именных организаций, за счет казенных и частных поступлений. Отличительной чертой было то, что Великая княжна Ольга Николаевна в Зимнем дворце раз в неделю лично принимала пожертвования в течение часа. Для этого она специально приезжала из Царского Села.

«Александровский комитет о раненых» был учрежден еще императором Александром I для оказания помощи пострадавшим на войне и их семьям². В условиях начавшейся войны Комитет определил круг лиц, которые могли получать от него поддержку, в чем она может выражаться. Был составлен краткий перечень, в который вошли помимо офицеров пострадавшие на войне нижние чины и их семьи. Правила были разосланы в штаб Верховного главнокомандующего, командующим армиями, главным начальникам снабжения, начальникам военных округов, в Главное управление Красного Креста, а также в губернии, в волостные правления.

«Главный Комитет Имени Наследника Цесаревича Алексея Николаевича», был учрежден в 1905 г. для призрения детей офицерских и нижних чинов, погибших или утративших трудоспособность во время русско-японской войны. В условиях новых военных действий было утверждено его новое название: «Алексеевский Главный Комитет», он вошел в состав Верховного совета и распространял свое покровительство на детей офицеров и солдат. В условиях начавшейся войны деятельность Алексеевского комитета проявлялась в выдаче денежных пособий из

¹ Цит по: *Матвеева Н. Л.* Благотворительность и императорская семья в годы Первой мировой войны. М. Изд-во МГОУ, 2004. С. 93.

² Известия Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. 1914. Ноябрь. Выпуск первый. С. 229.

ежегодно ассигнуемых для этой цели казенных средств. Размер пособий детям нижних чинов колебался от 24 руб. до 59 руб. каждому в год. Выдавались они только при достижении детьми шестнадцатилетнего возраста¹. Детям, посещавшим школу, выдавались единовременные пособия в размере 15 руб. для приобретения одежды и учебников. Примечательно, что детям офицерских чинов пособие выдавали в размере от 75 до 300 руб. в год и до 18 лет².

Еще один комитет, связанный с Домом Романовых, получил наименование «Романовского». Он был учрежден в ознаменование 300-летнего юбилея царствования семьи и был предназначен для оказания помощи учреждениям, осуществлявшим поддержку сирот из сельской местности. С началом Первой мировой войны Комитет обратился в Совет министров с официальной просьбой о распространении деятельности Романовского комитета и на детей призванных воинов, поскольку они на все время военных действий были лишены попечения своих отцов и мало чем отличались от сирот.

Главная задача, которая выделяла эту организацию среди других благотворительных обществ, заключалась в «предоставлении призреваемым им детям надлежащее воспитание и образование»³. Романовский комитет обратился к земским учреждениям с предложением открытия при начальных училищах и церковно-приходских школах общежитий для обучающихся там детей нижних чинов, с выдачей необходимых денежных средств.

«Императорское Человеколюбивое общество», учрежденное еще в 1802 г. несколькими частными лицами, после начала войны приступило к организации врачебной помощи больным и раненым воинам, а также осуществляло материальную поддержку семьям, призванных на фронт. Помощь выражалась в создании в Петрограде и Москве «народных

¹ Известия Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. 1914. Ноябрь. Выпуск первый. С. 34.

² Там же. С. 34.

³ Там же. С. 35.

столовых», в которых отпускались бесплатные обеды солдаткам и родителям призванных. Совет общества принял решение: «Признать за семействами запасных и ратников ополчения преимущественное перед прочими нуждающимися право на получение денежных пособий единовременных и ежемесячных из сумм центрального управления ведомства»¹.

«Императорское человеколюбивое общество» обладало «собственными учебными заведениями, богадельнями, домами бесплатных и дешевых квартир, народными столовыми, швейными мастерскими, медицинскими учреждениями. Основным источником его доходов являлись пожертвования, в том числе и императорские»².

Еще одним направлением деятельности общества стал сбор средств на ремесленное образование бедных детей из семей призванных на войну. Было открыто бесплатное бюро для детей 11-17-летнего возраста, по предоставлению им технического образования и поиска для них работы. Примечательно, что обществом был открыт бесплатный ремесленный класс на 25 дочерей воинов в возрасте от 11 до 13 лет, окончивших курс начальной школы³.

Представители власти и благотворительных обществ отдавали себе отчет в том, что паёк мог удовлетворить только потребности семьи призванного в продовольствии. Крестьянские условия жизни, безусловно, неминуемо должны были выдвинуть и другие хозяйственные проблемы, связанные с ремонтом построек и хозяйственного инвентаря, нехваткой скота, одежды и многого из того, что предопределяло необходимость ведения хозяйства. Причем все эти затруднения, наряду с необходимостью уборки урожая и посевом озимых культур, совпавшие во многих губерниях со временем объявления мобилизации, проявились уже в самом начале войны.

¹ Известия Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. 1914. Ноябрь. Выпуск первый. С. 163.

² Дроздова Н. П. Организация общественного призрения и частной благотворительности в России в дооктябрьский период. С. 179.

³ Известия Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. 1914. Ноябрь. Выпуск первый. С. 239.

Значительное число обращений было связано с просьбами о помощи по уборке полей, на следующем месте стояли ходатайства на квартирное содержание, продовольствие. Были случаи выдачи пособия на устройство крыши и покупку лошади¹. В городах «просят на выкуп швейных машин, заложенных в ломбард, на крестины, на роды. В последнем случае выдают 10 руб. – 5 руб. при поступлении в родильный дом, 5 – при выписке оттуда»². Однако, по признанию самих попечительств, порядка 40% поступавших просьб не получали помощи³.

Крестьянские общества для социальной поддержки семей воевавших солдат сделать могли не очень много. Вопросы призрения и других мирских расходов являлись компетенцией сельского схода, но из-за бедности обществ помощь проявлялась главным образом в виде натуральной повинности⁴. Журнал «Женский вестник» рассказывал о сборе продовольствия солдаткам в деревнях, в Рязанской губернии ученики старших классов реального училища образовали своеобразную артель под руководством одного из своих преподавателей, чтобы весной отправиться в деревню для участия в сельскохозяйственных работах в семьях призванных на войну солдат. Журнал также сообщал, что «Повойское общество решило во всех своих селениях помочь сажать хлеб и посеять озимое семьям призванных на войну, не имеющим работников. В деревне Гремячий Ключ Серапульского уезда, по инициативе самих крестьян возник отдел Каракулинского кружка помощи больным и раненым воинам и семьям запасных. Членский взнос – 25 коп. Кружок собирает пожертвования натурой и деньгами. Часть пожертвований идет на армию, а часть – на помощь солдаткам»⁵. Говоря о мирской помощи

¹ РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 271. Л. 62.

² Жены солдатские // Биржевые ведомости. 1914. № 14469. 1 ноября.

³ РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 271. Л. 62.

⁴ Там же. Л. 75.

⁵ Нужда и общественная помощь // Женский вестник. 1915. № 3. С. 65.

семьям призванных на фронт в 1914 г., «Известия Верховного совета» сообщали, что сведения об ее организации были получены из 26 губерний¹.

Уход на войну значительной части мужского населения из деревень создавал ситуацию, при которой нехватка рабочих рук грозила срывом заготовки продовольствия на следующий год. Главное управление землеустройства и земледелия, находившееся среди других учреждений наиболее близко к сельскому населению, проявило свою инициативу в деле оказания помощи семьям запасных.

Весь местный агрономический персонал, а это было на тот момент 9 тыс. человек, был привлечен к устройству общественных работ по уборке урожая и осеннему посеву на полях, временно оказавшихся без мужской силы из-за призыва в армию. Для этого был задействован сельскохозяйственный инвентарь 12 тыс. прокатных станций, организованы передвижные отряды с молотилками, сеялками, веялками и т. д. При заказах кустарям полушубков, валенок, теплого белья и других предметов на нужды армии в первую очередь предоставлялась возможность заработка семьям призванных на фронт². В качестве еще одной меры помощи предусматривалось бесплатное разрешение на сбор валежника для отопления и сухостойных деревьев из государственных лесных дач.

Авторы закона 25 июня 1912 г., которые считали неудовлетворительным прежний порядок выдачи пособий через уездные земские управы, не смогли избежать канцелярского подхода к делу «поддержания духа армии». Министерство внутренних дел возложило все функции надзора за волостными попечительствами на уже существовавшие органы крестьянского управления, обремененные своими собственными обязанностями: на земского начальника, уездный съезд и губернское присутствие. Так, списки из сельской

¹ Известия Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. 1914. Ноябрь. Выпуск первый. С. 151.

² Там же. С. 30-31.

местности поступали в съезд через земского начальника, что в большинстве случаев тормозило дальнейший процесс выдачи пособий¹.

Жалобы на неправильные действия лиц и учреждений при обследовании на местах состава семей нижних чинов также направлялись через земского начальника в уездный съезд. Однако он не был в состоянии выполнить эту работу в своих коллегиальных заседаниях, поэтому она ложилась или на отдельных его участников, или на канцелярию. Проверка списков, вычисление количества пайков и конкретных сумм, которые надлежало выдавать каждой семье, необходимо было рассмотреть и рассчитать также в двухнедельный срок. Между тем возможности канцелярии съезда были ограничены, уровень подготовленности был невысок, а число ее личного состава в большинстве случаев не позволяло быстро справиться с таким сложным заданием.

На решения съезда в месячный со дня объявления постановления срок можно было подать жалобу или прошение в губернское присутствие, которое при участии управляющих казенной и контрольной палатами, «рассматривало» и «проверяло» размеры необходимых по губернии средств, для удовлетворения нужд семей нижних чинов.

В существовавших тогда инструкциях не определялось, какую именно проверку должно было производить губернское присутствие: проверять ли сами списки, составленные попечительствами, или просто арифметически уточнять правильность умножения числа пайков на их величину. Однако практика показала, что дела о выдаче пайков менее всего задерживались в губернском присутствии.

В его состав, помимо управляющих казённой и контрольной палатами, чаще всего входили губернатор (председатель), вице-губернатор, губернский предводитель дворянства, начальник управления земледелия и государственных имуществ, председатель губернской

¹ Доклад Комиссии, избранной Московским обществом сельского хозяйства в заседании 5 сентября 1914 г. для рассмотрения вопроса о задачах земства в деле призрения семейств нижних чинов, призванных на войну, в связи в Высочайшим указом 29 августа с. г. М., 1914. С. 14.

земской управы, прокурор или товарищ прокурора, несколько неперменных членов из числа знатных граждан. Такое собрание не предполагало кропотливого рассмотрения многочисленных проблем, достававшихся ему от уездных съездов. Зато, судя по большому количеству прошений, направляемых в Верховный совет, возглавляемый императрицей, в штаб Верховного главнокомандующего, лично главнокомандующему и даже императору, губернские присутствия достаточно строго следовали циркуляру министра финансов от 26 августа 1914 г. за № 139, в котором содержалось требование от управляющих казенными палатами играть активную роль «в охранении казенного интереса при выдаче пайков семьям нижних чинов»¹. Впрочем, в этом была действительная необходимость, поскольку казна с большим трудом справлялась со значительными расходами на призрение ежедневно растущего числа инвалидов, семей погибших и тех, кто продолжал сражаться на фронтах войны. Положение усугублялось ростом дороговизны, требовавшей увеличивать размеры выдаваемых денежных пособий в виде пайков.

Недостатки, связанные с подсчетом пайков непосредственно на съездах отчасти были устранены Высочайшим указом Правительствующему сенату 29 августа 1914 г. «О порядке приведения в действие закона 25 июня 1912 г., в части, касающейся призрения семейств нижних чинов, призванных на действительную службу», которым вся работа в уезде по проверке списков и начислению пособий семьям призванных вместо съездов возлагалась на уездные попечительства и уездные земские управы². Тем самым земство возвращалось к участию в деле призрения, от которого было ошибочно устранено законом 25 июня 1912 г.

¹ Волостные и земские попечительства. Доклад комиссии, избранной Московским обществом сельского хозяйства в заседании 5 сентября 1914 г. для рассмотрения вопроса о задачах земства в деле призрения семейств нижних чинов, призванных на войну, в связи с Высочайшим указом 29 августа с. г. М., 1914. С. 11.

² Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1914. № 247. Ст. 2345. С. 3455.

В условиях, когда крестьянские общества не были в состоянии обеспечить своих членов необходимой помощью, забота об их призрении ложилась на всеобщные органы местного самоуправления земств и городов. После начала военных действий в различных городах России состоялись земские собрания, на которых обсуждался вопрос об участии земств в оказании помощи семьям призванных на войну. Вся работа в уезде по проверке списков и вычислению пособий семьям призванных была возложена вместо съездов на уездные попечительства и уездные земские управы. Земские учреждения также выявляли нуждавшихся в дополнительной помощи. «По общему признанию, дело призрения семей воинов в неземских губерниях было поставлено значительно хуже, обследования проводились формально, выдача пайков хронически задерживалась, помощь оказывалась от случая к случаю»¹.

Таким образом, указ 29 августа 1914 г. существенно улучшил порядок оказания помощи семьям запасных, но, тем не менее, многие недостатки в осуществлении этих мероприятий продолжали существовать. В наибольшей степени это касалось волостных попечительств, сохранившихся в неизменном виде².

В состав губернского присутствия на основе нового указа были включены члены губернской земской и городской управы губернского города, а обязанности уездного съезда возлагались на уездные и городские попечительства (статья 2)³. В каждом уезде были образованы такие попечительства под председательством уездного предводителя дворянства

¹ Булгакова Л. А. Привилегированные бедняки: помощь солдатским семьям в годы Первой мировой войны // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX – начала XX века. Материалы конференции памяти В. С. Дякина. СПб. ; Кишинев: Nestor-Historia, 2001. С. 435.

² Волостные и земские попечительства. Доклад комиссии, избранной Московским обществом сельского хозяйства в заседании 5 сентября 1914 г. для рассмотрения вопроса о задачах земства в деле призрения семейств нижних чинов, призванных на войну, в связи с Высочайшим указом 29 августа с. г. М., 1914. С. 16.

³ Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1914. № 247. Ст. 2345. С. 3455.

или председателя уездного съезда. В состав такого попечительства должны были войти: уездный воинский начальник, уездный исправник, один из местных податных инспекторов, управляющий казенной палатой, член уездной землеустроительной комиссии, земские начальники, представитель ведомства православного вероисповедания, городской голова, все члены городской управы уездного города, 2 гласных городской думы и 2 гласных уездного земского собрания. «Кроме того, в состав уездного попечительства входят председатели приходских попечительных советов о семьях лиц, находящихся в войсках, и волостные старшины по делам отдельных приходов и волостей» (статья 3)¹.

Городские попечительства обладали правами уездных в пределах города с населением свыше 75 тыс. человек. На уездные и городские попечительства возлагалось рассмотрение жалоб на действия лиц и учреждений. Ведение дел возлагалось «в уездном попечительстве на уездную земскую управу, а в городских – на городскую управу»².

Уездные попечительства представляли собой многолюдное собрание, состоявшее из 50-200 членов. Каждый из его участников имел, помимо попечительских, свои собственные обязанности, а громоздкость созданной структуры только создавала дополнительные трудности. Выход из ситуации состоял в том, что «основной костяк уездного попечительства составляли от 14 до 30 человек в зависимости от количества участков земских начальников (3-15) и числа членов земской управы (2-6) в уезде»³.

Всероссийские земский и городские союзы, а также Общество Красного Креста, которые главным образом были заняты оказанием помощи больным и раненым воинам, наряду с этим обеспечивали заказами провинциальные учреждения, при которых были организованы

¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1914. № 247. Ст. 2345. С. 3455.

² Там же. С. 3456.

³ Цит. по: *Булгакова Л. А.* Привилегированные бедняки: помощь солдатским семьям в годы Первой мировой войны. С. 438.

специальные швейные мастерские для жен и матерей нижних чинов. Например, «в Москве и губернии по заказам Красного Креста по 1 августа 1915 г. было изготовлено 3,8 млн рубашек, свыше 2,3 млн кальсон, около 900 тыс. респираторов и примерно 500 тыс. компрессов, десятки тысяч простынь, полотенец и других предметов»¹.

Широкое распространение в годы войны получили так называемые «Дамские кружки (комитеты)», некоторые из которых состояли под покровительством императрицы Александры Федоровны. Эти организации стали важным элементом жизни российской провинции в годы Первой мировой войны. Первый кружок возник еще в 1877 г. в г. Киеве, а в условиях Первой мировой войны Дамские комитеты обрели новую жизнь. Их деятельность носила разнообразный характер, но преобладал сбор пожертвований на нужды армии, на устройство лазаретов. Не были обойдены вниманием и семьи воинов, находившихся на фронте. Комитеты устраивали «благотворительные базары, лотереи, продажу цветов в пользу детей, призванных воинов»².

Примечательно, что в их состав, несмотря на название, входили не только женщины, но и мужчины и показательным явлением стало сворачивание деятельности Дамских комитетов к концу 1916 г., что является подтверждением угасания интереса к благотворительной работе. Например, в уездном Брянске 4 ноября 1916 г. руководительница Дамского кружка местного комитета Красного Креста сложила с себя звание председательницы, «21 ноября 1916 г. было созвано собрание Комитета Красного Креста и Дамского кружка, которое постановило "Деятельность дамского кружка ликвидировать". От оставшейся денежной суммы в размере 9091 руб. 77 коп. часть денег было решено передать в распоряжение Брянской земской управы, другую на строительство

¹ См.: Матвеева Н. Л. Благотворительность и императорская семья в годы Первой мировой войны. С. 89.

² Турлакова Е. Брянский дамский кружок в годы Первой мировой войны: благотворительная деятельность // История. Общество. Политика. 2017. № 1 (1). С. 177.

Болохонского приюта и в Брянскую учительскую семинарию. Кроме того, на оставшуюся сумму было решено учредить стипендии для гимназий и других благотворительных мероприятий "имени Дамского Кружка в память второй Отечественной войны"»¹.

Таким образом, государство затрачивало значительные средства на оказание материальной помощи семьям призванных на фронт нижних чинов, но кроме бюджетного финансирования поступали средства, особенно на начальном этапе войны, и в виде благотворительной помощи. Именно такой способ сочетания государственной денежной поддержки и общественной инициативы являлся оптимальным в условиях, когда казна не в состоянии была справиться с огромными военными расходами.

Возникновение в мирных условиях большого числа благотворительных организаций имеет свою отрицательную сторону, поскольку свидетельствовало о поляризации в обществе, привлечение же инициативных сил для оказания помощи солдатским семьям, да и сам закон 25 июня 1912 г., играли исключительно положительную роль, поскольку на уровне государства поднимали вопрос о нуждавшихся, ставили задачу поддержки как тех, кто оставался в тылу, так и находившихся в окопах Первой мировой войны. Впрочем, и в этом важном деле не обошлось без определенных проблем.

Общественная инициатива не имела на протяжении всей войны постоянную высокую степень участия в делах оказания помощи семьям, ушедших на фронт. На начальном этапе при общем эмоциональном подъеме в общественных делах наблюдалось наивысшее ее развитие, но за «лавинообразной благотворительностью» зачастую скрывалось следование некой «моде», в хорошем смысле слова. От шталмейстера князя Лобанова-Ростовского поступило 100000 руб., от Петроградского купеческого общества – 50000 руб., биржевой барона Штиглица артели – 25000 руб. Всего

¹ Цит. по: *Турлакова Е.* Брянский дамский кружок в годы Первой мировой войны: благотворительная деятельность. С. 178.

же с 11 августа по 11 сентября 1914 г. в распоряжение Верховного совета было передано пожертвований в пользу семей призванных в размере «150000 руб. процентными бумагами и 44019 руб. 31 коп. наличными деньгами»¹. В дальнейшем размеры помощи по разным причинам постоянно снижались.

По мере нарастания трудностей происходил определенный отсев участников, оставляя в благотворительных обществах наиболее стойких подвижников содействия в делах солдатских семей, испытывавших все большие материальные проблемы на фоне продолжавшейся войны и роста дороговизны.

¹ Известия Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. 1914. Ноябрь. Выпуск первый. С. 46.

ГЛАВА III.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКОНА 25 ИЮНЯ 1912 Г. «О ПРИЗРЕНИИ НИЖНИХ ВОИНСКИХ ЧИНОВ И ИХ СЕМЕЙСТВ»

3.1. Отражение особенностей реализации закона 25 июня 1912 г. в проектах, жалобах и прошениях

Закон 25 июня 1912 г. получил практическое применение лишь в условиях начавшейся войны и неизбежно должен был, как и любое другое новое столь масштабное мероприятие, принести «недоразумения и неправильности». По словам автора статьи, помещенной в начале сентября 1914 г. в газете «Петроградский листок» в ответ на публикацию особого «журнала-инструкции» от Совета министров, рекомендовавшую «мудрую бережливость и осторожность в распределении пособий»: «Нельзя, конечно, отрицать возможности подобных промахов при той огромной массе семейств, с которой попечительствам приходится иметь дело, как нельзя отрицать возможности и ошибок в противоположную сторону, т. е. отказа в пособии лицам, вполне их заслуживающим»¹.

Все зависело от того, в какой степени государство было способно решить возникавшие проблемы через существовавшие государственные институты и путем привлечения общественных сил, находившихся в непосредственной близости от тех, на кого было направлено действие закона. Автор статьи, о которой уже шла речь, справедливо подмечал, что «полное достижение намеченной цели возможно лишь в том случае, если призываемый к сотрудничеству общественный элемент не будет играть, как это обычно практикуется в ведомственных учреждениях, второстепенную

¹ Мобилизация общественных сил // Петроградский листок. 1914. № 247. 9 сентября.

роль едва терпимого придатка, а получит полную возможность развернуться самостоятельно»¹.

Однако и при активной деятельности государственных структур, и при включении в процесс реализации закона 12 июня 1912 г. разного рода «общественных элементов», а также периодической печати вопрос о государственной поддержке семей не был закрыт, вызывая негативную реакцию и тех, кто находился на фронте, и тех, кто оставался в тылу.

В запасных батальонах были даже назначены в начале войны специальные офицеры, для принятия жалоб и заявлений нижних чинов относительно неполучения их семьями казенных пособий. Офицеры были снабжены соответствующими законами и инструкциями, с помощью которых могли сами разъяснять жалобщикам причины, по которым пособие не было получено их семьями или отправлять жалобы по принадлежности².

Первые эшелоны запасных отправились на театр военных действий в двадцатых числах июля, тогда как первая выдача пайков была произведена в конце августа и продолжалась уже в сентябре, поэтому многочисленные письма из дома в армию, отправленные в августе и получавшиеся в армии в течение сентября, содержали жалобы на то, что пайка не выдают, и что оставленные на родине семьи не обеспечены на основании закона 25 июня 1912 г.

Так, в одной из губерний нижний чин, получивший рану в самом начале войны, успел вернуться в свой уездный город на поправку, между тем семье его за это время казённое пособие еще не было выдано³. Зато были и примеры противоположного свойства, рассказанные, в частности, в письме в Министерство внутренних дел одним из членов волостного попечительства, когда «громадное большинство вернувшихся легко раненых запасных ратников могут вести домашнее хозяйство, семейства же их получают

¹ Мобилизация общественных сил // Петроградский листок. 1914. № 247. 9 сентября.

² РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 271. Л. 27.

³ Там же.

пособие, что вызывает справедливые нарекания, так как их семейства получают и мужа работника, и пособия»¹.

О необходимой корректировке закона, предпринятой уже в начале войны и продолженной в последующее время было рассказано в первой главе диссертации. Однако далеко не все проблемы, возникавшие в процессе реализации на практике государственной поддержки семей нижних чинов, удалось разрешить в результате совершенствования законодательной базы.

Так, например, в августе 1915 г. совещание председателей уездных управ и Нижегородской губернской управы решило ходатайствовать перед правительством о распространении закона о выдаче семьям мобилизованных запасных воинских чинов и ратников государственного ополчения казённого пособия также и на семьи молодых людей, призванных на действительную военную службу досрочно. Согласно закону от 23 июня 1912 г. об изменении Устава о воинской повинности «К исполнению воинской повинности призывается ежегодно один только возраст населения, именно молодые люди, которым исполнилось 20 лет от роду к 1 января того года, когда производится призыв»².

Ежегодный призыв производился с 1 октября по 1 ноября. В законе (ст. 5) было также сказано о том, что «при возникновении чрезвычайных обстоятельств военного времени, вызывающих необходимость ускорить поступление новобранцев в ряды войск, очередной призыв может быть по Высочайшему повелению, объявляемому Высочайшим указом Правительствующему Сенату, произведен ранее сроков в предыдущей (4) статье указанных»³. В 1915 г. были произведены три досрочных призыва новобранцев. Первый набор прошёл с 15 января по 15 февраля и призыву подлежали 21-летние мужчины, которые должны были призываться в октябре. Второй досрочный призыв начался 15 мая 1915 г. и по нему были

¹ По ходатайствам об изменении закона // РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 264. Л. 19.

² ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 32 (1912). Часть 1. № 37417. С. 806.

³ Там же. С. 807.

призваны 20-летние новобранцы 1897 года рождения, т. е. подлежащие призыву в 1916 г. Третий досрочный призыв начался 7 августа 1915 г. Исполнению воинской повинности подлежали молодые люди 1896 года рождения, т. е. 19-летние из призыва 1917 г.

Совещание председателей уездных управ и Нижегородской губернской управы отмечало, что по закону 25 июня 1912 г. «правом на призрение пользовались семейства призванных на действительную службу при мобилизации; задержанных по случаю мобилизации на действительной службе долее определенного для службы мирного времени срока; принятых при мобилизации на действительную службу охотниками и добровольцами; поступивших на службу в государственную ополчение; поступивших на службу в военные дружины, образованные по распоряжению военного начальства»¹. Однако при этом правом на государственную поддержку не обладали семьи призванных досрочно, если эти нижние чины не выслужили срока, определенного для службы мирного времени, т. е. от 3 до 5 лет в зависимости от рода войск. Иными словами, призванные досрочно в 1915 г. могли в лучшем случае рассчитывать на оказание помощи их семьям не ранее 1918 г.

Нижегородская губернская управа, согласилась с уездными земскими собраниями и предложила губернскому собранию возбудить ходатайство о распространении закона 12 июня 1912 г. о продовольственном пайке и на семьи призванных на военную службу досрочно по Нижегородской губернии². Ходатайство было направлено в январе 1916 г., а ответ из Министерства внутренних дел был получен нижегородским губернатором 18 марта. Ссылаясь на закон 25 июня 1912 г., а также «на огромные расходы казны на выдачу пайка, достигшие свыше миллиарда рублей, и дважды указанную Советом министров необходимость возможной бережливости казенных средств», министерство объявляло о том, что рассматриваемое ходатайство было отклонено.

¹ По ходатайствам об изменении закона // РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 264. Л. 40.

² Там же. Л. 40 об.

«Семьи новобранцев правом на паек не пользуются, так как они отбывают хотя бы и в военное время обязательную воинскую повинность, исключение из этого правила нет основания делать и для досрочно призванных, – говорилось в документе. – Кроме того, при досрочных призывах <...> лица с льготой первого разряда не принимались, а потому в семьях призванных остались трудоспособные члены, способные поддержать их существование. Если затем первольготники означенных призывов, а также призыва 1917 года, были приняты в войска, то в этих случаях семьи имеют право на паек на одинаковых с ратниками ополчения основаниях»¹. Чиновник министерства также отметил, что если Нижегородское губернское земство по ознакомлении с вышеприведенными мотивами, тем не менее, будет настаивать на рассмотрении этого ходатайства в установленном порядке, то Министерством внутренних дел будет внесено представление в Совет министров².

Согласимся с авторами исследования «Организация призрения семей нижних чинов в годы Первой мировой войны», отмечавшими, что сама система «прошение – рассмотрение – решение», предусматривавшая переписку между учреждениями, содержала в себе неминуемую бюрократизацию процесса решения вопроса³. Однако с утверждением о том, что такая переписка затягивалась на полтора-два месяца, согласиться трудно. Сроки были гораздо большими, о чем можно судить по многочисленным прошениям в штаб Верховного главнокомандующего, сохранившимся в Российском государственном военно-историческом архиве. Показателен и рассмотренный нижегородский пример: от решения совещания председателей уездных управ Нижегородской губернской, ходатайства

¹ По ходатайствам об изменении закона // РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 264. Л. 41.

² Там же. Л. 41 об.

³ Пушкарева Н. Л., Щербинин П. П. Организация призрения семей нижних чинов в годы Первой мировой войны // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 2. С. 149.

губернатора и до ответа Министерства внутренних дел прошло время с августа 1915 до марта 1916 г., т. е. восемь месяцев

Можно также привести характерный пример, касавшийся частных прошений: *8 марта 1916 г.* от ярославского губернатора в канцелярию Верховного главнокомандующего по гражданскому управлению было направлено официальное письмо в ответ на отношение от *3 сентября 1915 г.* В письме было сказано о том, что в ответ на прошение крестьянина Ростовского уезда, Шулецкой волости, А. И. Махова, ему и его дочери М. Маховой постановлением Ростовского уездного попечительства, от 16 декабря 1914 г. было отказано в назначении пособия, поскольку в семье Маховых после призыва старшего сына еще оставались другие трудоспособные сыновья, которые затем тоже были призваны в армию. «Вопрос о призрении Маховых вновь обсуждался уездным попечительством и постановлением от *10 декабря 1915 года* продовольственные пособия просителю и его дочери Марии назначено»¹. Сложно судить о том, как долго рассматривалось прошение в самом штабе, но с момента направления запроса и ответа на него ярославского губернатора прошло ровно 6 месяцев. Разумеется, губернские власти вынуждены были все это время решать гораздо более важные вопросы, но от этого возмущение просителей и их сыновей, находившихся на фронте, нисколько не уменьшалось.

Предложение об изменении закона 25 июня 1912 г. поступило в августе 1914 г. от курляндского губернатора. Речь шла о содержании статьи 63, оговаривавшей назначение пособия в половинном размере детям, не достигшим пятилетнего возраста. В записке в адрес Министерства внутренних дел было сказано следующее: «Следует полагать, что законодатель имел в виду, что потребности ребенка, не достигшего пятилетнего возраста, вдвое менее. Однако упущено с вида, что женщина, имея на руках грудного или близкого грудному возрасту младенца, лишена

¹ Дело о назначении продовольственного пособия // РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 47. Л. 9.

возможности работать. А так как на одно пособие существовать невозможно, то женщина, имеющая ребенка менее 5 лет, оказывается в самых невыгодных условиях: она лишена возможности работать, а паек получает в половинном размере»¹. Автор подготовленного документа также отмечал, что для городских жителей почти все виды женского труда исключают возможность их совмещения с уходом за детьми.

Еще одно положение закона 25 июня 1912 г., по мнению курляндского губернатора, требовало немедленного изменения. Речь шла об определении размеров пайка для городских пригородов (примечание 2 статьи 74), которые в своем большинстве входили в состав ближайшей волости, но утратили с ней всякую связь и жили чисто городской жизнью. «Для таких пригородных поселений размер пайка установленного в волости оказывается далеко недостаточным; в них цена на все виды продовольствия значительно превышает волостные, так как население снабжается от городских торговцев, следовательно, из вторых рук»².

В сельской местности проблем с реализацией закона 25 июня 1912 г. было еще больше из-за необходимости ведения хозяйства, многообразия семейных связей, да и призвано в действующую армию из деревень и сел было гораздо большее число нижних чинов. Так, в штаб Верховного главнокомандующего в ноябре 1914 г. поступил специальный доклад Чеканского волостного попечительства из Вятской губернии, по вопросу о некоторых расширениях мер призрения. Свои наблюдения члены попечительства вынесли из первой раздачи казенных пособий, отмечая, что «в некоторых семьях с уходом нижнего чина не оказалось достаточно крепкого хозяйственного работника и, тем не менее, эти семьи не пользуются казенным призрением»³. Речь шла о семьях, в которых оставался

¹ По ходатайствам об изменении закона // РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 264. Л. 1.

² Там же. Л. 1 об.

³ Там же. Л. 2.

трудоспособный мужчина в возрасте от 17 до 20 лет, не подлежавший призыву в армию.

Члены волостного попечительства отмечали, что 16-летние по закону пользовались правом на получение пайка, а достигнув 17-летнего возраста, его лишались, формально неся ответственность за благосостояние всего семейства. По мнению авторов доклада, 17-18-летних членов семей в своем большинстве нельзя признавать «кормильцами» всей семьи, что они могли трудиться только при руководстве со стороны старших. Достигших же возраста в 19-20 лет, можно было считать более трудоспособными и на них можно возлагать заботу о семье «в половинном размере», а «другую половину зачислять на призрение от казны»¹.

Впрочем, по поводу этой проблемы существовала и совершенно противоположная точка зрения. Например, входивший в состав одного из карельских волостных попечительств священник Николай Лебедев в своем письме 10 марта 1915 г. в адрес министра внутренних дел отмечал, что «это на взгляд интеллигенции будто дети до 17 лет нетрудоспособные (впрочем, это и на самом деле отличает тем, что дети интеллигентов живут в городах и развиваются медленнее деревенских детей)»². По его убеждению, деревенские дети становились трудоспособными значительно раньше: мальчики в 15 лет уже несли общественные повинности, а девочки в 16 лет уже вступали «в брачное совершеннолетие». «Поэтому вполне безобидно можно прекращать выдачу пособия детям по достижении 16 или даже 15-летнего возраста, исключая тех случаев, когда дети посещают школу. Тогда, может, пожалуй, выдавать пособие до 17 лет, а вместо этого не отказывать в пособии действительно нуждающимся малолетним детям добрачным пасынкам и падчерицам призванного на войну»³.

¹ По ходатайствам об изменении закона // РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 264. Л. 3 об.

² Там же. Л. 17 об.

³ Там же.

Попечительство не обошло молчанием и те семьи, в которых хотя и имелся крепкий работник, но у него была своя семья, состоявшая, например, из 3-5 и более детей до 16-летнего возраста. В таких случаях, по мнению авторов доклада, была «желательна половина пайка от казны на родителей призванного»¹, которые должны были получать, по мнению попечителей, пособие от казны и в тех случаях, когда был призван их сын, не имевший своей собственной семьи. Наконец, практика первых пайковых раздач подсказывала и другие ситуации, которые не подпадали под действие закона. Например, на иждивении нижнего чина находилась слепая тётка, проживавшая в семье солдата; мачеха или теща преклонных лет, не имевшая другой родни².

Однако чаще попечительства не пытались столь глубоко вникать в проблемы солдатских семей. От них требовалось выяснить, могли ли члены семьи сами себя самостоятельно обеспечивать, обладали ли они для этого необходимым имуществом. Выяснялось также, не осталось ли в семьях трудоспособных работников, например, братьев призванных или, если такие имелись, то служили ли они поддержкой семье.

Иногда в расчет брались и совершенно необычные обстоятельства. Так, Суздальский уезд Владимирской губернии был знаменит тем, что не только взрослое мужское население, но и подростки расходились оттуда по всей России с тем, чтобы наняться в качестве пастухов. Благодаря полученным уже в раннем детстве навыкам, четырнадцатилетние мальчики из этих мест зарабатывали за летний пастушеский сезон от 100 до 200 руб. В итоге, местное уездное попечительство считало, что юноши уже в раннем возрасте имели полную возможность прокормить себя собственным трудом и полагало, что в 14 лет сыновья призванных на войну, если они уходят на заработки, должны быть признаны не имевшими право на получение пайков³.

¹ По ходатайствам об изменении закона // РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 264. Л. 4.

² Там же.

³ РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 271. Л. 38-39.

Только вмешательство представителей власти изменило эту практику, но все равно волостные попечительства лишь подробно рассматривали в каждом конкретном случае сумму полученного такими юношами заработка и выясняли куда расходовались заработанные ими деньги. Например, на необходимые хозяйственные нужды (на покупку лошади, коровы, постройку сарая и т. д.), а не на пропитание семьи. Забота о справедливости в данном случае шла вразрез с основным смыслом и целью закона о призрении, поддерживавшего семьи тех, кто жертвовал собой на войне.

Отчасти схожая ситуация наблюдалась в Смоленской губернии. Там лица, достигшие 16-летнего возраста, считались по местным условиям вполне трудоспособными и поэтому Смоленским губернским присутствием было разъяснено уездным попечительствам, что «братья и сестры призванного, имеющие 16 лет и **не обучающиеся в учебных заведениях** (выделено нами. – А. Г.), безусловно, должны быть признаны, кроме исключительных случаев, не пользующимися правами на призрение со стороны казны»¹.

Однако обучение не всегда являлось основанием для исключений. Так, прошение на имя Верховного главнокомандующего по поводу назначения просителю, его жене и дочери пайкового довольствия по случаю призыва сыновей его по мобилизации, было отклонено на основании того, что в семье остался трудоспособный сын семнадцати лет, которого отец отдал учеником в «шорноседельную мастерскую», откуда в любой момент мог его якобы забрать².

Возможность отступления в исключительных случаях от буквального толкования закона, предусматривавшего право на призрение со стороны казны всех сыновей призванного, не достигших семнадцатилетнего возраста, порождала недовольство, выражавшееся в жалобах и прошениях в вышестоящие инстанции. Кривотолки вызывали эпизоды, когда муж и жена

¹ РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 271. Л. 36.

² РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 47. Л. 110.

добровольно разошлись, женщина жила с другим, имела от него детей, но получала пособие от бывшего мужа, который даже сам ходатайствовал о том, чтобы она и чужие ему дети были лишены пособия»¹.

Еще одним препятствием для окончательного определения размеров пособия на каждую семью явился вопрос о праве ее членов на получение пайка, поскольку закон не предусматривал учета многих из состоявших на иждивении призванных. Например, ничего не было сказано об неусыновленных приемыхах, внебрачных детях, пасынках и падчерицах. В результате многочисленных обращений с мест последовала специальная телеграмма министра внутренних дел от 24 августа 1914 г. в адрес уездных съездов, в которой он разъяснил, что «эти члены семейства призванного права на призрение не имеют»². Однако, несмотря на это, вопрос не был закрыт и просьбы и предложения продолжали поступать в различные инстанции.

Об этом писал 25 августа 1914 г. курляндский губернатор, отмечая, что «в крестьянском и в рабочем быту долголетнее безбрачное сожителство представляются явлением весьма частым, а по действующим гражданским законам на отца внебрачного ребенка лежит прямая обязанность содержать внебрачных детей»³. На этом основании он считал необходимым распространить право на получение пособия на внебрачных детей в тех случаях, когда обследованием установлено, что поступивший в войска нижний чин содержал внебрачного ребёнка.

Согласно официальной статистике, «среди православного населения и в целом по 50 губерниям Европейской России внебрачная рождаемость составляла 2,3%». Однако большинство исследователей убеждено в том, что эти данные не соответствуют реальному положению дел⁴.

¹ По ходатайствам об изменении закона // РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 264. Л. 23.

² РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 271. Л. 15-15 об.

³ По ходатайствам об изменении закона // РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 264. Л. 1-1 об.

⁴ См., например: *Булгакова Л. А.* Невенчаные солдаты: борьба за признание гражданских браков в годы Первой мировой войны Власть, общество и реформы в России

Проблема внебрачных (гражданских, нецерковных, нелегальных, незаконных) детей рассматривалась соединёнными комиссиями Верховного совета, который решил, что «издание закона, в силу которого внебрачная семья получала бы от казны пособия на одинаковых основаниях с семьёй законной, отнюдь не способствовало бы упрочению устоев законной семьи и, несомненно, умалило бы святость брачного союза в народном сознании»¹.

На основании этого, 13 ноября 1914 г. было сформировано предложение «комитетам, учреждениям и обществам, ведающим делом призрения семей лиц, призванных, а также семей раненых и павших воинов, преимущественно оказывать благотворительную помощь нижеследующим лицам: а) внебрачным детям нижнего чина, если они содержались его трудом и если по имущественному положению своему и по имущественным средствам их матери они нуждаются в призрении; б) пасынкам, падчерицам и приемным детям нижнего чина, если они содержались его трудом и нуждаются в призрении, и в) нуждающейся в призрении матери внебрачных детей нижнего чина, если она содержалась его трудом и уход за его детьми лишает возможности зарабатывать средства к жизни»².

Священник Николай Лебедев был возмущен разъяснением Перновского уездного по воинской повинности присутствия в Карелии, последовавшим за телеграммой от Министерства внутренних дел от 3 февраля 1915 года, в котором говорилось, что пособия должны лишиться внебрачные дети жены призванного на войну, а также дети жены его от

в XIX – начале XX века: исследования, историография, источники. СПб: Нестор-История, 2009. С. 183-214; *она же*. Привилегированные бедняки: помощь солдатским семьям в годы Первой мировой войны // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX – начала XX века. Материалы конференции памяти В. С. Дякина. СПб. ; Кишинев: Nestor-Historia, 2001. С. 458; *Зайцева С. В.* Факторы, оказывавшие влияние на рождение внебрачных детей в Российской империи во второй половине XIX века // Вестник Ленинградского государственного ун-та им. А. С. Пушкина. История. СПб., 2010. № 2. Т. 4. С. 144-152; *Веремёнко В. А.* Проблема внебрачных семей офицеров и запасных в России начала XX века // Война и повседневная жизнь населения России XVII – XX вв. (К столетию начала Первой мировой войны) материалы Международной научной конференции. 2014. СПб., 2014. С. 157-164.

¹ По ходатайствам об изменении закона // РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 264. Л. 9 об.

² Там же.

первого мужа. Священник обратился к министру внутренних дел со следующими словами: «Ведь фактическим отцом вышеназванных внебрачных детей обыкновенно бывает муж жены, но только эти дети имели несчастье по какой-либо причине родиться до повенчания родителей, а потому в метриках при крещении записаны внебрачными и носят урождённую фамилию матери. Правильнее было бы называть их добрачными. <...> Таким образом, призванные на войну были единственными фактическими кормильцами и воспитателями как тех, так и других категорий названных детей. Куда же теперь девать этих невинных и несчастных малолеток? <...> Такое правило и порядок выдачи пособия ничем не будет отличаться от иродова избиения младенцев и додуматься до этого может только германский Вильгельм, но на Святой Руси это невозможно»¹. Трудно сказать в какой степени подобные настроения были характерны для различных слоев населения, но предложения об изменении положения этих детей и их матерей регулярно поступали в Министерство внутренних дел и в штаб Верховного главнокомандующего.

Так, в августе 1916 г. Главное управление по делам местного хозяйства получило ходатайства Смоленского губернского земского собрания о принятии на счёт казны выдачи пайка внебрачным детям и их матерям, племянникам и племянницам, пасынкам и падчерицам, родственникам жены по мужу-приймаку и Воронежского уездного земского собрания о принятии на счёт казны содержание семейств служащих и внебрачных семей².

Управление воинской повинности Министерства внутренних дел в своем ответе в Главное управление по делам местного хозяйства отмечало, что расходы казны на пособие семьям нижних чинов достигло к концу 1916 г. уже 1 млрд 500 млн руб., количество получателей превысило 25 млн человек³. В письме также отмечалось, что в заседании 15 февраля 1916 г.

¹ По ходатайствам об изменении закона // РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 264. Л. 17-17 об.

² Там же. Л. 45.

³ Там же.

Государственная дума постановила в порядке дополнения законопроекта Министерства внутренних дел распространить право на паек на пасынков, падчериц, племянников, племянниц, тестей, тещ, дядьев, теток, отчимов, мачех, сводных братьев и сестёр, не усыновленных приемных детей, а также внебрачных жен и детей нижнего чина, если означенные лица содержались его трудом.

Со своей стороны Государственный совет при рассмотрении того же законопроекта в заседании 2 июня 1916 г. постановил распространить право на получение пайка только на пасынков, падчериц, отчимов, мачех, племянников и племянниц, неусыновленных приемных детей, а равно внебрачных детей и их матери, прочих же указанных Государственной думой родственников исключил. «Ввиду этого вопрос перешел в особую (согласительную) комиссию, в которой в заседании 18 июня сего года голоса разделились поровну, причём члены Государственного совета и Государственной думы остались каждый на точке зрения соответственной законодательной палаты»¹. Сообщая эти сведения, Управление воинской повинности предлагало земствам осуществлять на свои средства выдачу дополнительных пособий как лицам, подходящим под действие закона 25 июня 1912 г., так и на неупомянутые в нем. В случае же принятия законодательными учреждениями нового перечня родственников, которые могли получать паек, государство должно было бы выделить дополнительные кредиты из казны.

В практике реализации закона 25 июня 1912 г. случались эпизоды, когда, казалось бы, прогрессивные законодательные нормы оборачивались проблемами для семей военнослужащих. Примечателен в этом плане пример, связанный с исполнением статей 80 и 81. Первая из них гласила: «Начальникам центральных и местных губернских учреждений предоставляется сохранять за призванными из запаса на действительную службу вольнонаемными служащими всё или часть получавшегося

¹ По ходатайствам об изменении закона // РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 264. Л. 45-45 об.

последними содержания, в зависимости от окладов такового, состава семьи и особых семейных обстоятельств...»¹ Далее шла речь об источниках выплаты таких денежных средств. Статья 81 определяла: «Семейства лиц, коим было сохранено, на основании предыдущей (80) статьи, получаемое ими содержание или часть оно, не имеют права на продовольственное пособие»².

В канцелярию по гражданскому управлению при штабе Верховного главнокомандующего от волынского губернатора было направлено прошение крестьянки села Бражинец Новоградволынского уезда Евфросиньи Протюк, в котором просительница поведала, что ее муж был призван на войну 18 июля 1914 г., т. е. на момент прошения почти два года назад. Семья призванного Ивана Протюка состояла из жены, семи детей в возрасте от 3 до 15 лет и 65-летнего отца. Из прошения жены следовало, что «последний имеет всего лишь 4 десятины земли, на которой без постороннего заработка и без способных к труду работников прожить не представляется никакой возможности»³, но в прошении на получение казенного пайка ей и ее детям было отказано. Проблема заключалась в том, что призванный на военную службу Иван Протюк до этого являлся членом Деревичского волостного суда, и его жене было сохранено получаемое им жалованье по должности, а паек, согласно статье 81 закона 25 июня 1912 г., в этом случае она получать не имела право.

Сложность ситуации заключалась в том, что оклад составлял всего лишь 8 руб. в месяц, и муж в свое время вынужден был заниматься посторонними заработками, чтобы содержать семью. Теперь, с его уходом в армию в самом начале войны, семья получала содержание мужа по 8 руб. в месяц, т. е. как минимум в три раза меньше размера государственного пособия, но права выбора у семьи не было. Принятое на основании прошения

¹ ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 32 (1912). Часть 1. № 37507. С. 845.

² ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 32 (1912). Часть 1. № 37507. С. 845.

³ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 47. Л. 192.

решение гласило: «Для того чтобы это право опять приобрести необходимо мужу ходатайствовать перед сходом об освобождении его от должности члена волостного суда»¹. Остается добавить к этому, что Евфросинья Протюк написала свое обращение 13 февраля 1916 г., а ответ от волынского губернатора последовал 5 апреля 1916 г. Неизвестно как скоро мог направить находившийся на фронте муж свое ходатайство об освобождении от должности, как быстро волостной сход мог бы его рассмотреть и когда просительница получила бы положенный паек. Примечательно, что задержки с определением окончательного размера пособий повсеместно происходили, в том числе по причине призыва на военную службу самих работников волостных попечительств: волостных писарей и их помощников, не имевших права на отсрочку.

По мере роста убежденности в том, что война не может в ближайшее время закончиться, что средств в казне становится всё меньше, инструкции в адрес волостных попечительств нацеливали их на ужесточение подходов к обследованию семей призванных на войну. Городские попечительства предвидя, «что такой порыв к жертвам на пользу семейств защитников Родины, какой имел место вслед за объявлением войны, дважды не повторяется, также заблаговременно приняли меры к сокращению своих расходов»². В таких условиях они более строго относились к обследованию имущественного положения претендовавших на казенное пособие. Например, при повторном обследовании в 1915 г. в Шлиссельбурге в 213 случаях было отказано в получении пайка³.

¹ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 47. Л. 193.

² Царскосельское городское попечительство о призрении семейств нижних воинских чинов. Отчет за период с 1 января 1915 года по 1 января 1916 года. Пг., 1916. С. 4.

³ Отчет Шлиссельбургского частного комитета по призрению семей призванных на войну запасных нижних чинов и ратников ополчения за время с 17 августа 1914 года по 17 августа 1915 года. Шлиссельбург, 1915. С. 6.

Поскольку закон предусматривал при выдаче пайка учитывать лишь жену*, детей и только при определенных условиях родителей, рассмотрение таких особенностей и решения по ним явились практически главным основанием для многочисленных жалоб и прошений, поступавших в Министерство внутренних дел, штаб Верховного главнокомандующего, в Верховный совет и другие инстанции.

Закон 25 июня 1912 г. в статье 5 предусматривал право министра внутренних дел, военного, морского и финансов, а в определенных случаях и по взаимному их соглашению издавать инструкции с целью разъяснения порядка применения законодательства «О призрении нижних воинских чинов и их семейств»¹. В результате такая инструкция от имени министра внутренних дел предписывала лицам, осуществлявшим обследование семей, выяснение того, кто по нетрудоспособности действительно содержался трудом нижнего чина. Департамент Государственного казначейства по линии Министерства финансов пошел еще дальше и циркуляром на имя управляющих казенных палат от 26 августа 1914 г., за № 189, предложил им принять меры к наиболее тщательной проверке прав на продовольственный паек родителей, братьев и сестер нижних чинов, установив два неуказанных в законе условия, которым должны были соответствовать родители нижних чинов для получения продовольственного пайка: во-первых, возраст не менее 55 лет, а, во-вторых, нетрудоспособность.

Именно эти, во многом формальные признаки, явились своеобразным яблоком раздора и основанием для многочисленных жалоб, поскольку, благодаря им, с одной стороны, значительно сужался круг родителей, имевших право на казенное пособие, а с другой – появилась возможность для

* В предложениях, поступавших в Министерство внутренних дел от попечительств поднимался вопрос о ситуации, когда «жена призванного состоит на общественной или казенной службе, получает приличное вознаграждение, а потому в поддержке правительства никакой особой нужды иметь не может», но при этом, согласно закона, получало казенное пособие (По ходатайствам об изменении закона // РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 264. Л. 25 об.-26).

¹ ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 32 (1912). Часть 1. № 37507. С. 935.

достигших 55-летнего возраста и при этом нетрудоспособных, даже при несоответствии главному критерию закона – «содержаться трудами призванного», рассчитывать на получение пайка.

Например, Костромское городское присутствие 9 февраля 1916 г. отказало в ответ на прошение в пособии Михаила Павловича Павлова у которого два сына (один из них, кстати, служил на Балтийском флоте на крейсере Аврора комендором – матросом-артиллеристом) находились в действующей армии. Автор прошения констатировал: «Лишившись их, я и моё хозяйство очутились без поддержки, тогда как семья моя довольно многочисленная, а именно: жена 49 лет и помимо поименованных сыновей ещё пять сыновей: Александр 16 лет, Иван 14 лет, Петр 12 лет, Михаил 10 лет, Василий 5 лет и дочь Вера 7 лет, причём жена больная и к трудам негодная, а сын Александр совершенно убогий с переломанной правой рукой»¹. Признав все эти сведения верными, городское присутствие отказало семье в пособии на основании того, что просителю было 50 лет, а жене 49, вместо 55.

В другом случае 65-летней просительнице, которая уже около 4 лет была вдовой, отправила на фронт трех сыновей и проживала с 20-летней дочерью, первоначально в пайке также было отказано. Она обратилась 19 февраля 1915 г. с прошением и только 25 июня 1915 г. пособие было назначено Речицким уездным попечительством².

Другой схожий случай наблюдался в Московской губернии. Там 73-х летняя вдова отправила на фронт двух сыновей, но в результате обследования Рузским уездным попечительством было выяснено, что «просительница, проживает с неотделенным сыном, имеющим бараночную пекарню»³. На этом основании в выдаче пайка ей также было отказано.

В докладной записке юридического отдела Всероссийского союза городов, составленной на основании обращений от населения и

¹ Дело о назначении продовольственного пособия // РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 47. Л. 85-85 об.

² Там же. Л. 16.

³ Там же. Л. 31.

направленной 31 июля 1915 г. в Управление воинской повинности Министерства внутренних дел, подчеркивалось, что понятие «содержание трудами призванного» с одной стороны, конечно, исключает случаи, когда «родители получают от ушедших на войну случайную и незначительную в их обиходе помощь». Недостаточно также, чтобы сын был работником в хозяйстве отца, так как этим еще не решался вопрос, «содержались ли родители собственным трудом или трудом сына, работа которого в хозяйстве отца могла идти на содержание собственных детей и жены»¹.

Однако, с другой стороны, было бы неверным требовать, чтобы родители и другие лица, находились на полном иждивении призванного (т. е. были нетрудоспособными), поскольку понятие «содержание», несомненно, было вполне применимо и к тем случаям, «когда сын оказывал хотя бы и частичную, но постоянную и необходимую помощь», без которой кардинально менялись условиях, в которых семья жила до войны².

Смысл сказанного присутствовал в правительственной инструкции о применении этих правил, подчеркивавшей, что для определения прав родителей и других лиц нужно представить доказательство того, что они «состояли на полном иждивении призванного или получали от него постоянное, необходимое для существования, пособие»³. Таким образом, получение казенного пайка не предусматривало полной нетрудоспособности родителей или отсутствия других сыновей, которые их не содержали до войны, но могли оказывать им такую помощь на данный момент.

Всероссийский союз городов предлагал отменить инструкцию Государственного казначейства с требованием наличия возраста для родителей не менее 55 лет и их нетрудоспособности как условия для получения пайка, а также «разъяснить в порядке инструкции, что

¹ Всероссийский Союз Городов. Распоряжения и циркуляры. К сведению учреждений Всероссийского Союза Городов. Октябрь 1915 г. М.: Московская Городская Типография, 1915. Часть I. С. 40.

² Там же.

³ Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Пг., 1915. Отд. 1. № 130. Ст. 6.

содержавшимися трудом призванного, должны считаться лица, состоявшие на его (*ушедшего на фронт. – А. Г.*) полном иждивении или получавшие от него постоянное, необходимое для существования пособие»¹.

В ответе из Управления по воинской повинности Министерства внутренних дел, датированном 13 августа 1915 г., отмечалось, что паек может быть не выдан при условии, что попечительство признает, что отец и без поддержки сына может прожить, хотя и не в тех условиях, в которых он жил до войны. Управление подчеркивало, что из самого размера пайка вытекает возможность удовлетворения лишь самой крайней нужды, а не покрытие возможного ущерба в хозяйстве от войны, «ибо в военное время жертвы в этом отношении являются неизбежными».

Таким образом, при оказании помощи родственникам, всецело содержавшимся за счет труда нижнего чина, попечительства обычно не встречали затруднений в применении действующего закона, говорилось далее в ответе Управления, но когда такая помощь призванного на войну была частичной – попечительствам сложно избавиться от субъективной оценки необходимости такового пособия, поэтому «замена одного выражения другим существа дела не меняет». Наконец, «Управление воинской повинности затрудняется дать ныне общее принципиальное разъяснение, особенно в виду крайнего разнообразия отдельных случаев, когда даже наличие содержания трудом призванного иногда не является в глазах попечительств решающим моментом, например, если у отца хотя и в отделе, но в той же деревне, имеются кроме призванного состоятельные сыновья»². В результате, спорная ситуация так и не получила разрешения, продолжая вызывать многочисленные прошения.

При определении степени материальной состоятельности семьи призванного попечительствам предписывалось принимать в расчёт всё

¹ Всероссийский Союз Городов. Распоряжения и циркуляры. К сведению учреждений Всероссийского Союза Городов. Октябрь 1915 г. С. 41.

² Там же. С. 42.

наличное имущество: размер земли и доходность от неё в годовом обороте, наличность хлеба в пудах, скота, размер получаемого жалованья, доходов от мельниц, маслобоен, садов, кустарных промыслов и т. д. Если в обследуемой семье состояли на службе несколько братьев, то необходимо было точно выяснить, когда и в каком порядке призван каждый и трудом кого из них содержались члены семьи. Однако, по сведениям, поступавшим в Министерство внутренних дел, все равно встречались семьи, в которых «был мобилизован только один работник, а получают они пособие рублей 25-30 в месяц, то есть такую сумму, какую мобилизованный никогда дать семье своей работой не мог. В то же время семья, лишившаяся по случаю мобилизации 2-3 работников, получает всего 7-10 рублей в месяц пособие. Такая явная и крупная несправедливость дискредитирует закон и создает в среде населения не только взаимную зависть, но даже злобу»¹.

Само же население в условиях многообразия критериев старалось представить сведения с максимальной выгодой для себя: завышался возраст родителей, занижались годы оставшихся в семье сыновей, скрывалось наличие определенного имущества, приносящего доход.

В инструкциях для попечительств не оговаривались сложные ситуации, при которых лишь часть работников была призвана на службу, т. е. семьи с двумя-тремя женатыми братьями и их общими родителями. В августе 1914 г. тульский губернатор Тройницкий в телеграмме министру внутренних дел приводил примеры ситуаций, в которых он не мог самостоятельно разобраться: «Установлен ряд случаев, когда у призванного остаются содержащиеся его трудом. Например, вдова неотделенного брата с детьми, племянники-сироты, престарелые родители жены, лица, принятые призванным на призрение до смерти и прочие. Со своей стороны полагал бы признать таких лиц имеющими право на пособие»². В одной из газетных статей был описан еще такой случай: «А вот такая трагедия. Анна Котова,

¹ По ходатайствам об изменении закона // РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 264. Л. 23 об.

² РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 285. Л. 2.

баба 38 лет. Детей, страшно сказать семеро. И она не жена, а сестра запасного, жила на его средства»¹.

Все непростые случаи требовали обстоятельного рассмотрения в кратчайшие двухнедельные сроки, отведенные законом. Однако если имущественное положение попечительствам в той или иной мере выяснить удавалось, то фактическое отношение в семье и место в ней призванного удавалось объективно определить далеко не во всех эпизодах, а иногда субъективный фактор вообще играл решающую роль.

Например, в феврале 1916 г. казак Митякинской станицы В. И. Быкадоров подал прошение на имя Верховного главнокомандующего, военного министра и Войскового наказного атамана о выдаче ему и его жене казенного продовольственного пособия. Произведенным по прошению расследованием было установлено, что Быкадорову на тот момент было 74 года, а жене – 73, т. е. лет они были весьма преклонных. В ходе обследования также было установлено, что последние пять лет их сын служил у мировых судей в другом округе, а его «земельный пай» находился в распоряжении родителей, которые жили на деньги, получаемые от отдачи пая в аренду. «Однако в последние два года казачьи земельные паи упали в цене до 40-50 руб., отдавать в аренду некому, на основании чего станичное попечительство предполагает, что Быкадоров нуждается в пропитании»².

На основе полученных данных, в Присутствии областного управления не смогли вынести решения, которое бы соответствовало нормам закона, и 18 ноября 1915 г. предложили Митякинскому станичному попечительству точно высказаться, содержался ли Быкадоров трудом мобилизованного сына, а также вообще, какими средствами к жизни он располагал и располагает в настоящее

¹ Мавра, не плачь! // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1914. № 14368. 12 сентября.

² Дело о назначении продовольственного пособия // РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 47. Л. 41 об.

время. Из полученного ответа следовало, что «это был такой хозяин дома, которого нельзя было самого не пустить из дома ни оставить дома»¹.

Закон 25 июня 1912 г. поручал лицам и учреждениям, которым было доверено дело призрения, исследовать имущественное положение призреваемых и их фактическое отношение к призванному, но не давал им права учитывать и оценивать то и другое. Они должны были только обследовать состав семьи, а окончательное решение на его основе принадлежало уездным съездам и особым присутствиям. Однако станичное попечительство считало возможным взять на себя ответственность за «целесообразное употребление» Быкадоровым, который «всю жизнь свою пьянствовал и теперь трезвый только по необходимости», продовольственного пособия и посчитало справедливым совсем лишить его казенного продовольственного пайка, назначив таковой только его жене².

Этот случай подтверждает, что возрастной фактор далеко не всегда являлся объективным в вопросах оценки степени участия членов семьи в ведении хозяйства и в их трудоспособности. Некоторые из не достигших возрастного рубежа в 55 лет не играли в семейном хозяйстве ведущей роли и находились на иждивении сына или сыновей. Во многих других случаях возрастные члены семьи, несмотря на преклонные годы, продолжали вести хозяйство, а сыновья, достигшие совершеннолетия, играли лишь вспомогательную роль в домашнем производстве.

Таким образом, реализация закона 25 июня 1912 г. прошла через различные этапы войны с неодинаковым успехом, причем это касалось как отдельных территорий, так и различных категорий жителей страны. Несовершенство мер по оказанию помощи семьям нижних чинов, составлявших абсолютное большинство российской армии, неминуемо сказывалось на представлении населения о способности или неспособности

¹ Дело о назначении продовольственного пособия // РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 47. Л. 41 об.

² Там же. Л. 42.

государства обеспечить социальную защиту своих граждан, а отклонения в ту или другую сторону, когда одни считали, что хорошо бы было всегда так материально жить и пусть эта война не заканчивается как можно дольше, а другие не в состоянии были дождаться своих кормильцев с фронта, свидетельствовали о силе государства или о его слабости, о материальном богатстве страны и об умелом распоряжении им.

По словам участника Первой мировой войны Н. А. Данилова, «Фронт крайне чутко прислушивается ко всем переживаниям своих семей и болеет за их будущее, ибо гибель главы семьи часто влечет разорение последней. Фронт будет нести все жертвы, пока дома благополучно...»¹. Подтверждением сказанного служит выдержка из анонимного письма в адрес московского городского головы М. В. Челнокова, солдата 39-го стрелкового полка, навестившего своих родных в Москве после ранения. Его автор в июле 1915 г. с гневом демонстрировал свое отношение к проблемам государственной поддержки солдатских семей: «Приеду я в свою часть, что я могу сказать своим товарищам, только одно могу сказать, что наши семьи сидят голодные, всё дорого, квартиры дорожают, съестные припасы дорожают каждый час, а паек казенный все тот же – 3 руб. и 5 руб., и то надо сходить за получением раза 2 или 3, всё говорят "завтра". <...> Бедный класс свою кровь проливает, а богачи карманы свои набивают, но, господа капиталисты, мы, солдаты, повернем свои штыки и на вас; не то, что вы подымаете дух в армии, а последний убиваете»².

Военные и гражданские власти осознавали глубину проблем, возникавших в ходе реализации закона 25 июня 1912 г. Командированные в сентябре-октябре 1914 г. в различные губернии генерал-майоры Свиты Его

¹ Данилов Н. А. Экономика и подготовка к войне : Очерки по истории подготовки к войне. М. ; Л.: Гос. воен. изд-во, 1926. С. 14-15.

² Анонимное письмо солдата 39-го стрелкового полка, находившегося проездом в Москве, московскому городскому голове М. В. Челнокову о высоких ценах на продукты и тяжелом положении солдатских семей // Москва в годы Первой мировой войны. 1914–1917 гг.: Документы и материалы / Главное архивное управление города Москвы, ГБУ «ЦГА Москвы»; Сост. Н. В. Антонова, А. С. Балакирев, Е. В. Иванова, Н. А. Филаткина, В. А. Шевченко. М., 2014. С. 168.

императорского величества докладывали, что нельзя ставить семьи призванных, если они, действительно, нуждаются в помощи в зависимости от каких-либо случайных обстоятельств и условий. «Великое дело призрения семей запасных, которое взяло на себя государство, должно поселить в душе воина, сражающегося за Отечество, непреложную уверенность в обеспеченности пропитания его семьи. Пусть он знает, что его дом и хозяйство за время его отсутствия не разорится, что семья его с голода не умрет, что ей обязательно будет выдано пособие»¹.

Однако в обнаруженных ими различных случаях в поддержке семьям было отказано по тем или иным формальным поводам. Например, в ходе экстренного заседания Казанского губернского присутствия, состоявшегося 15 октября 1914 г., губернский предводитель дворянства приводил следующие примеры: «Глава семьи взят на службу, остаются дома малые дети, которые не в состоянии себя прокормить самостоятельно, хотя бы и на отпускаемый на них паёк, так как нуждаются в постоянном уходе. Кроме того, нет указания в законе, как поступать в том случае, если из двух работников-сыновей, живших с отцом нераздельно, один призван на военную службу: следует ли выдавать пособие отцу призванного»². Таких случаев и подобных им было много по стране и генерал-майор императорской Свиты С. С. Озеров даже предлагал предоставить право губернским присутствиям и начальникам губерний «разрешать в исключительных случаях (*подчеркнуто в тексте.* – А. Г.), там, где это по подробному обследованию данной семьи представиться действительно необходимым, выдавать, в отступление от общих правил, пособия и лицам, статьей 61 упомянутого закона не

¹ Управление по делам воинской повинности. О командировании по Высочайшему повелению члена Свиты Его Величества в губернии для выяснения на местах постановки дела по выдаче продовольственного пайка семьям нижних воинских чинов // РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 271. Л. 46.

² Журнал экстренного заседания Казанского губернского присутствия, состоявшегося 15 октября 1914 г. по вопросу о призрении семейств запасных нижних чинов и ратников ополчения, призванных на действительную военную службу // РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 271. Л. 21.

предусмотренным»¹, т. е. практически нарушать действовавший закон. Конечно, такие нарушения не могли быть официально разрешены, да и использование закона по усмотрению губернского начальства, особенно в условиях нараставшего финансового дефицита, скорее привело бы к действиям в сторону запретов, а не дополнительных разрешений. Попытки же усовершенствовать закон приносили свои результаты, но не смогли принципиально повлиять на разрешение многочисленных проблем, возникавших в ходе его реализации.

¹ Управление по делам воинской повинности. О командировании по Высочайшему повелению члена Свиты Его Величества в губернии для выяснения на местах постановки дела по выдаче продовольственного пайка семьям нижних воинских чинов // РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 271. Л. 47-48.

3.2. Проблема государственной помощи семьям рядовых, находившихся на фронте, на страницах периодической печати (1914–1917 гг.)

Деление российского общества на «мы» и «они» во время Первой мировой войны не имело постоянного характера. Если в начале военных событий эта граница заметно стерлась, и основная масса населения, забыв прежние обиды, готова была нести все тяготы суровых испытаний, предоставив полное право правительству на необходимые, по его мнению, действия, то, уже начиная с 1915 г., после первых фронтовых неудач, стена между старой государственностью и новыми общественными настроениями вновь начала расти. В этих условиях газета являлась не просто источником информации, но и выразителем взглядов населения на те или иные проблемы современной жизни, и в обоих этих важных функциональных составляющих выступает сегодня в качестве самостоятельного объекта для исследования.

Необходимо сказать об особенностях распространения периодической печати в годы Первой мировой войны как в городе, так и в сельской местности. Буквально с самого начала военных действий тиражи изданий заметно подросли. Издательства газет открыто точных цифр не называли, но об этом можно судить по косвенным свидетельствам. Так, показателем роста интереса к прессе служит увеличение числа распространителей газет, которые обязаны были регистрироваться в Инспекции по надзору за книжной торговлей. По сохранившимся сведениям, до войны их насчитывалось 4000 человек, а с ее началом увеличилось до 6000. «Если считать, что в среднем каждый газетчик продаст около 300 экземпляров, то получим, что через руки газетчиков-артельщиков ежедневно проходит около 2 млн экземпляров газет»¹. Кроме зарегистрированных, всегда были распространители, главным образом подростки, которые торговали на перекрестках, у трамвайных остановок и в других многолюдных местах. Их число установить не представляется возможным.

¹ Война и газеты // Биржевые ведомости. 1914. № 14419. 7 октября.

Значительное количество газет также отправлялось из Петрограда в провинцию для местных агентов по железным дорогам багажом или через кондукторов. На станциях железных дорог выросло число киосков для продажи газет и журналов, и крестьяне близлежащих деревень по очереди отправлялись к почтовым поездам за свежими новостями и письмами с фронта¹. Таким образом, газеты и журналы являлись для населения одним из немногих источников информации о происходивших событиях, и от характера их освещения во многом могли зависеть общественные настроения как в городе, так и в деревне.

Следует правда отметить, что большая часть газет, выходивших в столичных городах, не вызывала интерес у основной массы деревенских жителей, постигших лишь основы грамоты. «Видно для господ писана эта газета, а не для нас стариков», – распространенное суждение о большинстве изданий, «не приспособленных» для деревни как по слогу, так и по содержанию публикаций². Слова: сенсация, эвакуировать, резервировать, биплан, тенденциозный и т. п., встречавшиеся почти в каждой из публикаций, были непонятны и не способствовали проявлению потребности в чтении.

Однако общий интерес к газете в деревне все же стал очевидным явлением. В первую очередь он активизировался из-за начавшейся войны и был связан с желанием узнать о фронтовых событиях, в которых принимали участие члены почти каждой крестьянской семьи. По статистическим сведениям некоторых волостных правлений, число получаемых в это время газет выросло в 20 и более раз³.

Увеличение читающих было также, несомненно, связано и с развитием грамотности в сельской местности. В период русско-японской войны крестьянам приходилось обходить до десятка изб для того, чтобы прочесть

¹ Письма и сообщения. Деревня и война // Сельский вестник. 1917. № 8. 11 января.

² Свиристелев А. А. Газеты и деревня // Сельский вестник. 1915. № 115. 3 июня.

³ Иринский. Что читает деревня? // Сельский вестник. 1915. № 264. 11 декабря.

полученное с фронта письмо, а теперь практически в каждой семье были взрослые и обязательно дети, которые могли читать. Исключением, с точки зрения обретения грамоты, по-прежнему являлись девочки, которых крестьяне неохотно отдавали в школу¹. Неграмотными в своем большинстве были и их матери-солдатки, о чем можно судить по тому, что они не могли написать свою фамилию в раздаточных ведомостях, а также по сохранившимся в архивах прошениям, написанным от их имени другими лицами. Причем некоторые из солдаток в свое время посещали школу, но затем начисто всё забыли, поскольку никогда не пользовались грамотой².

Однако и среди женского населения происходили заметные подвижки в деле обретения навыков чтения и письма, поскольку у многих из них родственники находились на фронте, и они не хотели доверять посторонним лицам свою переписку.

Учитывая возросшее значение периодических изданий в жизни населения страны, Верховный совет, возглавлявшийся императрицей Александрой Федоровной, одобрил 13 ноября 1914 г., постановление Распорядительной комиссии, признавшей необходимым выбирать из газет сведения, об отмечаемых недостатках в постановке дела призрения семей воинов, о «несвоевременности и неправильности в выдаче казенного пособия, отсутствии в той, либо иной местности благотворительных учреждений, о злоупотреблениях в деле получения пособий и т. д.»³ Предполагалось проверять полученные сведения через установление связи с организациями, упоминаемыми в критических публикациях в периодической печати. По мере накопления данных планировалось составить свод из такого рода материалов для доклада Верховному совету, который должен был принять необходимые в тех или иных случаях меры.

¹ Свиристелев А. А. Газеты и деревня // Сельский вестник. 1915. № 115. 3 июня.

² Кривенко В. С. Семьи запасных // Новое время. 1914. № 13838. 20 сентября.

³ РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 271. Л. 145.

На заседании Верховного совета, состоявшемся 14 февраля 1915 г., такой доклад «О недостатках в постановке дела призрения семей лиц, призванных на войну» был заслушан. В нем речь шла о публикациях в средствах печати за прошедшие три месяца 1914 г. В этот период в своем большинстве пресса была настроена позитивно в отношении мероприятий властей, да и кампания по выдаче казенных пайков была проведена за малым исключением успешно. В упомянутом докладе речь шла главным образом о недостоверных сведениях, опубликованных в периодических изданиях.

Так, 29 ноября 1914 г. в письме в редакцию одной из газет говорилось о том, что семьи рядовых из Красногорский волости, Лужского уезда, получили пособие только за первый месяц войны, да и то после бесконечных хождений в Лугу, находившуюся в 150 верстах от Петрограда. Проведенное обследование показало, что в этой волости продовольственное пособие было выдано за первые три месяца войны, но 21-23 ноября 1914 г. Причина задержки объяснялась необходимостью вторичной проверки списков, принятой уездным попечительством¹.

С задержкой выдачи пайка во Владикавказе была связана публикация в одной из столичных газет. Там, как было установлено позднее и озвучено в докладе, число семей, подлежащих государственному призрению составило 1650, что потребовало продолжительного времени на обследование. В октябре 1914 г. пособие от казны было выдано сразу за сентябрь и октябрь месяцы².

Гораздо более громкий резонанс вызвала публикация в «Вечернем времени» от 30 ноября 1914 г. под названием «Помощь (?) Семьям запасных». Знак вопроса в заглавии ставил под сомнение позитивную роль «сельских властей» в деле оказания помощи семьям военнослужащих, находившихся на войне. Речь шла о волостном писаре, который стал взимать сбор с писем, получаемых с фронта: «Все письма из действующей армии

¹ РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 271. Л. 145 об.

² Там же.

были обложены им особым сбором в 3, 5 и даже 20 коп.»¹ Только после вмешательства со стороны Министерства внутренних дел эти незаконные действия были прекращены.

Еще одно свидетельство касалось распоряжений волостных старшин в различных губерниях «о взимании с получаемых семьями запасных пособий особой части в уплату числящейся за семьей недоимки»². Газета представила такую печальную картину происходившего: «...жены запасных и ратников ополчения идут за 6-10 вёрст в волость, чтобы расписаться в книге в получении пособия и об уплате, а на самом деле не получают ни копейки»³.

Далее в публикации отмечалась «особая старательность» в этом деле волостного старшины из Орловской губернии, Елецкого уезда, Казиновской волости, поскольку в его волости за время войны сократилось число недоимщиков. Газета привела выдержку из письма на эту тему: «Получаем ли мы пенсию? Получаем, да вся она идет на оброк, описали у меня даже самовар. Что хочешь делай, оброк старшина велит платить. Говорили, что оброка брать не будут, сами берут»⁴.

Публикация вызвала многочисленные письма читателей из разных концов страны, подтверждавших подобную практику и в их губерниях, а в Стрешневской волости Старицкого уезда, Тверской губернии, старшина при составлении списков нуждавшихся в пособиях, отказывался вносить тех жен военнослужащих, мужья которых были призваны на войну в Петрограде или в других городах, где их застигла мобилизация. «Эти свои действия он объяснял тем, что в тех городах, где они были, пусть жены и получают пособие; на просьбы же похлопотать о переводе сумм пособия в волость, старшина соглашался только за особую плату»⁵.

¹ «Помощь (?) Семьям в запасных» // Вечернее время. 1914. № 40683. 28 ноября.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ От читателей. Вечернее время. (Из писем в редакцию) // Вечернее время. 1914. № 40683. 3 декабря.

Министерство внутренних дел направило вырезку из газеты «Вечернее время» орловскому губернатору с предложением подготовки доклада министру, соответствует ли действительности сообщенные в заметке сведения¹. Ответ последовал только 23 января 1915 г. Из него следовало, что, по полученным сведениям, казинским волостным старшиной из выдаваемых денег в виде пособий семьям рядовых, находившихся на войне, «продовольственные сборы и долги не взыскиваются, но земские и государственные сборы взыскиваются. <...> Описи имущества на предмет продажи имущества для уплаты повинности не производились»².

На основании сведений, представленных Орловским губернатором, в газете «Вечернее время» было напечатано опровержение следующего содержания: «По произведенном на месте тщательном расследовании действий волостного старшины Казинской волости выяснилось, что никаких распоряжений старшина этот в отношении уплаты каких бы то ни было недоимок семьями запасных из получаемого по положению 25 июне 1912 года не делал»³.

Из сохранившейся переписки следует, что расследование проводил местный земский начальник. Как уже отмечалось во второй главе, на них (*земских начальников*. – А. Г.) был возложен контроль за деятельностью волостных попечительств и конкретно волостных старшин, но сложность заключалась в том, что его осуществление было затруднено большой административной нагрузкой, выпавшей на чиновников.

Благодаря периодической печати выясняются и другие обстоятельства, препятствовавшие добросовестному исполнению обязанностей земскими начальниками. Так, газета «Речь» в декабре 1914 г. сообщила о деле, представленном в Рязанскую судебную палату. В соответствии с ним, некий Степанов получил должность сельского старосты благодаря земскому начальнику Готовицкому. Случай, рассмотренный в судебном порядке,

¹ РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 291. Л. 2.

² Там же. Л. 29.

³ Там же. Л. 32.

носил, наверняка, исключительный характер, поскольку за полученную должность староста вынужден был отдавать своему благодетелю всё свое жалованье. Следствием было установлено, что еще 15 человек, занимавших общественные должности, вынуждены были делать то же самое.

Готовицкий обирал и крестьян, обязывая их купить у него по завышенной цене корову (за 125 руб.), а у его жены – золотой браслет за 75 руб., хотя его стоимость составляла лишь 15 руб. Земский начальник руководил своим участком на протяжении трех лет и только жалоба крестьян на имя рязанского губернатора привела к судебному расследованию¹. Очевидно, что описанный в газете случай не был типичным, но сам факт назначения «подходящих» людей на должности в волостях являлся широко распространенным в практике земских начальников. Да и согласие на работу без жалованья означало возможность иных заработков для лиц, занимавшихся общественными работами.

Оставляя на совести орловского земского начальника правдивость предоставленных губернатору сведений, на основе которых было сделано опровержение в газете, следует констатировать, что приведенный в «Вечернем времени» факт использования пособий семей призванных на войну для уплаты различных задолженностей по платежам в казну вызвал не только массовый отклик читателей, но и государственные меры. Как уже отмечалось, в январе 1915 г. Верховный совет вынужден был признать необходимым предпринять определенные шаги к тому, чтобы предотвратить в будущем различные вычеты из пособий, которые получали семьи призванных на войну². В целом же, рассмотренные материалы публикаций в периодической печати, по мнению Совета, не требовали осуществления каких-либо неотложных мер для предотвращения вызвавших критику явлений, т. е. освещенные в печати события носили вполне частный характер³.

¹ Дело земского начальника // Речь. 1914. № 344. 20 декабря.

² Журнал Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. Заседание 8 января 1915 г. // Известия Верховного совета. 1915. Февраль-март. Выпуск четвертый. С. 27-28.

³ РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 271.

Однако в ряде случаев проверка фактов, отраженных в публикациях периодических изданий, послужила основанием к восстановлению законных прав просителей. Например, было признано, что в Борисовском уезде Минской губернии была задержана уездным попечительством выдача пособия в 19 руб. 39 коп. жене нижнего чина из-за того, что местное уездное попечительство не вполне правильно применило в данном случае закон 25 июня 1912 г.¹

Наибольший же резонанс в этот период вызвало обвинение властей со стороны известной петроградской газеты «Новое время»², описавшей случай голодной смерти старика крестьянина и его жены в Курской губернии. Мужчина и женщина, возрастом старше восьмидесяти лет были найдены закоченевшими в нетопленной избе. Сведения об этом событии «Новое время» позаимствовало из газеты «Курская быль».

В тот же день, 10 января 1915 г., курскому губернатору от начальника Управления по делам печати была направлена телеграмма по поводу статьи в местной газете и было предложено провести срочное расследование³, которое показало, что, вопреки мнению газеты, утверждавшей, что старики оказались без помощи после ухода на войну их сыновей, на иждивении которых они находились, умершие были одинокими и родственников на фронтах войны не имели. Газету обязали опубликовать опровержение⁴.

Курский губернатор Муратов в своем отношении в Министерство внутренних дел с возмущением требовал «принять исключительные меры в отношении газетчика, сообщившего вымышленные факты с целью поселить тревогу в населении»⁵. Со своей стороны министерство, обращаясь в Главное управление по делам печати, констатировало, что «такие ложные сообщения

¹ РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 271. Л. 146.

² Внутренние известия. «Человеческие документы». Курск (корреспонденция «Нового времени») // Новое время. 1915. № 13948. 10 января.

³ РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 291. Л. 11.

⁴ Там же. Л. 146.

⁵ Там же. Л. 16.

вредны не только для отдельных чиновников, против которых они направлены, но и для всего государственного порядка»¹.

Примечательно, что помимо этого вопиющего факта, в статье газеты были и другие критические высказывания относительно дела оказания помощи семьям военнослужащих, но они не встретили возражений со стороны Министерства внутренних дел и Верховного совета. Например, присутствовало такое утверждение: «...вообще на бумаге и в губернских городах, куда время от времени наезжают ревизоры из Петрограда, всё обстоит хорошо. Но стоит только окунуться в глушь, отъехать несколько десятков вёрст от губернского города, и картина меняется»².

Многочисленные подтверждения сказанному можно обнаружить в публикациях того времени, которые не были столь резонансными, но пытались отразить настроения момента. Так, даже газета монархического Союза русского народа робко замечала «...а пособия семьям запасных раздаются как кому попало»³, или «в Малоархангельском уезде выдают солдаткам пособие по разному: в одних местах по 2 р. 38 к., а в других по 2 р. 25 к. – по причинам "независимым"»⁴.

Газета «Орловский вестник» сообщала, что для установления точного возраста детей, которым полагалось пособие в полном объеме или половинном, волостное правление требовало от солдаток при обследовании семей призванных «доставления записочек» от священников о времени рождения детей. «Священник села Долженок выдачу таких записочек обратил в доходную для себя статью, беря за них с солдаток плату»⁵.

В целом же приведенных фактов нарушений закона 25 июня 1912 г. в периодической печати первого года войны встречалось не много и основная их часть касалась сельской местности. Первые выдачи пайков прошли при

¹ РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 291. Л. 17 об.

² Внутренние известия. «Человеческие документы». Курск (корреспонденция «Нового времени») // Новое время. 1915. № 13948. 10 января.

³ Правда ли? // Орел. 1914. № 85. 9 ноября.

⁴ Там же. № 96. 18 декабря.

⁵ Нам пишут из Кромского уезда // Орловский вестник. 1916. № 231. 29 октября.

активном участии общественности, при еще не опустевшей казне, при значительных сборах благотворительных средств и при высоком патриотическом подъеме. Тогда газеты были полны оптимизма и старались зарядить им всё население: «До сих пор ни в одну войну государство не проявляло такой заботливости о призрении жертв войны. Закон о пенсиях и казённом пособии – «пайке» для семейств является актом великого благодеяния, оценить которое можно лишь теперь, когда не десятки и сотни тысяч, миллионы призваны под знамена. При таком массовом отливе кормильцев ни деревни, ни города без поддержки государства не могли бы справиться с бедой, и многому множеству пришлось бы идти по миру»¹. Так оценивал в газете «Новое время» роль государства в деле помощи оставшихся в тылу семей рядовых, отличавшийся либеральными взглядами гласный Петроградской думы и Петроградского губернского земского собрания В. С. Кривенко.

Все эти положительные тенденции начинают утрачиваться к середине 1915 г., когда казна значительно опустела, а число призываемых резко увеличилось из-за новых призывов.

Однако даже при изменившихся условиях в периодических изданиях критика вопросов, связанных с назначением и выдачей казенных пайков, встречалась довольно редко. Поскольку эти проблемы носили ярко выраженный резонансный характер, военная цензура строго следила за их освещением в печати, не допуская излишнего обострения обстановки и препятствуя развитию недовольства со стороны населения. В подтверждение тому достаточно привести один пример. Так, 24 марта 1915 г. в Москву из Чистополя (Казанская губерния) в московскую газету «Русское слово» была отправлена для публикации телеграмма следующего содержания: «Целую неделю нет казенного пособия семьям запасных. Солдатки плачут. Юнусов»². Изъятая на почте депеша по приказанию командующего войсками округа

¹ Кривенко В. С. Семьи запасных // Новое время. 1914. № 13838. 20 сентября.

² РГВИА. Ф. 1606. Оп. 3. Д. 67. Л. 55.

была передана губернатору, как задержанная цензурой, для принятия последующих административных мер¹.

Власти, в отличие от прессы, были не склонны драматизировать ситуацию, которая и так была полна трагических событий, поэтому газеты старались давать на эту тему нейтральную информацию, хотя во многих случаях от возникавших проблем уходить не удавалось. Например, в публикации «Биржевых ведомостей» под обобщающим названием «Жены солдатские» была воспроизведена довольно удручающая картина: «Они приходят в попечительство каждый день. В своих потертых драповых пальто, в шерстяных платочках они похожи одна на другую, как две капли воды, одинаково бесцветные – молодые и старые, здоровые и больные»².

Говоря далее о том, что за прошедшие четыре месяца войны исчезла острота нужды первых дней, и жизнь солдаток более или менее наладилась, рассказывая о бесконечной очереди женщин, собравшихся у стола, за которым работали члены попечительства, автор публикации выбрал лишь двух из них. У одной муж служил рассыльным в типографии и получал 30 руб. в месяц. Это была небольшая заработная плата (*в основном заработок работников на производстве в Петрограде составлял к началу войны 40-50 руб. – А. Г.*), но жить на неё было можно. Теперь, когда муж оказался на фронте, женщина осталась одна с девочкой девяти лет на руках. Весь бюджет семьи состоял из тех двух «взрослых» казенных пайков (9 руб. 80 коп. на двоих), которые ей выдавали в попечительстве. Ещё за 4 месяца набежало несколько рублей из общественных пожертвований. Работать женщина не могла, поскольку у неё было больное сердце. В попечительство она пришла в связи с тем, что хозяин заявил ей, чтобы она с дочерью покинула съемную квартиру.

Другая женщина, о которой рассказывала газета, являлась гражданской женой рядового, находившегося на фронте. За ней только на днях было

¹ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 3. Д. 67. Л. 55.

² Лерин В. Жены солдатские // Биржевые ведомости. 1914. № 14469. 1 ноября.

признано право на получение пособия. До этого солдатка имела только один половинный паёк за двухлетнего мальчика, кроме которого в семье ещё была девочка 3 месяцев, но дочь по какой-то причине не включили в число получавших пособие. За все четыре месяца войны доход женщины составил всего около 15 руб. и в попечительстве ей ежедневно выдавали по бутылке молока, но поскольку маленькие дети только им и питались, то приходилось покупать ещё 2-3 бутылки в день. Кроме неё и детей в семье ещё была ее мать, работавшая прачкой и зарабатывавшая 15 руб. в месяц. За жильё семье приходилось платить 4 руб., а сама солдатка из-за детей, требовавших присмотра, не могла отлучиться на работу и даже в столовую, где попечительство раздавало бесплатные обеды¹.

В другом номере «Биржевых ведомостей» в рассказе о работе попечительства также шла речь о гражданских женах: «Мавра Волкова из нашего общежития с прозвищем Плаксунья – гражданская жена запасного. За детей получает из казны. Для гражданских жен казённого пайка не полагается. Пятнадцать лет вместе, плачет Мавра. Мавра, Не плачь!.. Гражданским женам выдаётся паёк полностью из попечительства из жертвенных денег»².

По словам автора публикации в «Биржевых ведомостях», не одна Мавра представляла собой такое грустное зрелище: «Бабья толпа. Всё больше молодые, а есть и старые. Бледные, худые, часто с заплаканными лицами, в потертой одежде. Всё праздничное снесено в ломбарды. Каждый день мы ставим печать попечительства на десятках квитанций, чтобы спасти заложенные вещи от безвременного аукциона»³.

В отличие от «Биржевых ведомостей», газета «Петроградский листок» смотрела с определенным оптимизмом на проблему, поместив на своих страницах курьезное заявление, которое поступило в Ялтинскую городскую

¹ Лерин В. Жены солдатские // Биржевые ведомости. 1914. № 14469. 1 ноября.

² Мавра, не плачь! // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1914. № 14368. 12 сентября.

³ Там же.

управу. Один из призванных по мобилизации солдат обратился с просьбой не выдавать его жене пособие от городской управы на том основании, что жена его – «женщина здоровая, бездетная, вполне трудоспособная и свободно может добыть самостоятельно средства к жизни»¹. Деньги, предназначенные ей городом, солдат просил отдавать раненым.

Специфической чертой газетного чтения в деревне, отмеченной современниками, было то, что почта поступала в волостное правление не чаще 1-2 раза в неделю, а оттуда верст за 15-20 доставлялась «с оказией», т. е. со случайным попутчиком непосредственно в деревню². В результате газеты утрачивали основной свой смысл – быть источником оперативной информации, а крестьяне не воспринимали редакции как объект обращений со своими насущными проблемами, но к концу 1915 г. ситуация стала меняться и во многих периодических издания появились рубрики «от собственных корреспондентов».

В деревне предпочитали дешевые газеты, среди которых одно из первых мест занимал «Сельский вестник», а также московские и петроградские «Копейки» и оттиски официальных телеграмм, которые в виде небольших газеток в один лист наладили печатать в некоторых уездах.

«Сельский вестник» первоначально издавался в качестве приложения к официальному «Правительственному вестнику», выходившему при Главном управлении по делам печати Министерства внутренних дел, а с 1905 г. превратился в самостоятельное издание, сохранившее полуофициальный характер. В период Первой мировой войны газета уделяла заметное внимание вопросам, связанным с назначением и раздачей казенных пайков и по ее содержанию можно судить об общих тенденциях в освещении этой проблемы.

Одной из первых публикаций на эту тему в 1914 г. была небольшая заметка «Вопрос о метриках». Для получения пособия на детей жены

¹ Не жене, а раненым // Петроградский листок. 1914. № 263. 25 сентября.

² Свиристелев А. А. Газеты и деревня // Сельский вестник. 1915. № 115. 3 июня.

уходивших в действующую армию должны были предоставить метрические свидетельства на каждого ребенка. Газета высказалась за бесплатную выдачу этих документов «без взыскания сборов гербового или в пользу причтов»¹.

Публикации газеты, рассказывавшие о жизни в деревне на протяжении всего второго полугодия 1914 г. и начала 1915 г. были полны оптимизма: «Заботы и тяготы военного времени не только не угнетают, а как будто бы вызывают особый подъем духа в населении, которое в порывах сострадания к страждущим героям войны до сих пор не останавливается ни перед какими жертвованиями на нужды действующей армии»². О существовавших проблемах в деле распределения пайков можно только судить по некоторым косвенным данным, публиковавшимся в газете. Так, 14 февраля 1915 г. встречается такая фраза: «По сведениям военного ведомства, по причине малого знакомства населения с означенным законом нередко происходят различные недоразумения»³.

«Сельский вестник» в 1915 г. ни единым словом не обмолвился об апрельских изменениях, внесенных в закон 25 июня 1912 г. относительно выдачи пайка семьям добровольно сдавшихся в плен и дезертиров⁴, хотя их принятие предусматривало проведение специальной кампании с публичным объявлением о таких фактах населению.

В одном из августовских номеров газеты 1915 г. вдруг прозвучало признание в том, что «иногда поступают в "Сельский вестник" заявления, будто бы о неправильном или неполном оказании этой помощи. При рассмотрении таких заявлений оказывается, что они возникают вследствие недостаточного знакомства заявителей с установленными законом нормами помощи, с порядком обжалования определяемых размеров пособий и вообще

¹ Сельский вестник. 1914. № 162. 24 июля.

² Настроение деревни и прибытие раненых // Сельский вестник. 1915. № 18. 23 января.

³ Сельский вестник. 1915. № 35. 14 февраля.

⁴ Высочайше утвержденное положение Совета министров. О прекращении выдачи пайка семьям добровольно сдавшихся в плен и дезертиров // Собрание узаконений. 1915. Отд. 1. 29 апреля. Ст. 988.

ввиду незнания заинтересованными лицами всех касающихся призрания действующих правил»¹.

В середине ноября 1915 г. в газете проявилась неуверенность в полноте государственных мер, предпринятых в отношении обеспечения семей рядовых, отправленных на фронт: «Воины, покинувшие свои семьи, и сами они, конечно, в полном праве спросить: мы берем на себя тяжкий крест войны и будем нести безропотно и сколько потребуется, но что сделало государство для облегчения нашего бремени, потому что чем больше позаботится оно о нас, тем спокойнее пойдут воины на смерть и тем вернее будет за нами победа?»²

Весной 1916 г. на читателей обрушился поток информации, разрушавший идиллическую картину жизни в деревне, формировавшуюся газетой на протяжении последних полутора лет. Так, в публикации под названием «Утеснение солдаток», речь шла о недоброжелательном отношении крестьян к женам нижних чинов в Костромской губернии. Побывавший после ранения на родине рядовой прислал в редакцию письмо, в котором поведал о том, что в деревне «только тем и занимаются, что нападают на солдаток, поскольку они богатые». За любую работу с них просят двойную плату, дров, которые для всех отпускаются без денег, им не дают, «а после их обращения к уряднику так стали травить, что хоть из дому не выходи»³.

В конце марта 1916 г. в «Сельском вестнике» практически развернулась кампания против волостных попечительств. Так, в газете от 30 марта 1916 г. была помещена публикация об Одоевском уезде Тульской губернии, в котором волостные попечители раздавали пайки «лицам очень богатым, на них право не имеющим, а кто имел на них право тот не получал иногда ни копейки. <...> Обобрали разбойники... Заели совсем, – жаловались "солдатки" и "старики" призванных, потоки слез которых лились и вечерней,

¹ Сельский вестник. 1915. № 177. 20 августа.

² Борис Филатович. Воину и его семье // Сельский вестник. 1915. № 145. 18 ноября.

³ Утеснение солдаток. (От собственного корреспондента) // Сельский вестник. 1916. № 71. 29 марта.

и ранней порой у подъезда волостного правления»¹. В одном из апрельских номеров речь вновь шла о волостных попечителях, которые «выдают крупные пайки своим приятелям или же лицам, сделавшим им подарочек, тогда как домохозяева бедные и имеющие, безусловно, право на казённое пособие ими обходятся и остаются без пайка»².

В другой публикации этого же месяца речь вновь шла о распределении пособий, на сей раз в Ярославской губернии. Явившиеся к волостному старшине крестьяне жаловались на то, что им не был выдан паёк. Старшина объяснил, что он распределял пособие по спискам, представленным волостными попечителями, и посоветовал просителям, которым было более 55 лет, обратиться в уездное попечительство. Тем же отцам призванных, которые были моложе 55 лет, но являлись нетрудоспособными, он рекомендовал обратиться к земскому врачу и взять свидетельство о состоянии здоровья. Просители последовали совету и узнали в уездном попечительстве, что были лишены пайка как люди материально состоятельные. Другие, нуждавшиеся в медицинском освидетельствовании, тоже потерпели неудачу, поскольку врач объяснил, что из-за обилия ходатайств такого рода он проводит осмотр только тех из крестьян, которые направляются к нему из уездного попечительства³. Корреспондент пришел к выводу, что отцам рядовых еще долго придется добиваться желаемого результата...

Следующая апрельская публикация «Сельского вестника» расширяла круг лиц, виновных в несправедливом распределении пайков. Автор письма из Казанской губернии являлся одним из членов волостного попечительства. Он утверждал, что списки получателей пайков им и его товарищами составлялись старательно и тщательно проверялись, но, тем не менее,

¹ Письма и сообщения. Из Одоевского уезда. Наблюдения и заметки // Сельский вестник. 1916. № 72. 30 марта.

² Недобросовестность волостных попечителей. (От собственного корреспондента) // Сельский вестник. 1916. № 82. 16 апреля.

³ По России. О распределении пайков. (От собственного корреспондента) // Сельский вестник. 1916. № 82. 16 апреля.

«неправильностей оказалось очень много». Причина заключалась в том, что волостной старшина и писарь никакого внимания на составленные попечительством списки не обращали. Лицам, значившимся в них, пособие не выдавалось, «а наоборот, выдают их богатым крестьянам, находящимся с волостными властями в приятельстве»¹.

Очередные жалобы на волостные власти были опубликованы в майском номере «Сельского вестника». Солдатки Игуменского уезда Минской губернии жаловались на волостного старшину, который удерживал у каждой из них при выдаче пайка по 15 коп. Старшина уверял, что эти деньги нужны для какого-то пожертвования, но какого именно не объяснил. Дело происходило при волостном попечителе, утверждавшем, что старшина удержал эти деньги в свою пользу. Здесь же была помещена корреспонденция из Никольского уезда Вологодской губернии, в которой сообщалось о том, что «волостные попечительства поступают неправильно, забыли Бога, назначают пособия семьям, имеющим большие деньги, есть такие, которые имеют свои лавки и получают пайки, а бедняков, у которых по несколько сыновей на войне лишают пособия»².

Сегодня не представляется возможным точно определить причины такой активизации внимания «Сельского вестника» весной 1916 г. к негативным тенденциям в деле распределения казенных пособий. Причины могут быть самыми неожиданными. Например, в газете мог появиться новый сотрудник, для которого данная тема была важна, и он уделял ей столь пристальное внимание. Возможно, редакция посчитала, что проблема пайков обрела в стране новое звучание и критика недостатков, связанных с их распределением, должна поощряться властями. Наконец, публикации могли быть вызваны очередной кампанией по выдаче пособий в сельской

¹ Волостные попечительства и волостные власти. (От собственного корреспондента) // Сельский вестник. 1916. № 88. 22 апреля.

² По России. Жалобы на волостные власти. (От собственного корреспондента) // Сельский вестник. 1916. № 98. 6 мая.

местности. Как бы там ни было, но после последней майской публикации редакция стала упорно обходить эти вопросы молчанием.

Газета вернулась к «теме пайка» только 28 января 1917 г., да и то, комментируя письмо солдатки, автор корреспонденции почти сразу оговорился: «Она также понимает, что требовать увеличения пайка от казны нельзя, может быть, и так много денег на войну идет»¹. В целом же содержание заметки как раз и касалось проблемы размеров получаемого пособия. Муж, который ушел на войну, был единственным работником в семье, а теперь она осталась с шестью малолетними детьми при казенном пайке в 20 руб. в месяц. «При современной дороговизне, это всё равно, что ничего. Дров купить – 12 руб. в месяц, подметки на сапоги 8 руб., керосин – 50 коп. фунт и пр.»² Коровы нет, молока детям в деревне найти нельзя. Солдатка также отмечала, что в таком же положении находятся многие молодые женщины, а в качестве предложения выдвигалась просьба об устройстве для бедных солдаток каких-нибудь доступных им заработков.

С 22 февраля 1917 г. газета «Сельский вестник» перестала выходить «сперва вследствие бывшего пожара отправочного отдела, а затем в силу чрезвычайных обстоятельств и технических затруднений»³. Возобновилось ее издание с новой редакцией и с новым подзаголовком «Народная газета», который вскоре изменился на «Народная газета Временного правительства». Названия оказались не просто вывеской, поскольку отражали более политизированное содержание издания. Редакция официально заявляла, что ставила своей целью «проведение в жизнь начал гражданской свободы и земского строительства, возвещенных в декларации Временного правительства»⁴. О настойчивости газеты в проведении этой линии можно

¹ Пожелания небогатой солдатки. (От собственного корреспондента) // Сельский вестник. 1917. № 23. 28 января.

² Там же.

³ От редакции // Сельский вестник. 1917. № 42. 21 марта.

⁴ От конторы газеты «Сельский вестник» // Сельский вестник. 1917. № 112. 24 июня.

судить по одной из редких публикаций, с очевидной политической подоплекой, в которой затрагивался вопрос о пайках.

В Сасове Тамбовской губернии состоялось собрание солдаток якобы принявших единогласно резолюцию следующего содержания: «Для поддержки на фронте боеспособности, мы, солдатки, постановили бороться с дезертирами, а именно, если наши мужья покинут фронт и явятся к нам без увольнительных билетов, то мы, солдатки, не щадя своих мужей и считая их изменниками Родины, обязуемся доносить об этом нашим сельским старостам и в волостные правления»¹. Кроме того было принято решение о необходимости воздержаться от увеличения пайка, «потому что прибавка может тяжело отразиться на государственной казне, которая и так пуста»². Оптимизм июльской публикации вскоре сменился беспросветным пессимизмом, почерпнутым из писем читателей газеты.

«Долго ли деревня наша будет страдать от дезертиров, а казна беднеть?» – спрашивал в своем письме подписчик «Сельского вестника», не сообщивший своей фамилии «из боязни перед дезертирами». Дело было в том, что беглец с фронта проживал дома, а семья его получала казённый паёк. «А если не дают пайка, дезертир лезет к носу волостного председателя и секретаря с кулаками и тем добивается желаемого». Автор письма также отмечал, что остановить такие незаконные действия никто не осмеливается, «поскольку дезертиры друг друга поддерживают, нагоняют страх...»

В другом письме речь также шла о подобных явлениях: многие солдаты, воспользовавшись отпуском или болезнью, а также отпущенные на полевые работы оставались дома и не возвращались на фронт. Семьи получали пайки, «по моему подсчету, в нашей волости наберётся несколько десятков таких солдат, на которых каждый месяц выдают более 2000 руб.»³. В третьем случае в момент получения пайка некоторые крестьяне заявили

¹ Решение солдаток // Сельский вестник. 1917. № 126. 14 июля.

² Там же.

³ Письма наших читателей // Сельский вестник. 1917. № 204. 22 октября.

дезертирам: «Не хотите идти на защиту Родины, то не надо вам и пособия давать». Однако «солдаты председателя не слушают, угрожают смертью. А таких солдат много...»¹ Поместив подборку этих писем, редакция констатировала, что в них рассматривалась одна и та же проблема, которая была характерна для разных территорий. Газета пришла к выводу, что «данное явление имеет не случайный или местный характер, а разлилось широко по всей стране, укоренилось, встречается постоянно, представляет собой не исключение, а правило»². Такое неожиданное звучание обрел вопрос о пайках в новых революционных условиях. Это была последняя публикация газеты, посвященная проблемам пособий, выдаваемых государством семьям рядовых, находившихся на войне. Вскоре сама газета прекратила свое существование из-за переворота, совершенного партией большевиков.

Таким образом, государство на всех этапах войны предпринимало значительные усилия, сопряженные с расходованием больших финансовых средств при оказании помощи семьям призванных на войну. От периодической печати в этих условиях требовалось содействие в тех случаях, когда непростое дело массовой социальной помощи населению сталкивалось с непредвиденными препятствиями. Насущной проблемой являлось обобщение первого полученного опыта, выявление проявившихся недостатков и поиск путей к устранению вызвавших их причин. Однако при этом средства печати сталкивались с практически неразрешимой проблемой. Выявленные недостатки в деле оказания помощи требовали широкого освещения с тем, чтобы предотвратить их распространение на других территориях. Предание же гласности этих вопросов грозило, по мнению властей, формированию негативного климата вокруг распределения денежного пособия, перечеркнув государственные усилия. То есть значительные средства, направленные на благое дело и призванные

¹ Письма наших читателей // Сельский вестник. 1917. № 204. 22 октября.

² Там же.

умиротворить солдат, находившихся на фронте, могли привести к совершенно противоположному результату. Поэтому прессе приходилось действовать в условиях все более ужесточавшейся военной цензуры, активно вмешивавшейся в попытки анализа возникавших проблем. В результате, столичная печать уже после первых публикаций на злободневную, но довольно рискованную, находившуюся «на грани цензурных запретов»¹ тему государственной поддержки семей рядовых, старалась придерживаться взвешенных и осторожных оценок, сохраняя за собой право эмоционального воздействия на читателей при описании деятельности городских и волостных попечительств.

Еще одной отличительной чертой в освещении в прессе проблемы призрения семей военнослужащих было то, что в первые месяцы войны газеты и журналы утверждали об исчезновении в России внутренней розни, разности интересов населения и наступлении взаимного примирения и общей решимости². «Русские ведомости», «Русское слово» сообщали об оказании всем миром помощи на земельных участках призванных запасных, когда на работы являлись крестьяне даже из отдаленных деревень³. Однако уже к концу 1914 г. эмоциональный подъем, наблюдавшийся в печати, сменяется попытками критического осмысления происходившего. Судя по публикациям, основные нарушения, связанные с несправедливыми отказами в выдаче пособий, другими злоупотреблениями, наблюдались главным образом в сфере деятельности волостных попечительств. К 1917 г. в публикациях газет постоянно звучало разочарование в реакции деревни буквально по поводу всех правительственных начинаний. В сельской местности вновь процветало пьянство, взамен помощи семьям, воевавших на фронте, пришло равнодушие, армия окончательно оказалась отрезанной от

¹ Алфёрова И. В., Блохин В. Ф. «Гасильник народного духа»: цензурные ограничения в освещении героизма фронтовиков во время Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2017. № 3 (53). С. 67.

² Жилкин И. Провинциальное обозрение // Вестник Европы. 1914. Сентябрь. С. 334.

³ Там же. С. 338.

тыла, который жил своей жизнью и все меньше интересовался продолжавшейся войной. Особенно ярко все эти тенденции проявились в эволюции газеты «Сельский вестник», которая, несмотря на неоднократную смену редакторов, отразила на своих страницах все эти тенденции.

3.3. Проблема материальной поддержки семей рядового состава Первой мировой войны в Петрограде и Москве

Рост цен на продукцию сельского хозяйства явился одним из главных признаков происходивших изменений как в России, так и в других странах, втянутых в войну. Призывы мужского населения в армию, реквизиция лошадей и скота, а как следствие – сокращение посевных площадей зерновых культур (в России с 94 млн га в 1913 г. до 85 млн га в 1917 г.)¹, создавали серьезные проблемы в снабжении населения продовольствием. В этих условиях государственное пособие семьям солдат, призванных на войну, приобретало особое значение, и недостатки, связанные с реализацией на практике закона 1912 г., с уменьшением размеров помощи в условиях нарастающей инфляции привели к росту недовольства, нарастанию ощущения социальной несправедливости. Требование увеличения размеров продовольственных пайков явились одним из лозунгов будущей Февральской революции 1917 г.

Говоря о размерах пайка, следует отметить, что для города он был слишком мал и критики закона 25 июня 1912 г. констатировали: «По-видимому, закон 1912 г. был рассчитан преимущественно на сельское население, еще в значительной степени живущее в условиях натурального хозяйства, и совершенно не учитывал условий городского быта, требующих гораздо больших расходов»². Изменение цены на муку, крупу, соль и растительное масло, служивших мерой оценки выдаваемых денежных пособий, приводило к индексации их общей стоимости. Так, по уездам и городам Смоленской губернии с 1 сентября 1914 г. размер пайка колебался от 2 руб. 40 коп. до 2 руб. 80 коп.³ Мак-

¹ Фишер Е. С. Общие проблемы снабжения населения продовольствием в тыловых районах Минского военного округа в период Первой мировой войны (на материалах Орловской губернии) // История. Общество. Политика. 2017. № 3 (3). С. 76.

² Москва в годы Первой мировой войны. 1914–1917 гг.: Документы и материалы / Главное архивное управление города Москвы, ГБУ «ЦГА Москвы»; Сост. Н. В. Антонова, А. С. Балакирев, Е. В. Иванова, Н. А. Филаткина, В. А. Шевченко. М., 2014. С. 610.

³ РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 271. Л. 34.

симальный в этот период паек для Тверской губернии равнялся 3 руб.¹, для Владимирской – 3 руб. 7 коп.², в уездах Рязанской губернии – 3 руб. 12 коп.³, в Калужской – 3 руб. 18 коп.⁴, в Тульской – 3 руб. 5 коп.⁵, в Орловской – 2 руб. 81 коп.⁶

Особый статус столичных городов predetermined и иное решение здесь проблемы пайков. Московское городское управление приступило к организации помощи семьям лиц, призванных на действительную военную службу сразу же после объявления 17 июля мобилизации в городе. Для этого были использованы уже существовавшие городские участковые попечительства о бедных⁷. Поскольку проблема беднейшего населения в условиях начавшейся войны не только не была снята, но и обрела дополнительную остроту, попечительства Петербурга-Петрограда и Москвы вынуждены были решать двойную задачу: оказывать благотворительную помощь семьям призванных на фронт и беднякам.

В начале войны финансовые возможности городов позволяли, не дожидаясь поступления средств от казны, приступить к раздаче денег из городских средств. Поскольку размер пайка еще не был установлен. Администрация Москвы решила выдать первое пособие исходя из собственных расчетов: 5 руб. на взрослого члена семьи и в размере 3 руб. на ребенка до пяти лет. Казенное пособие, определенное правительством для города и Московской губернии в августе 1914 г. составило 3 руб. 60 коп. на взрослого и 1 руб. 80 коп. на ребенка⁸. Размер выдаваемых денег за пределами города Москвы был еще меньше и определялся для каждой конкретной территории (уезде, округе, волости, гмине,

¹ РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 271. Л. 36.

² Там же. Л. 38.

³ Там же. Л. 40.

⁴ Там же. Л. 41.

⁵ Там же. Л. 42.

⁶ Там же. Л. 43.

⁷ Москва в годы Первой мировой войны. 1914–1917 гг.: Документы и материалы / Главное архивное управление города Москвы, ГБУ «ЦГА Москвы»; Сост. Н. В. Антонова, А. С. Балакирев, Е. В. Иванова, Н. А. Филаткина, В. А. Шевченко. М., 2014. С. 555.

⁸ РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 271. Л. 142 об.

станции) отдельно. Например, на границе губернии, на другом берегу реки Оки, отделявшей московский Коломенский уезд от Зарайского уезда Рязанской губернии, паек выдавался в размере лишь 2 руб. 39 коп.¹

Однако недостаточность пайка для Москвы была отмечена собранием попечителей уже в заседании 22 августа 1914 г. На необходимость его увеличения обратила внимание и Московская городская дума, которая в заседании 19 августа поручила городской управе представить по этому вопросу доклад. Наконец, на Съезде городских голов, проходившем в Москве в начале августа, было указано, что при расчете пайка городских жителей закон совершенно не принимал во внимание расходов на квартиры и что в этом отношении желательно соответственное изменение закона².

Условия проживания в Москве потребовали от московских властей уже в конце сентября 1914 г. обратиться в Верховный совет с просьбой об увеличении государственного пособия для семей нижних чинов. Для взрослых предлагалось все-таки увеличить паек с 3 руб. 60 коп. до 5 руб., а детям до пятилетнего возраста выплачивать 3 руб. вместо 1 руб. 80 коп.

Согласно закону 25 июня 1912 г., допускалось увеличение стоимости пайка (статья 65) исключительно в зависимости от изменения цен на продукты. Однако Московская дума обосновывала свое ходатайство вообще дороговизной жизни в Москве по сравнению с другими районами страны³. Однако Верховный совет подчеркнул в своем решении, что указанное обстоятельство не может служить основанием для повышения размера казённого пайка, «выдаваемого всем семьям нижних чинов, пользующихся по закону правом лишь на продовольственное, а не квартирное либо иного рода дополнитель-

¹ РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 271. Л. 29.

² Москва в годы Первой мировой войны. 1914–1917 гг.: Документы и материалы. С. 561.

³ Доклад по вопросу о дополнении действующих узаконений о призрении семейств нижних чинов временными правилами по случаю войны с Германией, Австро-Венгрией и Турцией. Заседания 19 и 29 сентября и 22 октября 1914 года // РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 329. Л. 21.

ное пособие»¹. Стремление со стороны московских властей улучшить жилищно-бытовые условия семей нижних чинов вызвало критику со стороны Финансовой комиссии Верховного совета: «Подобное предположенному повышение в отдельных местностях размера казённого пайка не могло бы достигнуть цели, так как, без сомнения, на 5 руб. и даже на 6 руб. в месяц в столичном городе невозможно покрыть все расходы по квартире, пропитанию, одежде, обуви и т. п.»²

Из сведений, которые были представлены Министерством внутренних дел, следовало, что количество человек, получающих казенные продовольствие в Москве, достигло 62878, в том числе детей в возрасте менее 5 лет 18750 лиц. В случае увеличения стоимости пайка дополнительный расход составил бы 84259 руб. 20 коп., в том числе для детей – 22620 руб. в месяц³. В то же время, учитывая, что особые условия проживания в Москве, действительно требуют прийти на помощь тем семьям призванных, которые особенно нуждаются в ней, комиссия высказалась за предоставление им дополнительной благотворительной помощи через Комитет великой княгини Елизаветы Федоровны. Для этого было решено передать комитету из средств Верховного совета 50 тыс. руб.⁴

В итоге, всё же для Москвы, а также и для Петрограда паек был увеличен до 5 руб. на взрослого и до 2 руб. 50 коп. на ребенка до 5 лет. Верховный совет в полной мере отдавал себе отчет в том, что этих сумм было недостаточно для обеспечения семей всем необходимым. По мнению петроградских рабочих, участвовавших в попечительстве, нуждающимися в дополнительной благотворительной помощи следовало признать семьи, в которых на одного человека приходилось менее 10 руб. в месяц.

¹ Доклад по вопросу о дополнении действующих узаконений о призрении семейств нижних чинов временными правилами по случаю войны с Германией, Австро-Венгрией и Турцией. Заседания 19 и 29 сентября и 22 октября 1914 года // РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 329. Л. 21

² Там же. Л. 22.

³ Там же. Л. 21 об.

⁴ Там же. Л. 22.

Уже в январе 1915 г. стоимость продуктов, входивших в состав пайка выросла в Москве до 4 руб. 03 коп.: мука ржаная, определяемая в пайке в размере 1 пуда, 28 фунтов стоила по 4½ коп. (3 руб. 6 коп.); гречневая крупа – 10 фунтов по 7 коп. (70 коп.); соль – 4 фунта по 1½ коп. (6 коп.); масло подсолнечное – 1½ фунта – 14 коп. (21 коп.)¹. Основной рост был связан с увеличением цены гречневой крупы на 1 коп, ржаной муки и соли – на ½ коп.

Еще более сложная ситуация наблюдалась в Петрограде. Согласно распоряжению петроградского градоначальника, генерал-майора, князя А. Н. Оболенского 5 декабря 1914 г. были объявлены цены на предметы первой необходимости, установленные для столицы и пригородов. Мука ржаная должна была стоить не выше 1 руб. 30 коп. за пуд; мука пшеничная крупчатка 1-го сорта – не выше 2 руб. 90 коп. за пуд (7½ коп. за фунт); хлеб печеный, черный обыкновенный – не выше 3 коп. и ситный – не выше 6 коп. за фунт. Крупы: ячневая – не выше 5½ коп., овсяная – не выше 7 коп., перловая – не выше 5½ коп., гречневая – не выше 7 коп., рис – не выше 10 коп. за фунт. и пшено – не выше 5½ коп. за фунт. Масло сливочное – не выше 65 коп., столовое – не выше 52 коп. (в июне 1915 г. его цена выросла до 60 коп.) и кухонное – не выше 44 коп. за фунт (в июне 1915 г. цена составляла 50 коп.).

Горох должен был стоить не выше 6 коп. за фунт. Макароны – не выше 10 коп. за фунт (высшие сорта – не выше 12 коп. за фунт). Молоко – не выше 10 коп. бутылка (стерилизованное – не выше 15 коп. за бутылку). Для сравнения – в 1913 г. бутылка молока стоила 8 коп.²

Соль – не выше 2 коп. за фунт. Керосин – не выше 5 коп. за фунт. Масло постное: подсолнечное и льняное – не выше 16 коп. за фунт. Сахар колотый – не выше 17 коп. и пиленый не выше 18 коп. за фунт чистого веса (без упаковки). Цыплята (весом до 1 – 1½ фунта) – не выше 60 коп. за штуку,

¹ РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 271. Л. 143.

² Продовольствие Петрограда за время войны. Доклад городскому Продовольственному комитету члена комитета, гласного М. П. Федорова. Пг., 1915. С. 35.

куры «молодые» (не выше 1 – 1½ фунт веса) – не выше 35 коп. за фунт чистого веса, куры «старые» – не выше 30 коп. за фунт тоже чистого веса¹.

Следующее объявление петроградского градоначальника вышло уже 8 декабря, т. е. спустя 3 дня. Цены изменились на ржаную муку и керосин, подорожавших на 1 коп.² и было очевидно, что попытки ограничения цен, предпринятые властями, не давали абсолютного результата. Потребовалось подключение военных властей и Министерства внутренних дел к решению этих проблем.

Так, начальник Петроградского военного округа, по сообщениям в печати, опубликованным 20 декабря 1914 г., обратился к городскому голове графу И. И. Толстому³ с отношением по поводу повышения цен в столице на все предметы первой необходимости и в особенности на пищевые продукты. «"Принимая во внимание, – что на основании положения об общественном управлении в Петрограде попечение об удешевлении предметов первой необходимости и пищевых продуктов относится к первой заботе и главной обязанности городского управления", начальник округа просит городского главу немедленно принять под свое руководство те организации, которые ставят своей целью устранение дороговизны предметов первой необходимости»⁴.

Петроградский городской голова в ответ на эти запросы представил особую записку о продовольствии столицы за 6 месяцев войны, в которой отмечалось, что деятельность городского общественного управления нередко сталкивалась с непреодолимыми препятствиями со стороны некоторых ведомств, неосведомленных об острой нужде города в различных продуктах

¹ Объявление петроградского градоначальника // Речь. 1914. № 331. 7 декабря.

² Объявление петроградского градоначальника // Речь. 1914. № 335. 11 декабря.

³ Иван Иванович Толстой находился на должности городского головы Петербурга-Петрограда с 1912 по январь 1916 г. Толстой активно боролся с «общей бесчестностью» и взяточничеством, но вынужден был покинуть занимаемую должность по состоянию здоровья и не видя «никакого смысла» в продолжении этой безрезультатной борьбы (Толстой И. И. Дневник. 1906–1916 / Публикация Л. И. Толстой. СПб., 1997. С. 677). В мае 1916 г. И. И. Толстой умер в Крыму.

⁴ Продовольствование Петрограда // Речь. 1914. № 344. 20 декабря.

и принимавших меры, которые зачастую шли вразрез с интересами населения столицы. «В виду этого заявления, поддержанного и петроградским градоначальником, при главном начальнике Петроградского военного округа было созвано междуведомственное совещание, на котором была выяснена необходимость в продовольственном деле объединенных действий всех заинтересованных ведомств»¹. К весне 1915 г. в Петрограде, в сравнении с довоенным, 1913 г., цены поднялись на гречневую крупу на 71%, на ржаную муку на 68%, на муку пшеничную выросли на 20,1%, на рис – 54,8%, на пшено – 40%, на мясо – 16,9%, на сахар-рафинад – 12,1%².

Причины подъема цен в России с момента объявления войны, разумеется, не были связаны только с проблемами спекуляции. Главнейшими из них выступала необходимость снабжения армии, уже упомянутое значительное уменьшение рабочих рук в сельском хозяйстве, запрет на вывоз из прифронтовых районов продовольствия, нарушение в условиях мобилизации и переброски войск продовольственных транспортных перевозок.

Однако присутствовали и субъективные факторы: накопление у сельского населения за счет поставок в армию и запрета на продажу водки денежных средств. Наконец, как это ни парадоксально, выдача казенных пайков в деревнях семьям ушедших на войну избавило часть из них от денежной нужды и позволило придерживать сельскохозяйственную продукцию для собственных нужд.

Несмотря на предпринимаемые меры, ситуация менялась только в худшую сторону, а к началу 1917 г. превратилась в «критическую». В начале февраля 1917 г. газеты сообщали: «Городская управа выяснила, что в Петрограде замечается полное отсутствие ржаной муки. Острая нужда последних дней была отчасти устранена тем, что управа раздала из своих запасов 330000 пудов муки, но теперь раздавать нечего. Управа предполагает

¹ Продовольствие Петрограда за время войны. Доклад городскому Продовольственному комитету члена комитета, гласного М. П. Федорова. С. 49-50.

² Там же. С. 11.

воспретить кормление лошадей ржаной мукой и рекомендовать населению расходовать хлеб как можно экономнее»¹.

Однако, несмотря на все эти трудности, расхождения в величине пайка в Москве и в Петрограде, в сравнении с другими близлежащими территориями, породили ситуацию, вызвавшую противоречивые подходы к ней со стороны Министерства внутренних дел, неопределенность позиции Совета министров и недовольство семей призванных на войну, а столичные города превратились в центр притяжения нуждавшихся солдатских семей. Размеры выдаваемых там пайков, резко контрастировавших с пособиями в остальных районах страны, превратились в заветную мечту, толкали на переселение в столицы.

Например, перепись населения Москвы, проведенная в начале 1917 г., показала, что в городе проживало «значительно больше двух миллионов человек»², тогда как в 1912 г. численность составляла чуть более полутора миллионов жителей. Призывы в армию должны были неминуемо уменьшить число проживавшего здесь населения, но происходили обратные процессы.

В Российском государственном историческом архиве (РГИА) сохранилось дело «О прекращении выдачи пайка семьям нижних чинов, прибывших в город Петроград». Начато оно было 14 января 1916 г., а завершилось при Временном правительстве в начале 1917 г. Проблема заключалась в следующем: от заведующего продовольственным делом в империи В. В. Ковалевского на имя С. А. Куколь-Яснопольского, занимавшего тогда должность начальника управления по воинской повинности, а позднее – товарища (заместителя) министра внутренних дел А. Д. Протопопова, было отправлено письмо, в котором сообщалось о совещании министров внутренних дел, военного, земледелия, торговли и промышленности, а также путей сообщения, на котором был поднят вопрос «о желательности, в видах обеспечения предметами первой необходимости

¹ О продовольствии Петрограда // Сельский вестник. 1917. № 33. 10 февраля.

² Сельский вестник. 1917. № 33. 10 февраля.

населения города Петрограда, при ограниченной провозоспособности железных дорог, обслуживающих столицу, принять меры к прекращению наплыва в Петроград и к возможной эвакуации отсюда семей призванных на войну, привлекаемых сюда увеличенным размером продовольственного пайка»¹. В. В. Ковалевский просил изложить соображения о мерах, которые необходимо было принять для решения проблемы перегруженности города пришедшим населением.

В последовавшем ответе отмечалось, что «стоимость продовольственного пособия в Петрограде и его уезде к тому времени была установлена в 6 руб. 90 коп. на человека в месяц, в остальных же уездах губернии – 4 руб. 50 коп., а в уездных городах от 4 руб. 90 до 6 руб.»². Таким образом, преимущество семей призванных на войну солдат, проживавших в Петрограде, в отношении казенного продовольственного пайка выражалось в большем его размере, по сравнению с провинцией.

С. А. Куколь-Яснопольский в качестве меры ограничения притока в столицу семей рядового состава предлагал постановить, что «семьи нижних чинов, не проживающие в Петрограде, или пригородах и уезде во время призыва главы семьи на военную службу, пользуются пайком по стоимости его в месте их последнего перед приездом жительства»³.

По данным учета населения, полученным 1 ноября 1915 г. и опубликованным в официальной газете «Правительственный вестник», в Петрограде и окрестностях проживало 2 млн 318 тыс. 645 человек. Из них в городской черте – 1 млн 910 тыс. 580 человек, или 82,4 %. По сравнению с 1910 г. население возросло на 413 тыс. 56 человек, или на 21 %⁴. Газета отмечала: «Такой прирост населения нельзя не признать значительным, если принять во внимание, что большое количество жителей Петрограда

¹ РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 350. Л. 1.

² Там же. Л. 2.

³ Там же. Л. 2 об.

⁴ Петроград и его городское хозяйство за последние 10 лет // Правительственный вестник. 1916. № 124. 10 июня.

призваны на военную службу или, обслуживая тыл, находились в районе военных действий»¹.

Специально проведенные подсчеты показали, что с сентября по декабрь 1914 г. в Петроград прибыла из провинции 191 семья призванных нижних чинов, в 1915 г. таких семей прибыло 9358². В Особом по городу Петрограду присутствии, которое занималось выдачей пособий, в 1914 г. состояло на учете 35 913 семей, в декабре того же года – 43 736 семей, к концу 1915 г. – 87 884 семьи и к первому июня 1916 г. – 108 826 семей³.

Параллельно наблюдался и рост выдаваемых денежных сумм в виде казенного пайка. В начале войны он был определён в 3 руб. 72 коп., в сентябре 1914 г. был увеличен до 4 руб. 90 коп. в месяц на человека, и, наконец, с 1 июля 1915 г. паёк достиг 6 руб. 90 коп. В том же направлении изменялись выдаваемые суммы по пригородам столицы и уездам⁴.

Впрочем, в предоставляемых из попечительств в Министерство внутренних дел сведениях регулярно подчеркивалось, что «увеличение числа семей находится в тесной связи с каждым призывом, каковых от начала войны до настоящего времени (*до февраля 1916 г.* – примеч. автора, А. Г.) было девять»⁵. Однако было очевидно, что не только регулярные призывы играли роль в увеличении числа получателей государственного пособия.

После проведенных специальных консультаций 1 июля 1916 г. Совет министров принял непопулярное решение с целью «разрежения столичного населения», считая, что с окончанием сельскохозяйственных работ начнется новый приток в Петроград жителей провинции. В журнале заседания говорилось следующее: «На основании статьи 87 основных государственных законов (Свод законов, том 1, часть первая, издание 1906 года) в изменение и дополнение подлежащих узаконений: прекратить, с 15 июля 1916 г., выдачу

¹ Петроград и его городское хозяйство за последние 10 лет // Правительственный вестник. 1916. № 124. 10 июня.

² РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 350. Л. 6.

³ Там же. Л. 38.

⁴ Там же. Л. 38-38 об.

⁵ Там же. Л. 19 об.

продовольственного пособия в Петрограде и Петроградской губернии членам семей нижних чинов, прибывших в названный город и губернию после указанного срока и ранее здесь пайка не получавших»¹.

Однако спустя десять дней начальник Петроградского военного округа С. С. Хабалов письменно обратился к министру внутренних дел Б. В. Штюрмеру и, сославшись на соображения сенатора Б. М. Якунчикова, руководившего одним из столичных городских попечительств, заявил о крайней нежелательности осуществления намеченного Советом министров прекращения выдачи пайка семьям нижних чинов, прибывших в Петроград после 15 июля 1916 г.² Поскольку еще не было получено утверждение решения Совета министров императором, имелась возможность его изменить.

Доводы Б. М. Якунчикова сводились к следующему: «Кроме материальной заботы о семьях призванных, население в выдаче пайка усматривает особую царскую милость к верным сынам Родины, ставшим грудью на защиту Отечества. Эта точка зрения подкрепляется и теми Высочайшими повелениями, в силу коих пайка лишаются семьи лишь нижних чинов, совершивших побег или добровольно сдавшихся в плен неприятелю. Едва ли было бы возможно приравнять к семьям таких преступников лиц, почему-либо приезжающих в Петроград, в особенности, пока доступ в столицу ни для кого не закрыт. <...> Можно быть вполне уверенным, что осуществление намечаемой меры даст очень благодарную почву для сеяния всякой смуты, для распространения прокламаций в том смысле, что царь жалует народ, а правительство его обездоливает»³. По мнению Б. М. Якунчикова, правительственные меры, которые могли коснуться лишь очень ограниченного круга семей, были способны, однако, нанести непоправимый ущерб в плане разрушения представлений о твердости обеспечения прав тех, кто сражался на фронтах войны.

¹ РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 350Л. 51.

² Там же. Л. 60.

³ Там же. Л. 63.

В результате намеченные действия по отношению к пришлому населению города Петрограда приняты не были, но они распространялись на городские пригороды, которые регулярно пополнялись новыми жителями. Вполне оправдались и опасения властей относительно дальнейшего прироста населения города за счет семей из провинции, которые пытались, перебравшись в Петроград, поправить свое материальное положение. Острота проблемы доказывается тем обстоятельством, что пришедшему к власти Временному правительству пришлось вскоре искать ее решение, поскольку доведенные до отчаяния трудностями военного времени, «численно возросшие с начала войны женщины-работницы российских городов проявляли необычную политическую активность»¹.

Управляющему делами Временного правительства В. Д. Набокову уже 25 апреля 1917 г. была направлена записка, раскрывавшая содержание принятых решений о выдаче казенного пайка в Петрограде и окрестностях². В ней отмечалось, что Петроградское уездное попечительство ходатайствовало об отмене в пригородах столицы введенного ранее ограничения, поскольку оно вызывает серьезные возмущения со стороны получавших продовольственный паек семей солдат, недовольных тем, что при одинаковой стоимости жизненно важных продуктов как в столице, так и в пригородах выдачи пайка в меньшем размере, чем в столице, являются несправедливыми³. Ко всему прочему, по утверждению исполнявшего обязанности министра внутренних дел С. Д. Урусова, «ограничение пайка для прибывших из провинции не остановило наплыва в столицу и пригороды ее, но вызвало лишь недовольствия»⁴. В итоге Временное правительство вынуждено было искать решение проблемы, доставшейся ему от прежней власти.

¹ Алферова И. В. Большевистская женская печать: к истории становления (1914 – 1920-е гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12): в 3-х ч. Ч. III. С. 18.

² РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 350. Л. 80.

³ Там же. Л. 82.

⁴ Там же.

Правоограничение в отношении жителей пригородов Петрограда были сняты. Однако оставались другие многочисленные проблемы, связанные с несовершенством системы «обязательной пайковой нормы» для семей рядовых, поскольку многодетные семьи получали деньги только на питание и перед ними неминуемо вставали материальные проблемы, связанные с приобретением обуви и одежды, содержанием жилья, отоплением и т. п. Оставался нерешенным и вопрос об адресной поддержке населения, активно обсуждавшийся в предыдущие годы, так как «во многих случаях паёк совершенно излишняя роскошь, во многих других – он абсолютно недостаточен»¹. Сохранялась и неоднократно критикуемая практика, повсеместно существовавшая при распределении помощи на основе одних только количественных показателей («по количеству ртов»).

Новой власти пришлось искать ответы и на массу других вопросов, доставшихся ей в наследство от прежнего режима и связанных с социальной поддержкой семей сражавшихся на фронте солдат. Заместитель министра-председателя Н. В. Некрасов и министр внутренних дел Н. Д. Авксентьев 8 августа 1917 г. подписали документ под названием «О некоторых мероприятиях по Петрограду». «В видах ослабления продовольственных затруднений» предполагалось «воспретить на всё время войны, въезд в Петроград лицам, не проживающим постоянно в столице, либо не состоящим там на службе или не имеющим иных, связанных с нею определенных занятий, иначе как по особым удостоверительным свидетельствам, выдаваемых на основании правил, имеющих быть установленными министром внутренних дел, по соглашению с военным министром»². Если в начале войны расход на выдачу пайка составлял 15 млн руб., то к сентябрю 1917 г. он достиг 323 млн руб. в месяц. Общее число лиц, получавших пособие на тот момент, превысило 37 млн.

¹ Обязательная пайковая норма и ее дефекты // Вестник помощи семьям воинов и бедным. 1916. № 5 (25). 10 апреля.

² Вестник Временного правительства. 1917. № 143 (189). 1 сентября.

Таким образом, верховная власть столкнулась с массой неразрешимых или трудноразрешимых проблем даже в тех направлениях деятельности, которые изначально должны были обеспечить ей стабильность ситуации на фронте и в тылу. В значительной мере, хотя российское правительство активно пыталось решить сложную задачу поддержки семей рядовых солдат, это относится к выдаче «казенных пайков», обернувшейся гигантскими государственными расходами, но, тем не менее, превратившейся в острую социальную проблему накануне Февральской революции 1917 г.

В 1917 г. размер пайка в Петрограде достиг уже 15 руб. в месяц., а в среднем по стране – 8 руб.¹ Самое же главное заключалось в том, что справедливость в выдаче пособий от государства, их размер являлись своеобразным критерием в оценке новой власти, а эта справедливость / несправедливость затрагивала интересы свыше 40 млн человек, включавших в себя и тех, кто получал пособие, и тех, кому в нем было отказано.

Таким образом, проблемы, проявившиеся в сфере попечения, оказали влияние на развитие протестных настроений накануне Февральской революции, вылившись в конкретные требования женских демонстраций, проходивших под лозунгами: «Прибавка пайка семьям солдат». При новой власти изменилась риторика требований, но осталась неизменной их суть: «Прибавку пайка семьям солдат, защитникам свободы и народного мира».

¹ РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 529. Л. 6.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Осуществленный в диссертационном исследовании анализ показал, что закон 25 июня 1912 г., направленный на поддержание семей нижних чинов в условиях военного времени, в корне изменил позицию российского правительства в деле оказания социальной помощи, переводя ее из сферы благотворительности и зависимости от наполняемости земской кассы на начала государственного обеспечения.

Итогом предпринятых государством изменений явилось то, что в годы Первой мировой войны казенное пособие выступало в качестве одного из важнейших жизненных элементов, способных оказывать поддержку семьям военнослужащих, сражавшихся на фронте. Оно играло заметную роль в жизни российского тыла на протяжении всего периода военных испытаний.

Необходимость сбалансирования использования различных инструментов закона 25 июня 1912 г. проявилась уже с самого начала военных действий. Война выявила множество новых ситуаций, которые не были предусмотрены в законодательстве о помощи семьям нижних чинов. Исследование показало, что поправки касались пособий семьям военнослужащих, которые поступили на действительную службу охотниками или добровольцами как до объявления общей мобилизации, так и после нее, российских подданных, которые были призваны на действительную службу за границей, в армии союзных государств, а также рядовых, не имевших российского гражданства, но служивших в российской армии, нижних чинов 1-го Дагестанского полка, который входил в состав регулярной армии, а также казаков-добровольцев. Рассматривалась возможность расширения круга лиц из числа других родственников, претендовавших на получение пайка.

Наконец, изменения касались вычетов из продовольственного пособия в счет погашения долгов и недоимок семей призванных, рассматривались ситуации, при которых пенсия, назначенная нижнему чину, не достигала

размера пайка. Правительством были установлены предельные сроки выдачи продовольственных пособий семьям призванных.

При анализе деятельности государственных и благотворительных организаций, направленной на реализацию закона 25 июня 1912 г., в диссертационном исследовании упор делался на факторы, иллюстрирующие процесс принятия политических решений, служившие правительственными инструментами в годы войны. Так, изучение обширной базы источников позволило выявить историю принятия изменений к закону, направленных на прекращение выдачи пайка семьям добровольно сдавшихся в плен и дезертиров.

Установлено, что материальная (лишение пособия), и моральная (публичное объявление о причинах отказа в выплате пособия) составляющие оказывали воздействие на солдат и на население лишь при сохранении ценности пайка. По мере утраты веры в справедливость войны для России и роста инфляции, обесценивавшей государственную помощь, это воздействие снижалось, а ценность жизни кормильцев возрастала, увеличивая число дезертиров и добровольных военнопленных.

Исследование показало, что опыт реализации закона 25 июня 1912 г. сложен и многогранен. На разных этапах войны он играл как ключевую роль, связанную с обеспечением стабильности обстановки в тылу и на фронте, так и деморализующую, лишая из-за формальных признаков государственной поддержки тех, кто в ней нуждался и не был способен себя обеспечивать самостоятельно, за счет собственного труда.

Применение закона на практике в конкретной работе с населением имело много разных уровней и результатов, при которых одни получали возможность безбедного существования, а другие, наиболее уязвимые в социальном отношении, оказывались за чертой бедности. В решении этих проблем сам закон был бессилен, и всё зависело от конкретной деятельности городских и волостных попечительств.

Работа с документальными свидетельствами показывает, что такая работа не могла давать строго гарантированных результатов. Социально-экономические условия почти 40 млн человек, охваченных действием закона, были слишком сложны и зачастую не поддавались верным оценкам проводимых попечительствами обследований.

Анализ деятельности этих организаций показал, что в сельской местности наблюдался острый кадровый дефицит, и дело призрения было отдано на откуп волостным старшинам. Городские попечительства опирались на более опытных служащих городских управ и органов административного управления, служащих земств, но зато здесь было гораздо больше материальных проблем, на первом месте из которых стояла аренда помещений для солдатских семей, неспособных самостоятельно оплачивать жилье после ухода кормильцев на фронт. Казенное пособие не могло также помочь решить проблемы нуждавшихся в усиленном питании взрослых и детей, в снабжении одеждой, обувью, дровами.

В то же время анализ особенностей функционирования волостных, а особенно городских попечительств, позволяет сделать вывод о том, что на фоне затянувшейся войны и вытекавшего из этого оскудения бюджетов, роста цен и дефицитов, реализация закона 25 июня 1912 г. способствовала проявлению общественной добровольной инициативы, активизации людей, осознававших гражданское значение своей работы. Поэтому многие попечительства были свободны от различного рода злоупотреблений в деле социальной защиты семей призванных на фронт.

Однако анализ правовой базы, обеспечивавшей функционирование такой системы, изучение деятельности городских и волостных попечительств в 1914–1917 гг., оказавших непосредственное влияние на формирование новых, характерных для условий войны отношений в городе и деревне, позволяет сделать вывод о том, что события февраля 1917 г. во многом были предопределены недостатками проводимой социальной политики.

Примечательно, что к таким результатам правительство страны пришло несмотря на огромные государственные расходы. Так, Управление воинской повинности Министерства внутренних дел в сентябре 1917 г. констатировало, что «в начале войны расход на выдачу пайка составлял 15 млн руб., теперь уже достиг 323 млн руб. в месяц, общее число пайков превышает 37 млн, а весь расход за время войны равняется 3 млрд 265 млн руб.»¹

Анализ работ отечественных исследователей, сопоставление положений закона 25 июня 1912 г. и многочисленных прошений, поступавших в Верховный совет, в штаб Верховного главнокомандующего, в губернские присутствия позволяют сделать вывод о том, что выдача денежных пособий от городских и особенно волостных попечительств сопровождалась многочисленными проблемами и проволочками, вызывая рост недовольства в городе и в деревне.

Если в первые месяцы войны эти проблемы в деревне, откуда черпались основные резервы для действующей армии, не имели серьезных последствий, благодаря значительным средствам, потраченным на снабжение армии продуктами питания, «упряжным скотом и предметами снаряжения», выкупаемыми у сельского населения, то с продолжением военных действий полученные средства иссякли, а выдаваемое государством пособие не смогло оказать реальной помощи в компенсации ущерба, нанесенного призывом на фронт работников из солдатских семей.

Предпринятый в диссертации анализ периодической печати, освещавшей проблемы социальной поддержки семей воевавших нижних чинов, показал, что уже к концу 1914 г. эмоциональный подъем, наблюдавшийся в прессе, сменяется попытками критического осмысления происходившего. Основные нарушения, связанные с несправедливыми отказами в выдаче пособий, по свидетельству российских газет, наблюдались главным образом в сфере деятельности волостных попечительств.

¹ РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 529. Л. 1 об.

К 1917 г. в периодической печати постоянно звучало разочарование буквально по поводу всех правительственных начинаний. В сельской местности, по сведениям печати, на смену массовой поддержке семьям воевавших на фронте нижних чинов, пришли апатия и равнодушие.

Комплексный анализ концепций, предложенных различными исследователями, рассматривавшими социальную и историко-культурную составляющие причин Февральской революции, позволил вывести наиболее общие направления оценок событий начала 1917 г. Первопричину в своем большинстве они видят в комплексе социально-экономических и политических факторов: от роли политических партий, в первую очередь большевиков (точка зрения, характерная для советской историографии), до цен на продовольствие и снижения уровня доверия населения к институту самодержавной власти.

Проведенное исследование, не ставя под сомнение большинство из выдвинутых положений, в то же время позволяет подтвердить гипотезу о том, что проблемы, вызванные несовершенной системой социальной защиты семей призванных на войну, экономическим положением большинства из них и резким изменением структуры потребления также способствовали росту недовольства как в тылу, так и на фронте, явились катализатором настроений в феврале 1917 г. Из анализа циркулярных разъяснений по статьям закона 25 июня 1912 г. следует, что власти стремились свести к минимуму число тех, кому надо было обязательно помогать, а в итоге, при совершенно одинаковых правах на получение пособия, одни семьи могли им пользоваться, а другие – нет, что давало повод к социальной напряженности.

Таким образом, в представленном исследовании определяются новые факторы, освещенные в ряде работ, но недооцененные в исторической науке, дополняющие общую картину социального кризиса, вызванного политикой правительства в условиях войны, играя не решающую, но значимую роль в этом процессе.

В диссертационном исследовании также затрагивается проблема массового переселения жителей провинции в Петроград и Москву из-за разницы в размерах пособий. В результате массовой миграции население Петрограда выросло, несмотря на осуществляемые призывы из города мужского населения на фронт, на 21% (по сравнению с 1910 г.). В ходе поиска выхода из сложившейся ситуации Совет министров намечал даже прекращение выдачи пайка семьям нижних чинов, прибывших в Петроград после 15 июля 1916 г. и насильственную эвакуацию оттуда семей призванных на войну. Намеченные меры по отношению к пришлому населению распространились на городские пригороды, которые регулярно пополнялись новыми жителями, оказывая влияние на развитие протестных настроений накануне Февральской революции, выливаясь в конкретные требования женских демонстраций.

В представленной работе в основном не рассматривается социальная политика Временного правительства, которая в условиях, сохранявшихся в стране чрезвычайных обстоятельств, не могла претендовать на принципиально новые подходы к делу призрения семей воевавших нижних чинов. Благотворительные организации, существовавшие под эгидой членов царской семьи (Верховный совет, комитеты Елизаветы Федоровны, Ольги Николаевны, Алексеевский и др.) были переданы в ведение различных министерств, что является свидетельством отсутствия собственных планов в деле поддержания солдатских семей. Временное правительство вынуждено было пойти на своеобразный компромисс, не только сохраняя основы социальной политики самодержавного строя времен Первой мировой войны, но и расширяя круг лиц, претендовавших на получение государственного пособия¹. Более того, новая

¹ См. подробнее: РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 529. Л. 2 об.–9; *Булгакова Л. А.* Привилегированные бедняки: помощь солдатским семьям в годы Первой мировой войны // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX – начала XX века: материалы конференции памяти В. С. Дякина. СПб. ; Кишинев: Nestor-Historia, 2001. С. 464-484; *Павлова И. П., Катцина Т. А.* Социальная политика Временного правительства: идеи и опыт реализации (март-октябрь 1917 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 428. С. 134-140.

власть вынуждена была действовать в рамках кардинальных перемен в представлениях о правительственной роли в деле социальной помощи семьям воевавших солдат, сформировавшихся в годы войны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Источники

Опубликованные письменные источники

Законодательные акты

1. Высочайше утвержденное Положение о приходских попечительствах при православных церквях // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2-е. Т. 39 (1864): Часть 1. № 41144.

2. Манифест. О введении всеобщей воинской повинности // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 49 (1874). Часть 1. № 52982.

3. О призрении семейств чинов запаса и ратников государственного ополчения, призванных в военное время на службу // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 52 (1877). Часть 1. № 57503.

4. Высочайше утвержденное городовое положение // ПСЗРИ. Собрание 3-е. Т. 12 (1892). № 8708.

5. Об утверждении правил об улучшении положения незаконнорожденных детей // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 22 (1902). Часть 1. № 21566.

6. Основные государственные законы // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 26 (1906). Часть 1. № 27805.

7. О призрении нижних воинских чинов и их семейств // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 32 (1912). Часть 1. № 37507.

8. Об изменении устава о воинской повинности // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 32 (1912). Часть 1. № 37417.

9. Об образовании Верховного совета по призрению семей, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов // Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1914. № 224. Ст. 2239.

10. Высочайше утвержденное положение Совета министров. О прекращении выдачи пайка семьям добровольно сдавшихся в плен и дезертиров // Собрание узаконений. 1915. Отд. 1. 29 апреля. Ст. 988.

Делопроизводственная документация, нормативные документы

1. Всероссийский союз городов. Распоряжения и циркуляры. К сведению учреждений Всероссийского союза городов. Октябрь 1915 г. – М.: Московская городская типография, 1915. – Вып. 1. – 52 с.

2. Государственная Дума. Четвертый Созыв. Стенографические отчеты. 1915 год. С приложением указателя к стенографическим отчётам. – Пг., 1915.

3. Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1915–1916. [Ч. 2]: Заседания 17-37: (с 9 февраля по 15 марта 1916 г.). – Пг., 1916.

4. Объявление петроградского градоначальника // Речь. – 1914. – № 331. – 7 декабря.

5. Объявление петроградского градоначальника // Речь. – 1914. – № 335. – 11 декабря.

6. Обязательная пайковая норма и ее дефекты // Вестник помощи семьям воинов и бедным. – 1916. – № 5 (25). – 10 апреля.

7. Положение о благотворительной лотерее в пользу нуждающегося населения в местностях, пострадавших от неурожая 1891 года. Учрежденные Комитетом благотворительной лотереи 20 ноября 1891 года главные основания продажи билетов сей лотереи. – СПб.: Б. и., [1891].

8. Приказ по военному ведомству. – № 724. – 11.11.1914.

9. Приложение к приказанию по войскам X армии. – 1916. – № 6. – 5 января.

10. Продовольствие Петрограда за время войны. Доклад городскому Продовольственному комитету члена комитета, гласного М. П. Федорова. – Пг., 1915.

11. Свод военных постановлений 1869 года. Книга XIX – Довольствие войск. – СПб., 1910. – Ст. 885.

12. Устав о воинской повинности. По официальному изданию управления по делам о воинской повинности министерства внутренних дел; с приложением алфавитного предметного указателя, составленного присяжным поверенным Г. В. Бертгольдтом. – М., 1914.

13. Ходатайство перед управлением по делам о воинской повинности // Всероссийский союз городов. Распоряжения и циркуляры. К сведению учреждений Всероссийского союза городов. Октябрь 1915 г. – М., 1915. – Выпуск I. – 52 с.

Неопубликованные письменные источники

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА, г. Москва):

Фонд 2000. Управление генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба.

Циркуляры канцелярии Военного министерства о выдаче пособий // Ф. 2000. – Оп. 1. – Д. 2249.

Фонд 2003. Штаб Верховного главнокомандующего (Ставка).

Оп. 1. Управление генерал-квартирмейстера.

О прекращении выдачи продовольственного пособия семействам нижних чинов, добровольно сдавшихся в плен // Ф. 2003. – Оп. 1. – Д. 49.

Оп. 2. Управление дежурного генерала.

Переписка с ГУГШ и Главным штабом о распространении закона и положения о призрении солдат и их семейств // Ф. 2003. – Оп. 2. – Д. 836.

Переписка с генерал-квартирмейстером и полевым генерал-инспектором артиллерии при Ставке о льготах семействам некоторых категорий военнослужащих // Ф. 2003. – Оп. 2. – Д. 877.

Фонд 2005. Военно-политическое и гражданское управление при Верховном Главнокомандующем. Оп. 1.

Дело о выдаче продовольственных пособий семьям солдат действующей армии // Ф. 2005. – Оп. 1. – Д. 46.

Дело о назначении продовольственного пособия // Ф. 2005. – Оп. 1. – Д. 47.

Фонд 1606. Московский военный округ.

Фонд 2031. Штаб главнокомандующего армиями Северного фронта.

Фонд 2048. Штаб главнокомандующего армиями Западного фронта. Оп. 1.

Российский государственный исторический архив (РГИА, Санкт-Петербург).

Журналы заседаний военных цензоров и членов Петроградского комитета по делам печати. 12 января 1916 – 14 июня 1916 // Ф. 778. – Оп. 1. – Д. 4.

Ф. 1276. Совет министров. Особые журналы заседаний.

Совет министров. Канцелярия. О пропаганде, ведущейся в войсках среди нижних чинов, по вопросу о сдаче в плен неприятелю // Ф. 1276. – Оп. 11. – Д. 961.

Совет министров. О прекращении выдачи продовольственного пайка семьям военнослужащих, добровольно сдавшихся в плен и дезертиров // Ф. 1276. – Оп. 11. – Д. 849.

Совет министров. Особые журналы заседаний. Март 1915. № 3724-3782 // Ф. 1276. – Оп. 20. – Д. 86.

Ф. 1292. Управление по делам о воинской повинности МВД. Оп. 7.

По ходатайствам об изменении закона // Ф. 1292. – Оп. 7. – Д. 264.

Управление по делам воинской повинности МВД. О командировании по Высочайшему повелению члена Свиты Его Величества в губернии для выяснения на местах постановки дела по выдаче продовольственного пайка семьям нижних воинских чинов // Ф. 1292. – Оп. 7. – Д. 271.

Журнал экстренного заседания Казанского губернского присутствия, состоявшегося 15 октября 1914 г. по вопросу о призрении семейств запасных нижних чинов и ратников ополчения, призванных на действительную военную службу // Ф. 1292. – Оп. 7. – Д. 271.

По вопросу о праве на продовольственное пособие лиц положением 25/VI–1912 г. не предусмотренные // Ф. 1292. – Оп. 7. – Д. 285.

С газетными заметками о мерах по призрению семейств нижних воинских чинов, по коим сделано опровержение // Ф. 1292. – Оп. 7. – Д. 291.

Доклад по вопросу о дополнении действующих узаконений о призрении семейств нижних чинов временными правилами по случаю войны с Германией, Австро-Венгрией и Турцией. Заседания 19 и 29 сентября и 22 октября 1914 года // Ф. 1292. – Оп. 7. – Д. 329.

О прекращении выдачи пайка семьям нижних воинских чинов прибывшим в город Петроград // Ф. 1292. – Оп. 7. – Д. 350.

Об изменении законоположения о выдаче продовольственного пособия семьям солдат // Ф. 1292. – Оп. 7. – Д. 529.

Ф. 1253. Верховный суд по призрению семей лиц, призванных на войну. Оп. 2-3.

Справочно-информационные издания

1. *Акинфиев, И. Я.* Призрение детей запасных воинских чинов в течение первых двух лет войны и отчеты Общества за 1914 и 1915 годы: второй год существования Общества / И. Я. Акинфеев. – Екатеринослав, 1916. – 64 с.

2. Бакинская городская управа. Отдел по призрению семей запасных нижних чинов и ратников государственного ополчения, призванных по мобилизациям на военную службу. Отчет о пожертвованных суммах в пользу семей нижних воинских чинов, призванных на воинскую службу, и раненых воинов. – Баку, 1916. – 26 с.

3. Вологодское городское попечительство по призрению семейств нижних чинов, призванных на действительную военную службу. Отчет о деятельности попечительства за период времени с 27 июля 1914 г. по 1 января 1915 года. – Вологда, 1915. – 42 с.

4. Вологодское городское попечительство по призрению семейств солдат, призванных на действительную военную службу. Отчет о деятельности попечительства за период времени с 1 августа 1915 г. по 1-е апреля 1917 года. – Вологда, 1917. – 40 с.

5. Волостные и земские попечительства. Доклад комиссии, избранной Московским обществом сельского хозяйства в заседании 5 сентября 1914 г. для рассмотрения вопроса о задачах земства в деле призрения семейств нижних чинов, призванных на войну, в связи с Высочайшим указом 29 августа с. г. Москва, 1914. Обязательная пайковая норма и ее дефекты // Вестник помощи семьям воинов и бедным. – 1916. – № 5 (25). – 10 апреля.

6. Деятельность отделений комитета Ея императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны // Призрение и благотворительность. – 1916. – № 6. – Стб. 543-584.

7. Законы о пенсиях и пособиях нижним воинским чинам и их семействам (1867–1913). Полное собрание действующих законов о пенсиях и пособиях нижним воинским чинам и их семьям за 50 лет, начиная от правил 25 июня 1867 г. о призрении отставных нижних чинов военного и морского ведомств, поступивших на службу по Рекрутскому уставу 1862 г. и кончая законом 25 июня 1912 г. о призрении нижних чинов и их семейств – с законодательными мотивами, постатейными примечаниями и разъяснениями, извлеченными из правил, инструкций и других ведомственных распоряжений, опубликованных в циркулярах Министерств Внутренних дел, Финансов и Главного штаба и в приказах по военному ведомству до 1 июня 1913 г. / Ю. В. Александровский. – СПб.: Юридическое издательство «Закон и право», 1913–1915. – 225 с.

8. Из доклада председателя городского комитета по оказанию помощи семьям призванных на действительную службу и лицам, прибывающим из района военных действий, С. В. Бахрушина в Особый комитет е. и. в. в. кн. Елизаветы Фёдоровны с предложением объединить усилия комитетов для оказания более действенной помощи лицам, пострадавшим от войны. 29 августа 1914 г. // Москва в годы Первой мировой войны. 1914–1917 гг.: Документы и материалы / Главное архивное управление города Москвы, ГБУ «ЦГА Москвы»; Сост. Н. В. Антонова, А. С. Балакирев, Е. В. Иванова, Н. А. Филаткина, В. А. Шевченко. – М., 2014. – 1104 с.

9. Как дать русскому солдату и его семье получить пенсию и пособие: о пенсиях и пособиях раненым и больным нижним воинским чинам : о пенсиях и пособиях вдовам, сиротам, детям и родителям нижних воинских чинов : о пособиях семьях призванных на войну нижних воинских чинов (казенный паек) : образцы прошений. – М.: «Попечительный комитет по оказанию помощи раненым и больным воинам, находящимся в военных госпиталях», 1915. – 48 с.

10. Краткий обзор деятельности Екатеринославских городских участковых попечительств о семьях запасных нижних чинов и ратников ополчения, призванных в войска от 18-го июля 1914 г. по 1-е апреля 1915 г. – Екатеринослав : Тип. б. братства Св. Владимира, Б. г. – 34 с.

11. Минский городской комитет общественной помощи семьям нижних чинов запаса армии и ратников государственного ополчения, призванных на действительную службу. Отчет о деятельности Минского городского комитета общественной помощи семьям нижних чинов запаса армии и ратников государственного ополчения, призванных на действительную службу, [к 1 января 1915 года]. – Минск, 1915. – 31 с.

12. Обзор деятельности городских попечительств о бедных за первый год войны 1914–1915 / сост. Л. Я. Гуревич. – Пг., 1915. – 107 с.

13. Отчет городского попечительства о бедных Сретенской части за 1915 год. – М., 1916. – 25 с.

14. Отчет дамского кружка по оказанию помощи по случаю войны. – Пг., 1915. – 14 с.

15. Отчет комитета Рижского дамского кружка для выдачи пособий вдовам нижних воинских чинов. – Рига, 1884. – 26 с.

16. Отчет о деятельности Екатеринбургского дамского кружка по сбору пожертвований для отправки на передовые позиции, за время с 5 октября 1914 г. по 25 апреля 1916 г. – Екатеринбург, 1916. – 84 с.

17. Отчет о деятельности Слободского отдела общества помощи семьям запасных и ратников ополчения, призванных в мобилизации 1914–1915 гг., за период времени с 22 сентября 1914 г. по 1 января 1916 г. – Слободской, 1917. – 36 с.

18. Отчет отдела Екатеринославской городской управы по призрению семей призванных на войну запасных нижних чинов и ратников ополчения призванных в войска. За 1915 год. – Екатеринослав, 1915. – 76 с.

19. Отчет Шлиссельбургского частного комитета по призрению семей призванных на войну запасных нижних чинов и ратников ополчения за время с 17 августа 1914 года по 17 августа 1915 года. – Шлиссельбург, 1915. – 15 с.

20. Пенсии и пособия нижним воинским чинам и их семействам: Сб. законов и распоряжений с офиц. к ним разъяснениями по 1 ноября 1915 г. и толкованиями Ред. комиссии Юрид. отд. Всерос. союза городов. – М., 1916. – 309 с.

21. Пенсии и призрение нижних воинских чинов и их семейств: (Закон 25 июня 1912 года, доп. извлеч. из др. законоположений о пенсиях и призрении ниж. воин. чинов) / Изд. полк. В. К. Ермоленко. СПб., 1912. 160 с.

22. Призрение детей запасных воинских чинов в течение первых двух лет войны и отчёты общества за 1914 и 1915 годы / Сост. И. Я. Акинфиев. – Екатеринослав: Тип. губ. земства, 1916. – 64 с.

23. Руководство по призрению нижних воинских чинов и их семейств и о порядке назначения им пенсий / Сост. А. П. Тютчев. – Пг., 1915. – 111 с.

24. Саратовская городская управа. Отчет о деятельности городских участковых попечительств и Городской исполнительной комиссии... по оказанию помощи семьям запасных воинских чинов, призванных на действительную службу. С 25 июля по 15 сентября 1914 года. – Саратов, 1915. – 15 с.

25. Сборник постановлений Галичского уездного земского собрания. Чрезвычайного заседания 8 августа 1914 г. – Кострома, 1915. – 19 с.

26. *Сергеев М.* Руководство для волостных попечительств и должностных лиц волостного и сельского правлений в деле призрения семейств нижних воинских чинов / М. Сергеев. – Кузнецк, 1916. – 26 с.

27. Царскосельское городское попечительство о призрении семейств нижних воинских чинов. Отчет за период с 1 января 1915 года по 1 января 1916 года. – Пг., 1916. – 25 с.

28. Этвеш, Бан-Федор. Война и земство. – Пг., 1916. – 38 с.

Дневники, воспоминания, письма

1. Анонимное письмо солдата 39-го стрелкового полка, находившегося проездом в Москве, московскому городскому голове М. В. Челнокову о высоких ценах на продукты и тяжелом положении солдатских семей // Москва в годы Первой мировой войны. 1914–1917 гг.: Документы и материалы / Главное архивное управление города Москвы, ГБУ «ЦГА Москвы»; Сост. Н. В. Антонова, А. С. Балакирев, Е. В. Иванова, Н. А. Филаткина, В. А. Шевченко. – М., 2014. – С. 167–168.

2. *Гурко, В. И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника / Вступ. статья Н. П. Соколова и А. Д. Степанского, публ. и коммент. Н. П. Соколова / В. И. Гурко. – М., 2000. – 810 с.

3. Засосов, Д., Пызин, В. Повседневная жизнь Петербурга на рубеже XIX – XX веков. Записки очевидцев / Д. Засосов, В. Пызин. – М.: Молодая гвардия, 2003. – 467 с.

4. Морозов, К. И. (В. Сольский). Тяжкие годы. Штрихи и наброски. Берлин: Издание Товарищества «Кооперативное издательство» / К. И. Морозов – М., 1921. – 122 с.

5. Письма с войны 1914–1917 (составление, комментарии и вступительная статья А. Б. Асташова и П. А. Симмонса). – М.: Новый Хронограф, 2015. – 800 с.

6. Толстой, И. И. Дневник. 1906–1916 / Публикация Л. И. Толстой. / И. И. Толстой. – СПб.: Фонд регионального развития Санкт-Петербурга; Европейский Дом; Европейский университет в Санкт-Петербурге, 1997. – 729 с.

Периодическая печать

Специализированные журналы

1. Известия Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. Пг. 1914 – 1916 гг.

2. Призрение и благотворительность в России. Пг. 1914 – 1917 гг.

Газеты и журналы

1. Сельский вестник. Пг. 1914 – 1917 гг.

2. Биржевые ведомости. Пг. 1914 – 1916 гг.

3. Речь. Пг. 1914 – 1916 гг.

4. Новое время. Пг. 1914 – 1917 гг.

5. Пермская земская неделя. – 1914.

6. Русская мысль. Пг. – 1915.

7. Вестник Европы. Пг. – 1914 – 1915.

8. Петроградский листок. Пг. – 1914 – 1915.

9. Орловский вестник. 1914 – 1916 гг.

10. Женский вестник. Пг. – 1915.

11. Северные записки. Пг. – 1914.
12. Вечернее время Пг. – 1914.
13. День. Пг. – 1914.
14. Орел. – 1914.

Публицистические материалы

1. *Бехтерев В. М.* Отрезвление народа и нравственное оздоровление // Биржевые ведомости. – 1914. – № 14550. – 12 декабря.
2. *В. Д-въ.* Отклики войны в столице Поволжья. (Письмо из Саратова) // Речь. – 1914. – № 267. – 4 октября.
3. *Веселовский Б.* Волости // Сельский вестник. – 1917. – № 121. – 8 июля.
4. Внутренние известия. «Человеческие документы». Курск (корреспонденция «Нового времени») // Новое время. – 1915. – № 13948. – 10 января.
5. Военно-полевой суд // Речь. – 1914. – № 32. – 3 декабря.
6. Война и браки // Биржевые ведомости. – 1914. – № 14372. – 14 сентября.
7. Война и газеты // Биржевые ведомости. – 1914. – № 14419. – 7 октября.
8. Волостные попечительства // Пермская земская неделя. – 1914. – № 37. 11 сентября.
9. Волостные попечительства и волостные власти. (От собственного корреспондента) // Сельский вестник. – 1916. – № 88. – 22 апреля.
10. *Гогель С. К.* Слабые стороны закона 25 июня 1912 г. о призрении нижних воинских чинов и их семейств // Призрение и благотворительность в России. – 1915. – № 1-2. – С. 3-8.
11. *Гропекий П. П.* Деревня и война // Речь. – 1914. – № 281. – 18 октября.

12. *Гуревич Л. Я.* О работе в городских попечительствах // Речь. – 1914. – № 323. – 29 ноября.
13. *Дашкевич Л.* К организации деревни // Русская мысль. – 1915. – № 10. – С. 78-88.
14. Дело земского начальника // Речь. – 1914. – № 344. – 20 декабря.
15. Жены солдатские // Биржевые ведомости. – 1914. – № 14469. – 1 ноября.
16. *Жилкин И. В.* Провинциальное обозрение // Вестник Европы. – 1914. – № 9. – С. 333–342.
17. Заботы о семьях запасных. Добрый почин // Петроградский листок. – 1914. – № 268. – 30 сентября.
18. *Изгоев А. С.* Борьба с дороговизной // Русская мысль. – 1915. – № 5. – Ч. XIX. – С. 1–6.
19. *Иринский.* Что читает деревня? // Сельский вестник. – 1915. – № 264. – 11 декабря.
20. *Кривенко В. С.* Семьи запасных // Новое время. – 1914. – № 13838. – 20 сентября.
21. *Кузьмин-Караваев В.* Феерические цифры // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. – 1915. – № 14814. – 16 января.
22. *Кузьмин-Караваев В. Д.* Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. – 1915. – № 4. – С. 375–389.
23. *Кузьмин-Караваев В. Д.* Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. – 1915. – № 6. – С. 350–362.
24. *Кузьмин-Караваев В. Д.* Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. – 1914. – № 9. – С. 369–379.
25. *Ленин В. И.* Война и российская социал-демократия // Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – М., 1969. – Т. 26. – С. 13–23.
26. *Лерин В.* Жены солдатские // Биржевые ведомости. – 1914. – № 14469. – 1 ноября.

27. Мавра, не плачь! // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. – 1914. – № 14368. – 12 сентября.
28. Мобилизация общественных сил // Петроградский листок. – 1914. – № 247. – 9 сентября.
29. Нам пишут из Кромского уезда // Орловский вестник. – 1916. – № 231. – 29 октября.
30. Настроение деревни и прибытие раненых // Сельский вестник. – 1915. – № 18. – 23 января.
31. Не жене, а раненым // Петроградский листок. – 1914. – № 263. – 25 сентября.
32. Недобросовестность волостных попечителей. (От собственного корреспондента) // Сельский вестник. – 1916. – № 82. – 16 апреля.
33. Нищенство в столице // Биржевые ведомости. – 1914. – № 14497. – 15 ноября.
34. Нужда и общественная помощь // Женский вестник. – 1915. – № 3. – С. 62–65.
35. О продовольствии Петрограда // Сельский вестник. – 1917. – № 33. – 10 февраля.
36. *Огановский Н. П.* Мирское дело // Северные записки. – 1914. – № 10/11. – С. 93–112.
37. *Огановский Н. П.* Отрезвленная Россия // Северные записки. – 1914. – № 12. – С. 4–24.
38. От конторы газеты «Сельский вестник» // Сельский вестник. – 1917. – № 112. – 24 июня.
39. От редакции // Сельский вестник. – 1917. – № 42. – 21 марта.
40. От читателей. (Из писем в редакцию) // Вечернее время. – 1914. – № 41503. – 3 декабря.
41. От читателей. Вечернее время. (Из писем в редакцию) // Вечернее время. – 1914. – № 40683. – 3 декабря.

42. Письма и сообщения. Деревня и война // Сельский вестник. – 1917. – № 8. – 11 января.
43. Письма и сообщения. Из Одоевского уезда. Наблюдения и заметки // Сельский вестник. – 1916. – № 72. – 30 марта.
44. Письма наших читателей // Сельский вестник. – 1917. – № 204. – 22 октября.
45. По России. Жалобы на волостные власти. (От собственного корреспондента) // Сельский вестник. – 1916. – № 98. – 6 мая.
46. По России. О распределении пайков. (От собственного корреспондента) // Сельский вестник. – 1916. – № 82. – 16 апреля.
47. Пожелания небогатой солдатки. (От собственного корреспондента) // Сельский вестник. – 1917. – № 23. – 28 января.
48. Помощь (?) Семьям в запасных // Вечернее время. – 1914. – № 40683. – 28 ноября.
49. *Пономарев К. М.* Переворот в народном быту // День. – 1914. – 27 ноября. – № 323.
50. Правда ли? // Орел. – 1914. – № 85. – 9 ноября.
51. Правда ли? // Орел. – 1914. – № 96. – 18 декабря.
52. Рассудку вопреки // Речь. – 1915. – № 62. – 5 марта.
53. Решение солдаток // Сельский вестник. – 1917. – № 126. – 14 июля.
54. *Свиристелев А. А.* Газеты и деревня // Сельский вестник. – 1915. – № 115. – 3 июня.
55. Сельский вестник. – 1914. – № 162. – 24 июля.
56. Сельский вестник. – 1915. – № 177. – 20 августа.
57. Сельский вестник. – 1915. – № 35. – 14 февраля.
58. Сельский вестник. – 1916. – № 251. – 26 ноября.
59. Сельский вестник. – 1917. – № 33. – 10 февраля.
60. Утеснение солдаток. (От собственного корреспондента) // Сельский вестник. – 1916. – № 71. – 29 марта.

61. *Филатович Борис*. Воину и его семье // Сельский вестник. – 1915. – № 145. – 18 ноября.

Монографии и статьи

1. *Алфёрова, И. В., Блохин, В. Ф.* «Гасильник народного духа»: цензурные ограничения в освещении героизма фронтовиков во время Первой мировой войны / И. В. Алфёрова, В. Ф. Блохин // Новый исторический вестник. – 2017. – № 3 (53). – С. 63-84.

2. *Артамонова, Л. М.* Материалы попечительства о семьях нижних чинов, призванных из запаса и ополчения, в фондах Центрального государственного архива Самарской области как источник по истории Самары в 1914–1917 гг. / Л. М. Артамонова // Память о прошлом – 2017. Материалы и доклады VI историко-архивного форума, посвященного 100-летию революции 1917 г. в России. Составители О. Н. Солдатова, Г. С. Пашковская. – Самара, 2017. – С. 86–92.

3. *Асташов, А. Б.* Русские солдаты и Первая мировая война. Психоисторическое исследование военного опыта / А. Б. Асташов // Социальная история. Ежегодник, 2001/2002. – М., 2004. – С. 399–425.

4. *Асташов, А. Б.* Дезертирство и борьба с ним в царской армии в годы Первой мировой войны / А. Б. Асташов // Российская история. – 2011. – № 4. – С. 44–52.

5. *Асташов, А. Б.* Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность / А. Б. Асташов. – М.: «Новый хронограф», 2014. – 730 с.

6. *Асташов, А. Б.* Моральный дух и настроения русской армии в Первой мировой войне / А. Б. Асташов // От противостояния идеологий к служению идеалам: российское общество в 1914–1945 гг.: сборник статей. – М.: «Новый хронограф», 2016. – С. 33–46.

7. *Баева, Е. П., Иванова, Н. М.* Организация социальной помощи в годы Первой мировой войны / Е. П. Баева, Н. М. Иванова // Научно-технический

вестник Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики. – 2005. – № 1 (17). – С. 117–122.

8. *Беркевич, А. Б.* Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. / А. Б. Беркевич // Исторические записки. – М., 1947. – Т. 23. – С. 3-33.

9. Благотворительность в России. 2001: Социальные и исторические исследования. Под ред. О. Л. Лейкинда. Сост.: А. Клецина, О. Лейкинд, А. Орлова, Г. Ульянова. – СПб.: Лики России, 2001 – 846 с.

10. Благотворительность в России. 2002: Исторические и социально-экономические исследования. Под общ. ред. О. Л. Лейкинда. Сост. И науч. ред.: О. Л. Лейкинд, А. В. Орлова, Г. Н. Ульянова. – СПб.: Лики России, 2003. – 640 с.

11. Благотворительность в Санкт-Петербурге 1703–1918. Историческая энциклопедия. Научная редакция и составление: А. П. Керзум, О. Л. Лейкинд, Д. Я. Северюхин. – СПб.: «Лики России». 2016. – 752 с.

12. Благотворительность в России. 2003/2004: Исторические и социально-экономические исследования. Под общ. ред. О. Л. Лейкинда. Сост. и науч. ред: Л. В. Бадя, О. Л. Лейкинд, А. В. Орлова, Г. Н. Ульянова. – СПб.: Изд-во им. Н. И. Новикова, 2004 – 608 с.;

13. Благотворительность в России. 2004/2005: Исторические и социально-экономические исследования. Под общ. ред. О. Л. Лейкинда. Сост. и науч. ред: О. Л. Лейкинд, А. В. Орлова, Г. Н. Ульянова. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2005 – 464 с.;

14. Благотворительность в России. 2006/2007: Многоликая благотворительность глазами участников и очевидцев. Исторические и социально-экономические исследования. Под общ. ред. О. Л. Лейкинда. Сост. и науч. ред: О. Л. Лейкинд, А. В. Орлова, Г. Н. Ульянова. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2007 – 510 с.;

15. *Блохин, В. Ф., Алфёрова, И. В.* Преданье административной старины: «белые пятна» на страницах российских газет (вторая половина

XIX века – 1917 год) / В. Ф. Блохин, И. В. Алфёрова // Новый исторический вестник. – 2016. – № 3 (49). – С. 32–48.

16. Букалова, С. В. Роль органов местного самоуправления в системе государственного управления Российской империи в годы Первой мировой войны / С. В. Букалова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. – 2016. – № 1. – С. 35–51.

17. Букалова, С. В. Роль местного самоуправления в организации помощи беженцам в годы I мировой войны / С. В. Букалова // Санкт-Петербургский исторический журнал. – 2016. – № 3. – С. 61–79.

18. Булгакова, Л. А. Невенчаные солдатки: борьба за признание гражданских браков в годы Первой мировой войны Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX века: исследования, историография, источники / Л. А. Булгакова. – СПб: Нестор-История, 2009. – С. 183–214.

19. Булгакова, Л. А. Привилегированные бедняки: помощь солдатским семьям в годы Первой мировой войны / Л. А. Булгакова // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX – начала XX века. Материалы конференции памяти В. С. Дякина. – СПб. ; Кишинев: Nestor-Historia, 2001. – С. 429–493.

20. Булдаков, В. П. Мировая война и деморализация «Святой Руси» 1914–1916 гг. / В. П. Булдаков // Дальний Восток России и страны Восточной Азии накануне и в годы Первой мировой войны: Сб. науч. ст. – Владивосток, 2016. – С. 18–32.

21. Булдаков, В. П., Леонтьева, Т. Г. Война, породившая революцию. Россия, 1914–1917 гг. / В. П. Булдаков, Т. Г. Леонтьева. – М.: Новый хронограф, 2015. – 720 с.

22. Булдаков, В. П. От войны к революции: рождение «человека с ружьем» / В. П. Булдаков // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. Материалы всерос. науч. конф., сост. 14-15 нояб. 1995., г. Москва. – М.: ИРИ РАН, 1997. С. 55–75.

23. *Веретенко, В. А.* Проблема внебрачных семей офицеров и запасных в России начала XX века / В. А. Веретенко // Война и повседневная жизнь населения России XVII – XX вв. (к столетию начала Первой мировой войны). Материалы Международной научной конференции. – СПб., 2014. – С. 157–164.

24. *Гаврилов, Л. М., Кутузов, В. В.* Перепись русской армии 25 октября 1917 г. / Л. М. Гаврилов, В. В. Кутузов // История СССР. – 1964. – № 2. – С. 87–91.

25. *Гасман, А. С.* Внебрачные дети на Западных окраинах и в Империи / А. С. Гасман. – Пг., 1914. – 198 с.

26. *Головин, Н. Н.* Россия в Первой мировой войне / Н. Н. Головин. – М.: Вече, 2014. – 564 с.

27. *Данилов, Н. А.* Экономика и подготовка к войне : Очерки по истории подготовки к войне / Н. А. Данилов. – М. ; Л.: Гос. воен. изд-во, 1926. – 195 с.

28. *Долидович, О. М.* Попечительства о семьях призванных солдат в 1914–1917 гг. (на материалах Барнаульского уезда Томской губернии) / О. М. Долидович // Вестник Томского государственного университета. – История. – 2017. – № 45. – С. 16–21.

29. *Дроздова, Н. П.* Организация общественного призрения и частной благотворительности в России в дооктябрьский период // История предпринимательства в России: XIX – начало XX века: Сб. статей Под ред. А. Л. Дмитриева, А. А. Семенова; Научно-исследовательский ин-т менеджмента СПбГУ. / Н. П. Дроздова. – СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2005. – С. 168–188.

30. *Есиков, С. А., Мягкоход, Л. Т., Щербинин, П. П.* Оказание помощи солдатским семьям в Тамбовской губернии в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. / С. А. Есиков, Л. Т. Мягкоход, П. П. Щербинин // Военно-мобилизационная деятельность государства и российское общество в XVIII–

XX веках: Сб. статей междунар. науч. конф. / Под ред. О. М. Ярцевой. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2008. – С. 19–21.

31. *Зайцева, С. В.* Факторы, оказывавшие влияние на рождение внебрачных детей в Российской империи во второй половине XIX века / С. В. Зайцева // Вестник Ленинградского государственного ун-та им. А. С. Пушкина. История. – СПб., – 2010. – № 2. – Т. 4. – С. 144–152.

32. *Кошман, Л. В.* Город и городская жизнь в России XIX столетия. Социальные и культурные аспекты / Л. В. Кошман. – М.: РОССПЭН, 2008. – 448 с.

33. *Кривошеев, Г. Ф.* и др. Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование / Г. Ф. Кривошеев и др. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – Гл. II. – 608 с.

34. *Кузнецов, О. Ю.* Социальные аспекты I Мировой войны 1914–1918 гг. (по материалам Тульской губернии): Сборник материалов межрегиональной военно-исторической научной конференции / О. Ю. Кузнецов. – М.: Витязь, 1997. – С. 11–16.

35. *Лукьянчикова, М. В.* История российской армии в освещении германского исследователя Д. Байрау М. В. Лукьянчикова // Общество: философия, история, культура. – 2012. – № 4. – С. 42–47.

36. *Мальков, А. А.* Деятельность большевиков среди военнопленных русской армии (1915–1919) / А. А. Мальков. – Казань, 1971. 271 с.

37. *Матвеева, Н. Л.* Благотворительность и императорская семья в годы Первой мировой войны / Н. Л. Матвеева. – М. Изд-во МГОУ, 2004. – 189 с.

38. *Миронов, Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) / Б. Н. Миронов. – СПб.: Издательство: Дмитрий Буланин, 1999. – Т. 1. – 548 с.

39. *Нагорная, О. С.* Русские генералы в германском плену в годы Первой мировой войны / О. С. Нагорная // Новая и Новейшая история. – 2008. – № 6. – С. 94–108.

40. *Оликов, С.* Дезертирство в Красной армии и борьба с ним / С. Оликов. – М.: Издание Военной Типографии Управления Делами НАРКОМВОЕНМОР и РВС СССР, 1926. – 128 с.
41. *Оськин, М. В.* Неизвестные трагедии Первой мировой. Пленные. Дезертиры. Беженцы / М. В. Оськин. – М.: Вече, 2011. – 430 с.
42. *Оськин, М. В.* Российские дезертиры Первой мировой войны / М. В. Оськин // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2. История. История Русской Православной Церкви. – 2014. – Вып. 5 (60). – С. 46–60.
43. *Павлова, И. П.* Монархия и общество: место именных благотворительных комитетов и ведомств в социальной жизни России начала XX в. // История российской монархии: мнения и оценки / И. П. Павлова. – СПб., 2000. – С. 114–120.
44. *Павлова, И. П.* Социальное попечение в России в конце XIX – начале XX века. / И. П. Павлова. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2004. – 568 с.
45. *Поршнева О. С.* Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях: Учеб. пособие / О. С. Поршнева. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – 158 с.
46. *Поткина, И. В.* Регулирование социальной сферы в России в годы Первой мировой войны / И. В. Поткина // Экономическая история. – 2017. – № 1 (36). – С. 36–49.
47. *Протасов, Л. Г.* Классовый состав солдат русской армии перед Октябрем / Л. Г. Протасов // История СССР. – 1977. – № 1. – С. 34–41.
48. *Пушкарева Н. Л., Щербинин П. П.* Организация призрения семей нижних чинов в годы Первой мировой войны / Н. Л. Пушкарева, П. П. Щербинин // Журнал исследований социальной политики. – 2005. – Т. 3. – № 2. – С. 147–162.

49. *Рашин, А. Г.* Динамика численности и процессы формирования городского населения России в XIX начале XX вв. / А. Г. Рашин // Исторические записки. – Т. 34. – М., 1950. – С. 32–76.
50. *Репина, Л. П.* «Новая историческая наука» и социальная история. Изд. 2, испр. и доп. / Л. П. Репина. – М.: ЛКИ, 2009. – 315 с.
51. *Сазонов, Л. И.* Численность русской армии в войну 1914–1918 г. //
52. Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914–1920 г.г. / Л. И. Сазонов М.; Пг.: Государственное издательство, 1923. – Вып. Первый. – С. 139–152.
53. *Семионкина, Н. Г.* Некоторые особенности организации государственного призрения нижних чинов в Российской империи начала XX века / Н. Г. Семионкина // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика: материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского. – Рязань : Концепция, 2015. – С. 107–109.
54. *Сенина, М. А.* Благотворительность власти и общества: деятельность великих князей Романовых в Петрограде и на фронте: июль 1914 – февраль 1917 г.: дисс. ... канд. ист. наук / М. А. Сенина – СПб., 2010.
55. *Сенявская, Е. С.* Человек на войне: историко-психологические очерки / Е. С. Сенявская. – М., 1997. – 232 с.
56. *Сенявская, Е. С., Сенявский, А. С., Жукова, Л. В.* Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века: очерки по военной антропологии. / Е. С. Сенявская, А. С. Сенявский, Л. В. Жукова. – М.: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – С. 7-25.
57. *Симмонс, П.* Борьба с дезертирством и добровольной сдачей в плен в русской армии в годы Первой мировой войны / П. Симмонс // Величие и язвы Российской империи: Международный научный сборник к 50-летию О. Р. Айрапетова / Составитель В. Б. Каширин. – М.: Издательский дом «Регнум», 2012. – 768 с.

58. *Соловьев, К. А.* Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия 1906–1917 / К. А. Соловьев. – М., 2011. – С. 511 с.

59. *Степанов, К. А.* Ростовское городское по призрению семейств воинских нижних чинов попечительство / К. А. Степанов // История и культура Ростовской земли: материалы науч. конф. 8-10 ноября 2012 г. – Ростов, 2013. – С. 349–372.

60. *Судащев, Н. Д.* Земское и городское самоуправление в России в годы Первой мировой войны / Н. Д. Судащев. – М.; Ставрополь, 2001. – 367 с.

61. *Турлакова, Е.* Брянский дамский кружок в годы Первой мировой войны: благотворительная деятельность / Е. Турлакова // История. Общество. Политика. – 2017. – № 1 (1). – С. 177–179.

62. *Ульянова, Г. Н.* Императрица Мария Федоровна в российской благотворительности: материнское попечение о страждущих / Г. Н. Ульянова // Императрица Мария Федоровна. Жизнь и судьба. СПб., 2006. С. 103–119.

63. *Фаворисов, Е. В.* Призрение семей нижних чинов, призванных в военное время на действительную службу (1874–1912 гг.) / Е. В. Фаворисов // Молодой ученый. – 2010. – № 9 (20). – С. 217–223.

64. *Федоров, В. А.* Закон о всеобщей воинской повинности 1874 года и крестьянство / В. А. Федоров // Исторические записки. – Т. 46. – М., 1954. – С. 182–197.

65. *Фишер, Е. С.* Общие проблемы снабжения населения продовольствием в тыловых районах Минского военного округа в период Первой мировой войны (на материалах Орловской губернии) / Е. С. Фишер // История. Общество. Политика. – 2017. – № 3 (3). С.

66. *Флоринский, М. Ф.* Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны (Совет министров в 1914 – 1917 гг.) / М. Ф. Флоринский. – Л. 1988. – 208 с.

67. *Флоринский, М. Ф.* Эволюция компетенции Совета министров Российской империи во время Первой мировой войны (июль 1914 – февраль

1917 гг.) / М. Ф. Флоринский // Новейшая история России / Modern history of Russia. – 2014. – № 3. – С. 116–131.

68. *Форсова, В. В.* Общественное призрение военных и их семей в дооктябрьской России / В. В. Форсова // Вестник РАН. – 1996. – Т. 66. – № 8. – С. 750–758.

69. *Шатковская, Т. В.* Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX века: опыт юридической антропометрии / Т. В. Шатковская. – Ростов-на-Дону: РГЭУ (РИНХ), 2000. – 223 с.

70. *Щербинин, П. П.* Влияние войн начала XX в. на повседневную жизнь российской солдатки / П. П. Щербинин // Повседневность российской провинции: история, язык, пространство. – Казань, 2003. – С. 184–2002.

71. *Щербинин, П. П.* Плод страсти роковой. Солдатки и их незаконнорожденные дети в XIX – начале XX в. / П. П. Щербинин // Родина. – 2003. – № 8. – С. 47–51.

72. *Щербинин, П. П.* Повседневная жизнь семей запасных чинов и их призрение в годы русско-японской войны / П. П. Щербинин // Семья в ракурсе социального знания. – Барнаул, 2001. – С. 109–126.

73. *Щербинин, П. П.* Российская солдатка: опыт реконструкции повседневной жизни в период войн России XIX начала XX вв. / П. П. Щербинин // Клио. – 2003. – № 2. – С. 241–250.

74. *Щербинин, П. П.* Как жилось российской солдатке в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) / П. П. Щербинин // Женщина в российском обществе. – 2004. – № 1-2. – С. 57–71.

75. *Beyrau D.* Militär und Gesellschaft im vorrevolutionären Rußland (Beiträge zur Geschichte Osteuropas, Bd.15). – Köln, 1984. – 504 s.

76. *Beyrau Dietrich.* Krieg und Revolution: Russische Erfahrungen. – München: Brill Deutschland GmbH, Paderborn, 2017. – 311 s.

77. *Bushnell Y.* Peasants in uniform: The Tsarist army as a peasant society// Journal of social history. Summer. – 1980. – V. 13. – № 4. – P. 565–576.

78. *Gatrell P.* Russia's First World War: a social and economic history. – Edinburgh, 2005. – 318 p.

79. *Wildman A.* The end of the Russian Imperial Army: The old army and the Soldiers revolt. March to April 1917. N. Y., Princeton, Princeton University Press, 1979. 434 p.

Диссертации и авторефераты

80. *Белова Е. Е.* Культурно-исторический смысл общественного призрения русских военнослужащих последней четверти XIX – начала XX вв. (по материалам губерний Центральной промышленной области): дисс. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2014.

81. *Букалова С. В.* Орловская губерния в годы Первой мировой войны: социально-экономические, организационно-управленческие и общественно-политические аспекты (дореволюционный период: июль 1914 – февраль 1917 года): дисс. ... канд. ист. наук. Орел, 2005.

82. *Гавриков Ф. А.* Города Российской провинции в условиях Первой мировой войны (на примере Курской губернии): дисс. ... канд. ист. наук. Курск, 2006.

83. *Ларин Е. И.* Массовое сознание и массовая культура (на примере российского общества): автореф. ... канд. филос. Наук. Ростов-на-Дону, 2003. – 24 с.

84. *Максимова Л. Б.* Вклад великой княгини Елизаветы Федоровны в благотворительное движение (конец XIX – начало XX в.). Л. Б. Максимова: дисс ... канд. ист. наук. – М., 1998. – 229 с.

85. *Суханова О. Н.* Калужское земство в годы Первой мировой войны: дисс. ... канд. ист. наук. Владимир, 2012.

86. *Чубаров А. И.* Социальная опека солдатских семей и пострадавших военнослужащих России в войнах конца XIX – начала XX веков на типичном примере Курской губернии: дисс. ... кандидата исторических наук. Белгород, 2017.